

Ана Светова

18+

Продолжение
легенды

Ана Светова

Продолжение легенды

«Автор»

2019

Светова А.

Продолжение легенды / А. Светова — «Автор», 2019

В декабре 2019 года исполнилось 80 лет со дня премьеры в Атланте фильма «Унесенные ветром». Если бы не он, может, и не трогала бы так людские сердца история Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера, может, не считали бы зрители величайшей несправедливостью их расставание, и может, не появились бы многочисленные продолжения романа. В предлагаемой версии перед вами предстанут попытки полюбившихся героев вновь найти себя и свою любовь. Смогут ли они быть вместе после всего пережитого? Исторические события мировой значимости, социально-политические явления новой эпохи станут неотъемлемым фоном повествования, но уже не затронут жизнь героев так глубоко.

© Светова А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

К читателю!	5
Часть первая	8
I	8
II	13
III	19
IV	34
V	37
VI	42
VII	47
VIII	51
IX	56
X	63
XI	68
XII	72
XIII	77
XIV	86
XV	92
XVI	98
XVII	102
XVIII	109
XIX	115
XX	119
XXI	122
Часть вторая	126
I	126
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Ана Светова

Продолжение легенды

К читателю!

В декабре 2019 года исполнилось 80 лет со дня премьеры в Атланте фильма «Унесенные ветром». Хочется выразить слова восхищения всем, кто принимал участие в создании этого фильма на все времена, особенно актерам, и прежде всего исполнителям главных ролей: Вивьен Ли и Кларку Гейблу. Ее красота и его обаяние никого не оставляют равнодушными и теперь. Если бы не они, может, и не трогала бы так людские сердца история Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера, может, и не считали бы зрители величайшей несправедливостью их расставание, и может быть, не появилось бы многочисленных продолжений романа, соединивших любимых героев навсегда.

Маргарет Митчелл писала книгу не о любви, а о Гражданской войне, и все ее симпатии воплотились в образе идеальной Мелани Уилкс, талантливо сыгранной до сих пор живущей великолепной Оливией де Хэвилленд. Скарлетт же справедливо наказана за свою беспринципность и желание разбогатеть любыми средствами. Очевидно, автор считала, что ни циничный «подлипала», ни торговка, обманывающая своих покупателей, не заслуживают счастливой взаимной любви, потому и развела их на последних страницах. Она находила «нелепым и смешным, что мисс О'Хара стала чем-то вроде национальной героини; я думаю, что это очень скверно – для морального и умственного состояния нации, – если нация способна аплодировать и увлекаться женщиной, которая вела себя подобным образом...»

Вопреки всему и роман, и его отнюдь не восхитительные, по мнению Митчелл, персонажи победно шествуют по миру. Трудно определить, в чем кроется тайна его притягательности: то ли в неопределенности окончания, то ли писательница наделила свое создание чертами будущей эпохи, для которой поведение Скарлетт станет обыденным. Возможно, читатели увидели в главных героях негибкую волю к жизни и преданность своим близким, несмотря на внешне неприглядное поведение.

Отгремят революции нового века, невиданной разрушительности войны, технический прогресс принесет обществу беспрецедентный комфорт. Но будет ли сознание людей успевать за прогрессом, не канут ли в Лету вечные нравственные ценности: долг, честь, справедливость, искренность, сердечность, доверие между людьми и странами? Не заменит ли их безликая толерантность, за которой чаще всего стоит лень души, полное равнодушие ко всем и вся.

Женщины получают право голоса и независимость, за которые так долго боролись, но как-то незаметно право на любовь растворится во вседозволенности. Обнаженное женское тело перестанет быть тайной и потеряет свою привлекательность для мужчин. Мужеподобные девушки и женоподобные юноши без стеснения заполнят улицы городов. Они уже не будут ни леди, ни джентльмены.

Каким милым будет казаться новым поколениям XIX век с его каретами, дуэлями, балами, прекрасными дамами и благородными кавалерами, с великими историями любви, среди которых справедливо одной из лучших считается легенда старого Юга – цивилизации, унесенной ветром времени.

Специально или случайно Митчелл оставила множество недоговоренностей, которые позволяют всем внимательно читающим роман придумать свою версию дальнейших событий.

В предлагаемой версии перед вами предстанет повседневная жизнь любимых героев, их отношения друг с другом, с детьми, родственниками, друзьями. Будут ли они неукоснительно следовать правилам, принятым в их обществе, понимая, что оно не прощает нарушений свет-

ских приличий, или поступать, по-прежнему, вопреки им? Смогут ли быть вместе после всего пережитого? Исторические события мировой значимости, социально-политические явления новой эпохи станут неотъемлемым фоном повествования, но уже не затронут жизнь героев так глубоко. Пройдя тяжелые испытания, потеряв многое и многих в годы войны и реконструкции, они научатся ценить уют довоенного юга и свою семью.

Именно семья подверглась эволюции после войны из феодальной многодетной, основанной на религиозной идее нерасторжимости брака, в буржуазную эгалитарную, малодетную, где личностные отношения играют гораздо более важную роль.

Поэтому и действие частично перенесено во Францию, где особенно ярко проявлялись различные модели брачно-семейной жизни: патриархальная – с авторитарной властью отца и неделимой семейной собственностью; нестабильная, где «каждый за себя», не поддерживающая членов своей семьи в случае жизненных неудач, и «корневая семья», в которой отчий дом остается общим центром и опорой в трудную минуту с особой ролью женщины, создающей порядок в семье и жизни мужчины.

По этой же причине часты обращения ко двору королевы Виктории. Это не случайно, ее именем названа целая эпоха. Ее жизнь широко освещалась прессой. Она без сомнения влияла на своих современниц, определив моду на семейные ценности чуть ли ни на целое столетие. Слепо следуя сама лютеранским принципам мужа и после его смерти, она заставляла следовать им не только своих детей, всю страну.

В Европе брак как общественный институт находился в состоянии глубокого кризиса еще со второй половины XVIII века, блестящего, галантного, куртуазного. Жизнь Парижа под влиянием герцога Филиппа Орлеанского, ценителя удовольствий, превратилась в нескончаемый праздник для дворянства и буржуазии. В Париже было открыто огромное количество разного рода увеселительных заведений, игорных домов и танцевальных залов, кофеен, кафе и притонов.

«Историческая веселость, показной гедонизм, аморальность, возведенная в степень нравственного принципа, – вот настроения и вкусы, царившие в светском обществе в период Регентства»¹.

Общепринятая мораль отрицалась и подвергалась насмешкам; религиозные догмы предавались забвению. Время Регентства скоро кончилось, а безмерная тяга к удовольствиям в светском обществе, постоянным карнавалам, балам, легкомыслие в поведении полов, цинизм по отношению к искренним чувствам многие десятилетия считались «хорошим тоном».

Великая французская революция (1789-1795) внесла свою лепту в разрушение традиционной семьи. Устранив монарха в стране, она ослабила подобную иерархическую подчиненность отцу-патриарху в семье при одновременном падении авторитета церкви. В разных слоях общества, отличающихся в социально-сословном, религиозно-нравственном и в культурно-философском отношениях начались процессы эволюции представлений о морали.

«Вопросы морали, взаимоотношений в семье были не только предметом размышлений философов, но и наиболее привычным содержанием бесед или уединенных раздумий, темой выступлений политических деятелей, обязательным содержанием речей при вступлении в Академию и т.д.»².

Одни, подобно Вольтеру, считали любовь естественным чувством, приносящим человеку счастье, и не признавали супружескую верность; другие придавали ей социальную миссию, как Руссо. Дидро ратовал за свободный союз, за брак, основанный на чувствах, словесном соглашении, а также за развод. Ле Плэй считал семью вечной ценностью, сравнимой с религией и собственностью. Все знаменитые писатели Ж. Де Сталь, Ж. Санд, А. Стендаль, О. Де Бальзак,

¹ Михайлов А.Д. Роман Кребийона. М., 1974, с.293.

² Любарт М.К. Семья во французском обществе: XVIII – начало XX века / – М.: Наука, 2005. 296 с.

братья Гонкуры, Э. Золя, Г. Флобер, Г. Де Мопассан, В. Гюго, Э. Сю обращались в своих произведениях к проблемам семьи, связывали процессы, происходившие в лоне семьи с общим ходом развития страны и общества.

В конце XIX, начале XX века формировалась структура брачно-семейных отношений, соответствующих новому историческому этапу – капитализму.

«Семьи аристократии и дворянства, особенно столичного, отличались довольно независимым образом жизни каждого из супругов. И это не удивительно, ведь большинство браков заключалось не на основе чувств, хотя существовали исключения. Супруги часто жили каждый на своей половине дома, имели отдельную спальню, личную прислугу, отдельно принимали посетителей, выезжали из дома. Обеды и приемы гостей два-три раза в неделю были совместными. Проявление взаимных чувств, особенно на людях, считалось неприличным, ревность смешной. Общение друзей с членами семьи порой выходило за рамки строгой морали, как и развлечения супругов, в которых они часто принимали участие врозь, – балы, спектакли, званые вечера, интимные ужины, охота, игры»². Внебрачные связи бывали длительными, искренними. В них воплощалась мечта о прекрасной любви, утонченность и изысканность чувств. Однако принятые нормы поведения требовали, чтобы были соблюдены приличия, даже если сами супруги к изменам относились терпимо.

Для небогатых буржуа, мелкого чиновничества разумно устроенная семейная жизнь становилась идеалом.

Наиболее опасными пороками во всех слоях общества были картежные игры и пьянство.

Данная книга не претендует на глубокое исследование матримониальных проблем в американском обществе после Гражданской войны. Предлагаемая вашему вниманию версия для тех, кому хотелось бы увидеть благородного капитана Батлера и соответствующую ему достойную подругу, уж коли они стали символами великого государства.

При подготовке этой версии автор использовала издание: Митчелл Маргарет. Унесенные ветром – М.: Издательство «Правда», 1986.

Т.1/ Пер. с англ. Т. Озерской; т.2/ Пер. с англ. Т. Кудрявцевой.

Факты биографии королевы Виктории взяты из книги французских авторов Филиппа Александра и Беатрис де л'Онуа. Королева Виктория. – М.: Молодая гвардия, 2007.

Часть первая

I

Атланта ужаснулась печальной вести о безвременной смерти Мелани Уилкс и замерла перед фатальной несправедливостью случившегося. Жизнь чистая, незапятнанная, являвшаяся всем образцом чести и добра, ушла в небытие, как и цивилизация, которую она олицетворяла. Южане, истерзанные войной и бедствиями, потеряли последнее, что у них оставалось, что объединяло их, ободряло, позволяло сохранять нерушимую верность старому укладу.

Молодежь не помнила великолепия своих семей и не гордилась ими. Не выдерживая испытания нищетой, отпрыски известных семейств сотрудничали с «саквояжниками», девицы сбегали с офицерами-янки. И только эта маленькая, хрупкая женщина, ставшая душой города, сохраняла мягкую безмятежность взгляда, гордость, гостеприимство и доброту при любых невзгодах, не признавая необходимости приспособливаться под это бурное новое время.

Ретт Батлер, как никто, понимал тяжесть утраты бывших борцов за Правое Дело, ибо и для него миссис Уилкс была единственным утешением, светочем добра в его далеко не легкой и не слишком праведной жизни. Будучи истинной леди, она и в нем видела джентльмена, не способного на дурные поступки. Он не встречал женщин, подобных ей, по-настоящему хороших, искренних, благородных, бескорыстных. Никто уже не будет относиться к нему с такой теплотой, как она, согрев его напоследок счастьем, какое испытывала сама в последний месяц жизни, воодушевленная надеждой на долгожданного ребенка. Только Ретт догадывался о ее состоянии, что возможно и помогло ему выйти из пьяного безумия, в которое его ввергла потеря дочери.

Сосредоточенный и бесстрастный, он посчитал своим долгом разделить тяжесть этих дней с супругой, принявшей на себя, как во времена осады Атланты, нелегкие траурные хлопоты. Уважение к памяти Мелани заставило их быть рядом в эти скорбные дни, а потом они разъехались в разные стороны, как двое случайно встретившихся людей без надежды, да и без желания когда-либо увидеть друг друга...

Ретт покидал Атланту на этот раз навсегда. Пора было, наконец, оборвать череду лет, бессмысленно, как ему казалось теперь, проведенных в этом городе. А как много обещал первый день его пребывания здесь – тот апрельский лучезарный день 1861 года, круто изменивший его жизнь!

...Предвидя, что с началом военных действий порты будут заблокированы, поставки хлопка сократятся, и, значит, цены на него поднимутся, Батлер предпринял вояж в Джорджию с тем, чтобы скупить, сколько будет возможно, сырья и загодя вывезти его в Англию. Одним из поставщиков был его знакомец мистер Кеннеди – владелец хлопковой плантации и торговец. У него он и остановился в имении. Выгодная для обеих сторон сделка состоялась, и довольный Фрэнк пригласил чарльстонца на барбекю к очень уважаемому в графстве плантатору Уилксу.

Батлер любезно принял приглашение, полезное знакомство не помешает, хотя обычно уклонялся от посещения подобного рода праздников, ибо непременно ухитрялся привлечь к себе внимание либо спорщиков, либо картежников, а то и того хуже – девиц на выданье, о чем потом всегда сожалел. Жениться он не собирался и уж тем более не стал бы за ними волочиться.

– Ни глазу удовольствия, ни телу, ни пищи для ума, – говорил он приятелям после очередных барбекю, вечеринок и балов.

Между тем, он числился, сам того не зная, одним из самых завидных женихов – наследник огромного состояния, нескольких тысяч акров земли, сотен рабов. Дальновидные папаши не придавали значения тому, что отец лишил его наследства.

– Как лишил, так и вернет. Куда денется, когда не сможет сам управлять таким хозяйством? Ну, а то, что в гостиных не принимают, и давным-давно не беда, – наставляли они своих жен. – Прочитать, конечно, нужно, впредь будет осторожнее.

Утро было ослепительным: ласковое солнце, легкий ветерок, благоухание цветущих садов, утопающих в бело-розовой пене, свежая весенняя зелень, пестрые ковры жимолости, птичьи гнезда в живых изгородях, радостное щебетание. Даже дорожная пыль не помешала Ретту проникнуться прелестью сельской природы.

– Нет, не зря я согласился на эту поездку, что может быть прекраснее? – залюбовался Ретт непривычным для него пейзажем, – разве что морские просторы!

Затопленные рисовые поля, наблюдаемые им с детства, как-то не внушали ему подобных впечатлений, и он всегда предпочитал йодистый запах волн аромату роз и фиалок, а легкий плеск прибоя – трелям жаворонков. Предчувствие чего-то необычного, поджидающего его здесь, возникло в душе и уже не покидало всю дорогу.

– Экое величественное сооружение, словно храм! Это и есть Двенадцать Дубов? – спросил он Фрэнка, когда перед ними возникло белое здание безукоризненных пропорций.

– Оно самое. Я знал, что вам понравится. Здесь все усадьбы неплохи, но эта лучшая!

Они приехали раньше, впрочем, как и большинство молодых людей, которые толпились на веранде в ожидании прибытия приглашенных дам. Познакомившись с хозяином, Батлер тоже было остался здесь, но Джон Уилкс посоветовал, пока гости не собрались, подняться на второй этаж и с балкона осмотреть окрестности.

– Вы ведь впервые в нашем краю? Уверю, что захотите вернуться сюда.

Вид действительно был полон неповторимого обаяния. Усадьба одной стороной как бы ступенями спускалась к высоким соснам в пойме реки, замечательной по своей живописности. А вокруг – просторы полей, в которые вторгались кизилевые леса на холмах, глыбы гранитных валунов, темнеющие на красной глине, густые рощи и овражки. Дом тоже полностью отвечал вкусу Батлера, особенно привлекало его местоположение на вершине холма.

– Пожалуй, я бы не отказался от такой плантации, благоуханной, цветущей, безмятежной, даже если все это великолепие бывает только весной. Может, уже пора бросить якорь в такой вот тихой гавани? – подумал моряк, медленно спускаясь по широкой лестнице. – Разумеется, о чем же еще можно мечтать накануне войны, как не о тихой гавани?

Стоя несколько поодаль от остальных гостей, Ретт без помех мог наблюдать как, то один, то другой юноша, подбегал к подъехавшей коляске с тем, чтобы встретить зардевшуюся от удовольствия девушку, поклонником которой он являлся, подать ей руку и помочь выйти из коляски. В прежние годы он посмеялся бы над ними, но сегодня почему-то эти невинные ухаживания, первые проявления взаимной симпатии, показались ему трогательными.

Девочки все как одна были юными, зачастую хорошенькими, у него уже начало рябить в глазах от ярких платьев, когда Джон Уилкс спустился с веранды и предложил руку хрупкой молоденькой девушке, очевидно первой красавице этих мест, судя потому, как ее тотчас окружили поклонники и подружки. Она явно привыкла ко всеобщему вниманию, знала силу своих чар и милостиво улыбалась направо и налево, но ее беспокойный взгляд искал кого-то, пока не был остановлен пристальным взглядом незнакомца. Всего лишь на мгновение встретились их глаза, но он понял – это она! Не зря он ждал и верил, что найдет свою прекрасную принцессу, которую в детстве предрекла ему мать.

Серьезных романов в его жизни не было, он предпочитал ни к чему не обязывающие отношения с женщинами полусвета в Европе, или в Новом Орлеане с креолками и квартеронками. Обычно он брал на содержание самую красивую из них на определенное время, тем самым сразу показывая, что расставание неизбежно. И все-таки, каждый раз он видел в их глазах желание удержать его. Их привлекала его щедрость, фигура атлета и энергичное смуглое

лицо. Среди них было немало девушек образованных, воспитанных, вполне достойных предложения руки и сердца, но в его душе жила мечта о юной принцессе.

Чтобы скрыть, какое впечатление произвела на него незнакомка, он вполне привычно улыбнулся ей насмешливо и нагло. Ему ли бояться маленьких кокеток, и тут же почувствовал себя полным идиотом под её серьезным и очень чем-то озабоченным взглядом, в котором светился живой ум, пока еще незрелый, но острый и наблюдательный. Она, без сомнения, была польщена его вниманием и чуть смущена дерзкими взглядами, вон как порозовела прекрасная для её возраста грудь, но не испугалась и не оскорбилась, даже успела в свою очередь хорошенько рассмотреть его, прежде чем отвела взгляд, не ответив на его улыбку.

– Ретт Батлер! – окликнул его Фрэнк, – Идите сюда! Я представлю вас самой жестокосердной девушке Джорджии! Скарлетт О’Хара.

У Ретта пересохло в горле – алые губки красиво очерченные, немного тонкая верхняя и чуть приоткрытая пухленькая нижняя, были так близко. Он поклонился, она приостановилась, будто, пытаясь что-то вспомнить, но заметив, что взгляд незнакомца устремлен на ее губы, тотчас отвернулась к близнецам Тарлтонам.

– Вы правы, мистер Кеннеди, девушка не отличается сердечностью и даже обычной учтивостью.

– Нет, нет, она милая и добрая, не знаю, что с нею, наверное, просто сконфузилась, – засуетился Фрэнк, – впервые вас видит, вы не бывали у них дома, незнакомы с родителями.

– Хорошо, если так, – поддакнул Ретт, но про себя огорчился, – сдается мне, что я ей не приглянулся.

Внешность её была так же необычна, как и имя. Тонкие черты аристократки, ослепительно белая кожа, которой так гордятся южанки, легкий румянец, словно лепестки цветущей яблони подарили свою свежесть её личику. Несколько широкие скулы не портили его, лишь подчеркивали жизнестойкость и смягчались нежной линией щек и подбородка, бархатностью кожи. Довольно высокий благородной формы гладкий лоб говорил о чистоте и невинности, а своевольные брови выдавали не робкий характер. Особенно удивительными были её глаза в обрамлении густых трепетных ресниц – прозрачные, как росинки, выразительные, принимающие все оттенки зеленого – от совсем светлого с золотыми искорками, когда она улыбалась, до изумрудного, если сердилась.

Он встречал и более совершенных красавиц, но её лицо отличалось особой прелестью, пленительной изменчивостью, движения были естественны, изящны, грациозны, кокетство забавным. Она была так мила в своей юности, нетронутости, что хотелось взять этого желтого цыпленка на руки, коснуться его нежнейшего пуха. И вместе с тем с первого взгляда она внушила ему такое жгучее желание, какое только может испытывать мужчина к женщине, в ней угадывался недюжинный темперамент. Он подошел к ней совсем близко, настолько, что, стоя за спиной очередного ошеломленного лукавством кокетки юнца, заикающегося от волнения, видел её глаза, ямочки на щеках, обворожительную улыбку. Воображение дорисовало ему упрятанные под кринолин части тела, несомненно, достойные поклонения. Ретт был опьянен ее пленительной женственностью, взором, полным страсти, еще вполне невинной, но уже много обещающей и даже не задавался вопросом, не влюбился ли он, старый морской волк.

Он знал, что влюблен, влюблен отчаянно, так же, как эти глупые мальчишки, толпящиеся возле неё, и был рад, что оказался способен на такое чудо. Мощная фигура, дурная репутация и нагловатая усмешка надежно скрывали трепетную душу, жаждущую найти себе подобную. Он давно ждал от жизни такого подарка и был готов жениться хоть сейчас, чтобы только заполучить этот чудный бутончик.

Вскоре он понял то, что было невдомек остальным – его принцесса не на шутку увлечена другим, иначе не была бы так сражена его обручением. Эшли Уилкс – высокий блондин с мечтательными серыми глазами – безусловно был самым выдающимся из молодых людей: без-

упречная репутация, родовит, богат, образован. Ретт сразу почувствовал к нему неприязнь – образцовый джентльменчик, палец о палец, наверное, не ударил, чтобы заработать хоть доллар. Ему претили самоуверенные манеры аристократа, его элегантная фигура, ровенький пробор, к тому же он был лет на пять моложе.

Раздосадованный Батлер наблюдал за юной леди, понимая, что ей так же плохо, как и ему. Его не обманешь притворной веселостью, когда хочется вцепиться в простенькое личико счастливой соперницы. Поймав ее взгляд, он обнаружил яростный намек, что и его физиономии не избежать бы её ноготков, будь они одни.

– Неужели заметила и оценила мою прозорливость? – откровенно рассмеялся Ретт. Ах, как это пришлось ему по душе! Судьба уже протянула ниточку понимания между ними...

– Знать бы к чему приведет эта ниточка, оборвал бы ее сразу, – горестно усмехнулся Ретт.

– Разве кому-то удавалось обойти судьбу? – покачало головой прекрасное видение, представшее перед ним, едва он разместился в поезде.

Воображение все еще хранило образ гордой леди в элегантном черном костюме, в шляпке с вуалью, с букетом осенних цветов в руках. Такой была Скарлетт на похоронах Мелани, такой осталась и в его памяти, совсем не похожей ни на ту девочку из апрельского дня, ни на ту, что накануне бежала в тумане к нему с признаниями внезапно открывшейся ей любви, пытавшаяся со всей своей ирландской решимостью и непосредственностью ребенка безуспешно собрать осколки их разбитой жизни. Это была другая Скарлетт, неизвестно откуда появившаяся, непреклонная и чужая. Она не будет взывать к его чувствам, умолять его остаться или взять ее с собой. Но ведь ему этого и не надо?..

...Когда звук его шагов замер наверху, Скарлетт, задыхаясь от боли, поняла – ее мир рухнул. Потеряно все, что было дорого: преданность и душевность Мелани, пусть призрачная, но все-таки любовь Эшли, тепло и защищенность, уверенность в завтрашнем дне, которые давал Ретт. Так же как на темной дороге в Тару, он снова покидает ее, именно теперь, когда ей особенно страшно, когда она особенно нуждается в его присутствии. Она с трудом добралась до спальни и устало опустилась на кровать. Горе, угрызения совести, страх, обещания, данные Мелани, уход Ретта – все исчезло в забвении.

Я подумаю обо всем этом завтра... Ведь завтра уже будет другой день.

Туман клубился повсюду, во сне или наяву, она уже не понимала, только видела, как всплывало и таяло прекрасное лицо Эллин, чувствовала ее прохладные руки, слышала нежный голос:

– Красавица моя! Все пройдет, все забудется...

– Ах, мама, к чему красота, если не можешь иметь того, что хочешь? Эшли предпочел простенькую Мелани, Фрэнк любил Сьюлин, а Ретт – Красотку. А ведь все говорили, что любят меня... Да и за что было меня любить – взбалмошную и упрямую? Я никого не сделала счастливым, если только Чарльза, и то потому, что он рано ушел из жизни. – Во сне с языка легко срывались слова, которые до этого даже не приходили на ум.

– Надо быть мягче, скромнее... джентльмены не любят чересчур самостоятельно мыслящих женщин, – убеждал мелодичный голос матери.

– Мне повезло, нашелся один, которому это нравилось. Более того, он учил меня быть откровенной, дерзкой и смелой.

– Это глубоко безнравственный человек, он способен воспользоваться твоей невинностью, твоей молодостью, чтобы погубить тебя...

– Да нет, мама, погубил меня, другой, для которого честь была превыше всего во всем, кроме меня. Батлера же просто забавляло поначалу все, что я делала, а когда он получил непокорную жену, плюющую на все правила окружающего общества, это ему тоже не понравилось, – образ Эллин отодвинулся на задний план, а перед глазами Скарлетт промелькнули лица каких-то людей, которые она не узнавала, но была уверена, что видела их в Атланте. Все смотрели на нее, кто – с любопытством, кто – с негодованием, кто – с усмешкой. Но их взгляды не трогали измученной души. – Если бы ты видела, как я справлялась с делами, мама! Ничуть не хуже любого мужчины! Шла к цели кратчайшим путем и добилась многого. Отец мог бы гордиться мной, правда, если бы я была сыном... Успех вскружил мне голову, и я возомнила, что мне позволено быть грубой, безапелляционной, свысока относиться к людям.

– Я прихожу в отчаяние при мысли о том, что ты могла так скоро забыть все правила хорошего воспитания... – укоряла мать.

– Я должна была их забыть! Эти правила для другого мира, которого уже нет, война смела его и установила новые порядки. В мире, где правят янки, не может быть чести, правды, милосердия. – горячо отстаивала дочь свою правоту, – Будь я кроткой тихоней, доброй и совестливой, что стало бы со мной, детьми, Тарой?

– Храбрая моя девочка, я знаю, сколько испытаний выпало на твою долю, но теперь уже не нужно бороться за выживание. Все постепенно наладится. Попробуй быть более терпеливой, доброй и снисходительной. Таков женский удел. У тебя дети.

– Я не стала утешением и для них. Со всеми своими детскими печальми они шли к Ретту. – горячо отстаивала дочь свою правоту, –

– Если он действительно достойный человек, как ты говоришь, то не оставит тебя.

– Может и не оставит, но не полюбит снова, – Скарлетт слышала свой голос как будто со стороны, слова хлестали по щекам горькой правдой. – Я сама в этом виновата. Он был молод, хорош собой, горяч, а я в его объятиях мечтала о другом. Ретт – гордый человек, он никогда не простит мне этого.

– Как знать...

– Не хочу я больше никакой любви! Она не принесла мне ничего, кроме боли, разочарования и унижения. Сердце мое разбито. И не сейчас, а в тот далекий весенний день, когда твоя глупая самонадеянная дочь, замирая от трепетного предчувствия счастья, собиралась увести из-под венца чужого жениха.

– Ты еще так молода, доченька! – голос Эллин становился все слабее.

– Но уже так грешна, что совсем не заслуживаю вашего сочувствия. – воскликнула Скарлетт в отчаянии. – Если бы вы только знали, мама, я не хотела детей, и Бог отнял любимую дочь, не позволил родиться желанному ребенку!

Сон становился совсем тяжелым. Хотелось громко кричать, но звуки вязли в клубящемся тумане, как в вате.

– Я позарилась на чужого мужа и потеряла своего. Я долго пренебрегала любовью Батлера, и она исчезла, растворилась, как туман. – Молодая женщина торопилась все рассказать матери, пока еще были силы. – Господь наказал меня за всё одиночеством. Я должна принять это и со смирением нести свой крест, как бы ни было тяжело.

– *Бог милостив, дорогая! Молись, молись Пресвятой Деве Марии,* – будто прошелестел шелк платья, унося тонкий аромат сухих духов лимонной вербены...

Утром в зеркале Скарлетт снова увидела прекрасное печальное отражение, похожее на Эллин, то было её собственное лицо, бледное, непривычно строгое, с плотно сжатыми губами, глазами без слез и без любви. *Наступил другой день, а с ним появилась и другая Скарлетт О'Хара...*

II

Увидев сына, Элеонора Батлер, не смогла сдержать слез. Перед ней стоял усталый человек со следами пьянства на огрубевшем лице, потухшим взглядом, ничего не ждущий от жизни, а может, и не желающий жить. Совсем недавно он был совершенно другим рядом с маленькой дочкой. Конечно, такое несчастье трудно пережить, но все еще возможно.

Мать обняла любимого сына, словно хотела принять на себя всю горечь его жизни.

– Мальчик мой, как я рада, что ты приехал! А что же один, без супруги?

– Пойдем в дом, мама – сказал Ретт, не глядя на нее.

Они пообедали. Руки матери гладили его по голове, плечам. Ему захотелось, как в детстве, уткнуться в ее колени и плакать.

Трое суток Ретт метался в забытьи: то ли сражался с кем, то ли жаловался кому, то ли просил пощады... Жара не было, но он стонал и будто в бреду звал кого-то. Мисс Элеонора подходила, прислушивалась к его дыханию, поправляла одеяло. Хорошо, что Розмари с Лизой были в городе.

– Не надо его трогать, это не горячка, – успокоила подругу леди Элоиза. – Он во власти воспоминаний, судя по именам, которые произносит. Сейчас заварим ему успокаивающий чай, и пусть спит, сколько сможет. Я посижу с ним.

Сразу стало нестрашно. Так было всегда, когда приходила в дом эта женщина.

...Промотав состояние, лорд Чайзвик вспомнил о своих плантациях в бывшей североамериканской колонии, куда и прибыл с молодой женой, но вскоре подхватил лихорадку и, оставив дела в полном расстройстве, отошел в мир иной. Вдова оказалась женщиной хваткой и отнюдь неглупой. Это была надменная особа с хищным носом и тяжелым подбородком, энергичная, породистая, отличавшаяся чрезмерно болезненным честолюбием. Всем, кто её посещал, она показывала генеалогическое древо и уверяла, что её предки ходили в крестовые походы с самим Ричардом Львиное Сердце.

Очень скоро она поняла, что оставаясь в этом краю болот, рабов и больно кусающих насекомых, из долгов не вылезет, хорошо, если не последует за своим мужем. Но жилья в городе не было, и тогда она на правах родственницы постаралась сблизиться с семейством Батлеров, став для всех необходимой, особенно для мисс Элеоноры, совершенно подавляемой супругом, не способной защитить ни себя, ни детей.

В их просторном городском доме всем хватало места, семья поддерживала общепринятые устои, предаваясь ритуалам праздников, крестин, свадеб, именин, где блистала безупречными манерами молодая вдова. Круг её связей и знакомств неуклонно расширялся, приезжавшие в курортный город и те считали своим долгом нанести визиты одному из самых почтенных членов общества – мистеру Фицджеральду Батлеру. Благодаря такому окружению, а также своему умению добиваться того, что ей нужно, леди Элоиза нашла опытного управляющего на плантации, сняла в центре города великолепный дом с розарием и зажила в свое удовольствие.

Не будучи привлекательной, леди Чайзвик, тем не менее, имела множество поклонников. Её большие черные глаза всегда излучали пламенный призыв, суля мужчинам небывалую страсть, но никто ни разу не уличил её в адюльтере, и вовсе не потому, что она была уж так добродетельна. Когда очередной претендент на руку знатной дамы появлялся в доме, его непременно встречали какие-то родственники, гости, воспитанники. Так и не добившись заветного свидания, посрамленный джентльмен удалялся, поклявшись узнать тайну её холодности. Она отклоняла одно выгодное предложение за другим. В конце концов, близкие к ней люди пришли к выводу, что виноват в том мистер Батлер.

– Конечно, он, как человек достойный, никогда не позволит себе ничего лишнего, – говорили вслух, но про себя думали совсем иное.

Для многих не было секретом, что отношения между супругами оставляют желать лучшего. Уж слишком они разные – богобоязненная мисс Элеонора и ее непреклонный деспотичный муж. А вот вдова ему была под стать.

Слухи не были лишены оснований, мистер Фицджеральд и недели не мог прожить, чтобы не увидеться со своей родственницей. Она была дерзка с ним, но он словно и не замечал этого, прощая ей все, даже заступничество за жену и старшего сына. Однако, когда однажды она чересчур резко обвинила его в излишней суровости и несправедливости к ним, мистер Батлер попросил её удалиться. Англичанка пристально посмотрела ему в глаза, и он не смог выдержать насмешливого взгляда. Никто не смел так смотреть на него. Чувствуя себя оскорбленным, он промаялся несколько дней, срывая злобу на слугах, и отправился к ней выяснять отношения. Дворецкий доложил, что леди Чайзвик уехала и не сообщила куда.

Вернуться домой к беременной жене, и без того раздражающей своей покорностью, робостью, тихим голосом, было свыше его сил. Её глаза казались такими тусклыми на фоне черных горящих глаз Лиз, так он называл вдову про себя. И мистер Фицджеральд погнал коня на плантацию, но, не доехав до своего имения, повернул к родственнице, желая непременно увидеть ее. Въехав в усадьбу, он спешил, привязал коня и пошел к дому, удивляясь, что никто его не встречает, собаки и те не залаяли. Он не стал звать привратника, зная, где может находиться ключ. С сомнением он посмотрел на забрызганные грязью сапоги и направился прямо в спальню. Кто-то негромко ахнул, когда он хлыстом толкнул дверь. В постели в объятиях юноши, обитавшего в доме на правах сиротки-воспитанника, лежала леди Чайзвик.

Увидев недоумевающее лицо своего благодетеля, она приподнялась, окинула взглядом комнату, юного любовника, накрывшегося покрывалом, и громко расхохоталась. У мистера Батлера, начавшего осознавать, что происходит, помутилось в глазах, и он поднял хлыст, чтобы остановить этот нестерпимо оскорбительный смех. Удар пришелся по обнаженному плечу, красный рубец мгновенно вздулся на нежной коже, но Лиз продолжала смеяться...

Они не виделись вплоть до рождения его дочери Розмари. Не она, он был смущен тем, что проник в женскую тайну, однако возражать не стал, когда мисс Элеонора предложила пригласить в крестные матери леди Чайзвик. Элоиза была очень внимательна к нему, предупредительна, хотя в её глазах он всегда видел затаенную насмешку. В последующие годы их отношения были холодно дружелюбными. Мистер Фицджеральд следил за её плантациями, как за своими, однако никогда не заходил в дом; она души не чаяла в его детях, помогая мисс Элеоноре во всем.

К её мнению прислушивались, шла ли речь об устройстве благотворительных балов, базаров и пикников или о выборе жениха для взрослой дочери. Самая родовитая дама Чарльстона сумела стать и самой влиятельной. Прибыв сюда без денег, без связей, будучи ещё совсем молодой женщиной, она сумела занять положение, на завоевание которого, если это вообще удастся, нужны годы и годы.

По рекомендации леди Чайзвик Ретт Батлер был определен в лучший пансион, хотя его отец так не думал: помещение было старое, режим вольный, ученики могли даже ночевать дома и приходиться на занятия утром. Но больше всего ему не нравился хозяин пансиона – мистер Хоффман, который слыл человеком хоть и непредвзятым, трезвомыслящим, но вольнодумцем, любителем философии и оригинальных рассуждений, именно то, что приветствовала миледи. Она считала, что мальчику давно пора общаться не только с рабами на плантации и дикой природой, но и со сверстниками и людьми более пытливого ума, чем у мистера Фицджеральда.

Новичок дичился недолго, четверо обитателей небольшой комнаты на втором этаже, разные по своей подготовке и происхождению, скоро подружились. Особенно ему нравился

Майкл Стивенс. Он был на год моложе, принадлежал к одному из самых богатых семейств города, но одевался и держал себя просто. Добрый мальчик был всегда невозмутим, доверчив и очень терпелив в отличие от нервного, вспыльчивого Дэниела Полонски. Бедный эмигрант из Польши недавно потерял мать, часто плакал, и мальчики жалели его, забывая, что у Джека Харрисона тоже нет никого, но тот не унывал. Отец его женился сразу после смерти жены, мачеха не захотела видеть пасынка в доме и отправила его в пансион. Здесь он и жил круглый год, пользуясь тем, что владелец пансиона когда-то учился вместе с его отцом. Раз в месяц посыльный приносил ему деньги из банка, Джек обряжался во взрослый костюм и отправлялся в заведение на набережной. Прогуляв деньги, он успокаивался и уверял товарищей, что через пару лет они сами начнут его упрашивать взять с собой к мадам Зизи. Джек был пятью годами старше сотоварищей, менее всех интересовался учебой и норовил их пристрастить к спиртному, картам и девочкам, особенно Батлера, который выглядел на все пятнадцать: высокий, сильный, покрытый темным загаром, который не сходил даже зимой. Летом он работал на плантациях. Уже взрослые девушки засматривались на рослого, плечистого юношу, а самые смелые из них выказывали и более откровенные желания. Но грубые удовольствия, о которых рассказывал Джек, оставивший свою невинность в соответствующем заведении, представлялись ему нестерпимо гадкими... Ретт хорошо усвоил уроки матери и попытался передать их Харрисону.

– Однажды ты встретишь лучшую на свете девочку, свою единственную, которая будет прекрасна как принцесса, но из-за твоих Зизи, она не захочет подарить тебе свой поцелуй, красивый и нежный, как лепесток розы.

– Батлер, святая невинность, да ты у нас поэт! – долго смеялся товарищ, но больше его никуда не звал.

Ретт учился легко, быстро схватывая суть вещей при хорошей памяти и удивительной для его возраста наблюдательности. Ему нравился правильный английский язык, латинский и французский, но больше привлекала математика и география, а самыми успешными были для него атлетические занятия. Физической подготовке в школе уделяли большое внимание. Ему не было равных в плавании, рукопашных схватках, да и в умственных упражнениях он был в числе лучших.

Лето перед окончанием школы друзья хотели провести вместе. Майклу отец давал шхуну, и он пригласил всех в путешествие. Дэну и Джеку все равно податься было некуда, а вот Ретта отец не отпустил.

– Может мне с тобой поехать? – предложил Джек, – увеличим поголовье рабов твоему отцу.

– Ну, кто о чем! Поехали, если не заскучаешь среди болот. Там ведь никаких развлечений, если только на рыбалку выберемся.

– У вас, говорят, соседка очень подходящая.

– Ты о ком?

– О нашей даме-патронессе, леди Чайзвик. Какая женщина, какое великолепное тело! Куда девочкам с набережной до неё!

– Так она же старая! – изумился Ретт.

– А ты думаешь в заведении все молодые? Элоиза всего на четыре года старше меня, зато умная и богатая. Мы бы с ней отличноладили: я дарил бы ей молодость, а она крепко держала бы меня в руках. Да, ладно, уговорил, поеду с ребятами, погуляю еще.

Ретт уже укладывал вещи, как вдруг отец позвал его в кабинет и, глядя в окно, произнес:

– Леди Чайзвик просила, чтобы это лето ты поработал у неё.

– Я не раб, и не наемный работник, – начал Ретт, но взглянув на отца, замолчал.

Уже в пять лет он знал, что отец его не любит, и всегда прятался под стол, когда тот заходил в детскую. В двенадцать лет сын не прятался и часто получал хлыстом за своеволие.

Теперь его не пугала ярость мистера Фицджеральда, он был выше него ростом и намного сильнее, но совсем не хотел ссорами огорчать мать и очень боялся, что ему запретят видеться с малышкой Розмари.

– Отвезешь это письмо и выяснишь, в чем она нуждается, – холодно приказал Батлер-старший, считая разговор оконченным.

– Как скажете, сэр! – произнес юноша, взял конверт и удалился.

Он не слишком жаловал англичанку, и хотя не очень понимал, почему его нянька в разговорах с кухаркой величала её не иначе как «змеей подколодной», слышал в том угрозу матери.

Хозяйка встретила его сама, она была в легком платье, без пышных кринолинов и украшений, густые черные волосы, небрежно схваченные голубой атласной лентой, рассыпались по плечам. Она была совсем не похожа на злодейку, готовую причинить вред его матери, казалась совсем молодой, если бы, не взгляд, очень смелый и очень взрослый. Отдав послание, он хотел уйти, но она остановила его.

– Подождите, возможно, потребуется ответ.

Прочитав письмо, она усмехнулась.

– Вам известно содержание?

Он отрицательно покачал головой.

– Мистер Батлер просит меня заняться вашим воспитанием. Он находит, что вы слишком увалень для светского общества и не сможете занять там подобающего вашему происхождению положения.

Юноша задумался. С чего это вдруг такая забота о нем? Отец заставлял его работать на рисовой плантации наравне с рабами. По вечерам он валился с ног от усталости, какое к черту общество? Единственное, что его по – настоящему увлекало – это река Эшли. Там среди аллигаторов, черепах и диких кабанов он чувствовал себя свободным, как птица, охотился, рыбачил. Потом относил рыбу знакомым неграм, они надевали её на прутья и жарили на костре. Ничего вкуснее он не ел, и манеры для этого не требовались.

– Моя мама достаточно много времени уделяет нашему с братом воспитанию, – ошетинился Ретт,

– Ну, вот что, мистер Батлер, – вдова будто не заметила его враждебной настроенности к непрошеной воспитательнице. – Как хотите, а без завтрака я вас не отпущу. Оставьте свой сюртук в гостиной и пойдёмте.

Она стояла так близко, что он ощущал её дыхание, пьянящий запах её тела, видел её грудь, чуть прикрытую прозрачной тканью. Ему нестерпимо захотелось коснуться рукой этой ткани. Она, конечно, заметила его взгляд, но, как ни в чем не бывало, взяла под руку и провела в крошечную уютную комнатку рядом с кухней. Она сама накрыла на стол, ловко и споро. Было видно, что она делает это часто, движения были привычно отточенными. Он, не отрываясь, следил за этими белыми, оголенными до локтя руками, и ему все больше хотелось, чтобы она дотронулась ими до него.

– У вас нет слуг? – удивился Ретт.

– Здесь они мне не нужны. Гостей у меня не бывает, а для себя я все делаю сама.

– Если хотите, я буду приносить вам рыбу, – уже более дружелюбно предложил он и, словно застыдившись этого, пояснил, – я здесь для всех ловлю.

– Буду вам очень благодарна, а если еще возьмете с собой на рыбалку, то доставите мне давно не испытываемое удовольствие.

Она присела за стол, их локти оказались рядом, и Ретт от смущения все время что-нибудь ронял: то вилку, то нож, то салфетку. Но голод победил стеснение, а после еды все стало проще, ему уже не хотелось отсюда уходить. Когда молчание затянулось, он нехотя поднялся.

– Разве вы не у меня остановитесь?

– Так не принято, я буду жить в своем доме.

– Мне рассказывали, что вы как раз любите делать то, что не принято.

Он смутился и попытался отойти подальше, но, сделав шаг, каким-то непостижимым образом оказался плотно прижатым к ней. Сквозь тонкую рубашку он чувствовал тепло её тела, кровь застучала в висках. Леди Элоиза не отодвинулась, а лишь слегка отклонилась назад, отчего еще сильнее прижалась к нему бедрами, пробуждая желания, прежде ему неведомые.

– Отец хотел узнать, в чем вы нуждаетесь, – пересохшими губами еле выговорил Ретт.

– В Вашем присутствии, – глядя ему прямо в глаза, ответила она низким грудным голосом.

В тот день он бежал от нее, но ненадолго. Желание стало мучить его, он снова и снова вспоминал движения её горячего тела. Однажды вечером его конь сам повернул к её дому...

Мистер Фицджеральд как будто забыл о существовании старшего сына, собственно, лично они больше не общались. Ретт перебрался к леди Чайзвик, и это никого не удивило, ведь и Розмари чаще жила здесь, чем дома. Всем была известна благотворительность хозяйки и её умение воспитывать детей. У неё всегда обитал какой-нибудь сиротка, дальний родственник, потом он исчезал навсегда, а вдова рассказывала, как удачно женился её воспитанник, или какую блестящую карьеру он сделал...

Осенью, когда друзья встретились в школе, Джек сразу почувствовал, что у Батлера появилась какая-то тайна. Он не успел ее выведать, мистер Хоффман назначил его своим секретарем и поселил в отдельную комнату.

В последний год обучения школу, как обычно, инспектировала комиссия во главе с сенатором и рекомендовала высокого мускулистого Батлера на учебу в Вест-Пойнт. Леди Чайзвик, как дама-патронесса, тоже принимала участие в этом ежегодном важном мероприятии, за которым следовал благотворительный бал, совместно проводимый для женских и мужских школ города, где часто определялись будущие супружеские пары. Наметанным глазом она сразу выделила двух лучших женихов – широкоплечий мужественный брюнет, в чертах лица которого чувствовалась дорогая ее сердцу порода, и стоявший рядом сероглазый блондин, не менее высокий, но не столь атлетически сложенный, с утонченным, почти женственным лицом – и не ошиблась. Именно этим юношам, красота которых была так очевидна, будет суждено долгие годы волновать сердца не одного поколения невест Чарльстона. Батлер и Полонски еще не знали, как причудливо окажутся связанными их жизни.

– Давайте позовем Джека и потренируемся в танцах, чтобы не опозориться на балу, – предложил после смотра Майкл, всегда путавший фигуры кадрили. – Ретт, не уходи домой, останься ночевать в пансионе.

Сегодня Ретту как никогда хотелось уйти, и стремился он отнюдь не домой. Словно впервые он увидел ту, что дарила ему жаркие ночи весь этот год – молодая, статная, в элегантном костюме, плотно облегающем её фигуру, совсем не похожая на тех зануд, какими обычно бывают дамы-патронессы. Недаром взоры и членов комиссии, и выпускников чаще всего были обращены к ней.

– Батлер, заснул, что ли? – нетерпеливо дернул его за рукав Майкл. Останешься сегодня в пансионе? Сейчас Джек придет.

– Останусь, малыш.

Мистер Харрисон, так теперь его называли первогодки, пришел не один. У него появился слуга, скорее приятель, который так играл на банджо, что Джек заливался слезами, когда был пьян. Он уселся, небрежно закинув ногу, и снисходительно пожурил друзей за то, что они так и не воспользовались его услугами, чтобы познакомиться с некоторыми радостями жизни.

– Каждый уважающий себя выпускник должен иметь карточный долг, знать после какого стакана вина свалится под стол, и со знанием дела обсуждать прелести девочек мадам Зизи. А

теперь я умываю руки, предоставляя вам возможность дрожать и потеть в танцах при каждом прикосновении к женскому телу.

Товарищи с хохотом навалились на него, и вскоре уже кружились в вальсе, наступая друг другу на ноги. Вечером они распили бутылку вина и долго рассуждали о будущем, дружбе и товариществе, долге, справедливости, чести, любви и верности. Как самый сведущий в делах любви, Джек решил предсказать, какие невесты им достанутся.

– Тебя, Полонски, полюбит самая прекрасная девочка Чарльстона, а ты женишься на деньгах какой-нибудь дурнушки. Батлер когда-нибудь встретит свою принцессу, и они долго будут мучить друг друга.

– Почему мучить? – удивился Майкл.

– Потому, что человеку свойственно сопровождать любовные наслаждения ревностью, чем больше любим, тем больше придираемся. Ты, малыш, больше всех достоин любви, но она не всегда бывает взаимной.

– А ты кого выберешь?

– Никого, меня устраивают шлюхи, пока не догонит пуля какого-нибудь сутенера.

– Уж лучше погибнуть на поле брани, – заявил Майкл.

– Еще лучше избежать и того, и другого, – засмеялся Ретт.

– Ты думаешь, мы никогда не будем счастливы? – задумчиво спросил Дэниел. – Для чего тогда жить?

– Я думаю, мы уже счастливы каждым нашим днем. И если удастся дожить до того, чтобы седыми стариками встретиться вот так и посидеть вместе, значит, жизнь удалась...

– Джек, – звал Ретт, не открывая глаз, – Джек, ты был прав, все так и произошло!

Элоиза догадалась, что он вспоминает школьные годы и предсказания Харрисона, о которых ей рассказывал. Она приподняла ему голову и поднесла ко рту приготовленный чай. Ретт ухватил чашку обеими руками, осушил до дна и рухнул на подушку. После этого Батлер заснул, наконец, по-настоящему. Элоиза прислушалась к его ровному дыханию, прикоснувшись щекой к его щеке, поправила одеяло и тихо покинула комнату.

III

Скарлетт уже неделю жила в Таре, не вспоминая об Атланте, не замечая детей, взглядов Сьюлин, молчания Уилла. У нее не осталось ничего из прежней довоенной, да и послевоенной жизни. Подобно тому, как рухнули ее представления о правилах приличия и поведения в обществе, грубо и жестоко, теперь рухнула и вера в себя, в свои собственные силы, свое очарование. Была только пустота. Пустота в душе, пустота в голове.

С утра она уходила за поворот к подъездной аллее, где когда-то ждала отца, садилась на скамеечку, которую сделал Уилл вместо сгоревшего старого дерева, и бездумно смотрела за реку. Казалось, вот сейчас раздастся стук копыт, отец обнимет ее и станет уговаривать, чтобы не рассказывала миссис О'Хара, что он опять пустил коня вплавь... Будто и не прошло с той поры тяжелых двенадцати лет. Только нет больше отца. И никого нет, кто бы крепко ухватил её за руку и вытащил из вязкой трясины тоски и отупения.

Мамушка с тревогой смотрела на свою любимицу, подозревая, что не только смерть Мелани так повлияла на нее, но расспрашивать боялась, уж очень непохожа на себя была Скарлетт, молчаливая и угрюмая, хотя ведь и после смерти Чарльза она тоже заставила всех поволноваться. И няня тихонько подсылала к ней Уэйда вроде отнести шаль, или свежую лепешку, или воды, или просто посидеть рядом.

Мальчик побаивался матери, но и Мамушку послушаться не смел. Он помнил, как поспешно уехала из Мариетты мама, как они с Присси добирались до дома, как дядя Ретт встретил их на вокзале, и по его лицу Уэйд понял, случилось что-то страшное. Ему было очень жаль, что тети Мелани больше нет, как и его сестренки Бонни, и как хорошо, что его мама здесь, пусть хоть и такая странная. Он молча подходил к ней, садился рядом, иногда несмело брал ее вялую руку и тихонько гладил. Он и раньше никогда не знал, как ему вести себя в ее присутствии. Скарлетт, едва взглянув на сына, снова отворачивалась к реке. В сумерках, также молча, они возвращались домой.

Как-то после ужина, поднимаясь к себе, Скарлетт услышала раздраженный голос Сьюлин, доносившийся из спальни родителей, в которой теперь обосновались супруги Бентин.

– Натворила чего-то и приползла сюда зализывать раны.

– Это ведь и её дом тоже, верно? – мягко возразил Уилл. – Она навсегда останется хозяйкой Тары, по крайней мере, для меня.

Уж он-то знал, чего стоило старшей сестре сохранить поместье, никто не сделал столько для них всех, сколько она.

– Бродит как привидение, скорбь изображает, – продолжала бурчать Сьюлин, а сама, небось, рада, что Мелани умерла, обдумывает теперь, как половчее подобраться к Эшли. Он один не поддавался на её уловки, хотя, как знать, ведь ездил к нам чаще, чем к своей невесте.

Уилл и сам о многом догадывался и хорошо помнил безмерное счастье в глазах Скарлетт и ярость, с какой она рвалась из его рук навстречу Эшли, когда тот вернулся из плена. Но он не осуждал её.

– Кого же было любить молодой красивой женщине, когда в округе одни калеки остались?

– Вот все вы мужчины таковы, всегда готовы оправдать эту вертихвостку, наверное, тоже не отказался бы от неё, снизойди она до тебя, – возмущалась миссис Бентин.

– Может, и не отказался бы, только на уме у нас было другое – как не умереть с голоду. И в такое время она приютила меня, выходила, оставила жить в усадьбе, стала мне сестрой. Ей я обязан жизнью и счастьем, ты ведь не забыла, кто благословил наш брак? Мистера Уилкса я тоже понимаю, – рассуждал Уилл, – он никогда не смог бы преступить законы чести, каким бы

сильным не было его влечение к ней. Но теперь, когда мисс Мелани уже не вернуть, кто еще сможет заменить её как не лучшая подруга, которая столько лет заботилась о них.

– Как же подруга, притворщица, просто ей невыносимо было видеть, что кто-то влюблен не в неё.

– Что-то вы не очень добры, миссис Бентин, к своей сестре, почему бы и ей, наконец, не обрести свое счастье? – тихо увещевал жену Уилл.

– От того, что я хорошо знаю, на что способна эта хищница, она не заслуживает счастья, слишком у многих она его отбирала, даже у сестры.

– Если вы все еще страдаете по мистеру Кеннеди, дорогая, то я, пожалуй, пойду спать на сеновал, – притворно рассердился Уилл.

– Ну, Уилл, как ты мог так подумать, – всполошилась Сьюлин, – лучше обними меня крепче, я по тебе соскучилась, ты слишком много работаешь...

Далее шепот стал невнятным, и Скарлетт поспешила в свою комнату.

Обычно она ложилась на кровать и, бездумно уставившись в потолок, проводила ночь в забытии. Сегодня случайно услышанный разговор вывел её из оцепенения, но не сочувствие Уилла, и даже не обидные слова сестры, а её отношение к мужу. Это уже была не та мисс Гордячка, любившая покрасоваться у соседней, а заботливая жена, уважающая своего мужа, да и ласки его, кажется, ей по нраву.

Они были такие разные, когда женились: Уилл всегда спокойный, рассудительный, работающий, Сьюлин – ленивая эгоистка. Вряд ли он забыл Кэррин, но научился ладить с женой, не обращая внимания на её нытье, приучая постепенно к работе, разрешая и развлекаться. Их брак, как и предсказывала бабушка Фонтейн, оказался на редкость удачным. Сьюлин уже давно не сожалела о Фрэнке, богатство его унесла война, а Уилл был намного моложе её бывшего поклонника, умный и покладистый, хоть и лишенный светского лоска, но располагавший к себе людей добротой, вниманием, умением слушать. До войны мистера Бентина нельзя было считать хорошей партией для девушки из семейства О'Хара. Простой фермер не мог похвастаться своим происхождением, зато прослыл человеком славным, с добрым сердцем, и всем пришлось по душе.

– Сьюлин повезло, у неё есть муж, который способен о ней заботиться, и она дорожит им, хоть и не может до сих пор простить мне Фрэнка, – призадумалась Скарлетт.

Не то, чтобы её снедала, как раньше, зависть к счастливым супружеским парам, нет, просто показалось, что даже Сьюлин знает о браке больше, чем она, трижды выходявшая замуж. Что-то главное прошло мимо.

Ни размышлять, ни спать не хотелось, Скарлетт закуталась в теплую шаль, снова спустилась вниз и вышла посидеть на террасу, впервые за всё время. Дом спал, было очень тихо, но она не услышала грузных шагов Мамушки, которая умела подкрадываться незаметно, как дикая кошка, когда это было необходимо. Мамушка уже давно подстерегала свою овечку, чтобы застать её врасплох и начать свое расследование. Скарлетт усадила нянюшку в кресло, а сама примостилась, как в детстве, на верхней ступеньке лестницы. Узловатые пальцы несмело погладили её по голове, старушка не решалась приступить к расспросам.

– Как ты стала похожа на мать! Та же горделивая осанка, те же черты, а вот характер-то ирландский.

– Расскажи, Мамушка, что заставило ее выйти за старого чужеземца, неужели лучше женихов не нашлось у такой красавицы?

– А чем масса Джералд плох? Такого хозяина еще поискать, да и жентмун тоже, – удивилась негрятанка.

– Могла ли она его любить? Утонченная аристократка-француженка и недалекий, грубоватый, ловкий в делах ирландец, более несхожих людей невозможно себе представить!

– Да кто ж его не любил?

- Как мужчину, Мамушка! Уж не так ты и глупа, чтобы не понимать, о чем я спрашиваю.
- Так откуда ж мне про то знать? Дети были, значит любила.
- Ничего это не значит, не отговаривайся, – приказала хозяйка.
- Ишь, допытывается, может, прослышала чего? – задумалась сбитая с толку нянька. –

Или сама что удумала? Не завела ли шашни с кем? Ох, неужто, мистер Уилкс, опять свет застит?

Старушка совсем ушла в свои размышления, – не может же она, не испросив разрешения своей госпожи, раскрыть тайну её любви!

– Спишь, что ли? – рассердилась Скарлетт. – Тогда иди к себе, Порк расскажет.

– Видать пришла пора, все одно дознается, упрямец, – тяжело вздохнула старушка, завела глаза к небу и поведала про любовь мисс Эллин к беспутному черноглазому кузену.

...Никому не ведомо, почему Филипп Робийяр оказался в Новом Орлеане, городе вопиющей нищеты и роскоши. Еще доживали свой век аристократические салоны французских помещиков-колонистов, недавних хозяев Луизианы, а город уже наводнили толпы авантюристов всех национальностей, успешно обстрепывающих свои темные дела. В игорных притонах орудовали шулеры, здесь можно было выиграть бешеные деньги и мгновенно все потерять. Шумные компании деловитых янки, насаждали в «американском Париже», как называли город кичливые южане, свои порядки: суд Линча, пистолетную стрельбу, громкие аферы, пьянство и разнузданные кутежи. В одном из таких кутежей и погиб красавец Филипп Робийяр...

– Дерзок был, под стать мистеру Ретту. Ничего не оставалось моей голубке, как принять предложение мистера О'Хара или уйти в монастырь. Отец согласился на брак, но не простил ее, а зря. Мистер О'Хара оказался добрым человеком и безмерно любил свою молодую жену. Семья получилась хорошая, выросли девочки-красавицы, мисс Эллин была счастлива, да и батюшку вашего полюбила, по-другому, конечно, не как Филиппа, а может еще и лучше, – с назиданием закончила свой рассказ Мамушка. – С кузенком-то могло и не быть ни семьи, ни детей.

– Теперь ясно, почему мама так противилась моей свадьбе с Чарльзом – понимала, что я его не люблю, и знала каков брак без любви, – задумалась Скарлетт, уже не слушая Мамушку.

Вспоминая, что ее заставило выйти замуж за нелюбимого, дочь догадалась, почему Эллин приняла предложение шумного ирландца, столь не подходящего ей по возрасту, происхождению, воспитанию, привычкам, образу мыслей, да и по внешности. Она хотела только одного – уехать навсегда из своего родного города, чтобы никогда не видеть ненавистных ей людей, разлучивших ее с любимым.

– Вот значит, как все было, видно сходство с матерью у нас не только в тонких чертах лица, но и в несчастной любви. Что же ей давало силы? С пятнадцати лет только семья, шестеро детей один за другим, потеря трех мальчиков, беспросветная работа по усадьбе, заботы о бедных, больных, белых и черных. Неужели ей не хотелось веселиться, танцевать, нравиться красивым мужчинам? – пыталась понять Скарлетт.

Мисс Эллин, казалось, была всем довольна, неизменно внимательна к мужу и всегда старалась сделать ему приятное, выслушивая его пространственные рассуждения о войне и политике, всегда находила ласковое слово для своих девочек, особенно для своенравной старшей дочери. Между тем, ее раненая душа страдала и оплакивала возлюбленного, но никто об этом даже не догадывался – ни дети, ни слуги, ни соседи. Разбитое сердце не мешало ей быть настоящей леди, воплощением нежности, любви и глубочайшей мудрости...

Они еще долго, молча, сидели на террасе. Скарлетт размышляла о судьбе матери, а Мамушка ерзала в кресле, беззвучно шевеля губами, уговаривала небеса простить её грешную, что нарушила обет молчания.

Скарлетт разбудил шум ветра в вершинах могучих кедров. Она подошла к окну – серые тучи затянули все небо, моросил мелкий осенний дождь, хотя было еще совсем тепло, и о приближении осени свидетельствовали лишь убранные поля да отъезд сезонных рабочих. В доме было тихо, словно все спали: ни голосов детей, ни окриков, ни громыхания посуды. Скарлетт чуть приоткрыла окно, и в комнату ворвался влажный воздух, шорох мокрых листьев, запах свежеструганного дерева.

Почему-то вспомнилась бревенчатая хижина, сложенные в штабель гладко отесанные брусья возле нее; журчание ручья где-то неподалеку; лес, наполненный запахами приближающейся весны; тишина, изредка нарушаемая порывами ветра, сбрасывающими на землю тяжелые капли дождя; губы Ретта на ее губах...

Кто бы мог подумать, что встреча, начавшаяся с долгой перебранки закончится страстными объятиями? В тот день она впервые поняла, что дорога ему. Чем же еще можно объяснить, если человек, едва избежав виселицы, летит на всех парусах, чтобы одолжить необходимые ей деньги, а потом едет с нею под дождем за город?

...Я готов каждый день покупать вам по лесопилке, – пошутил Ретт при расставании.

– Может, вовсе не из желания иметь лесопилку я заставила вас мокнуть под дождем.

– Вы вселяете в меня надежду, так из-за чего же?

Он внимательно смотрел ей в глаза – она не дразнила его. Да и он был серьезен.

– Не хотелось идти домой.

– В таком случае, если я вас правильно понял, почему бы, нам не уехать вместе из этого города? Мало ли мест на земле, клянусь, вы не пожалеете! – пылко предложил он.

Скарлетт на минуту задумалась, прижавшись к его груди. Он обнял её, целуя волосы, лоб, уже без страсти, но бережно и ласково, словно свое любимое дитя. Ей было так тепло, так надежно в его руках.

– Хорошо бы, конечно, прожить до конца дней своих, не ведая страха и забот, рядом с этим сильным мужчиной, который, оказывается, может быть таким милым и нежным! Но что будет с Тарой? – нехотя отпрянула она.

– Я не оправдал ваших ожиданий? Вам было неприятно?

– Ах, что вы, ни с кем мне не бывает так хорошо, как с вами, вы же знаете, – поспешно ответила она. – Вы единственный, на кого я могу положиться!

Ретт усмехнулся, он ждал от неё других признаний, ведь она только что доказала, что он ей совсем не безразличен, а слова выражали лишь дружеское расположение к нему.

– Не можете оставить своего белого слона в графстве Клейтон? – догадался он, заметив, как морщинка раздумий промелькнула меж её бровей.

Она грустно кивнула. Ретт помрачнел – Тара для него означала Эшли. Скарлетт не стала его разубеждать, не будучи сама ни в чём уверенной...

– Пожалуй, это был лучший период в наших отношениях! – тепло улыбнулась Скарлетт. – Ретт был мягче воска в моих руках, так добр, так терпелив, перестал насмехаться, совсем не упоминал про Эшли, и ни на чём не настаивал.

...Первое время она очень опасалась увидеть на лице Ретта торжество одержанной победы, и эту его поганую усмешечку, что, мол, всё имеет свою цену, и твердо решила, что не позволит ему так думать о себе. Она вернёт все деньги сполна, пусть не радуется, что купил её. Однако Батлер, как истинный джентльмен, ни единым взглядом, ни намёком не пытался напомнить ей о происшедшем. Это её даже слегка обижало, а потом она тоже выбросила тот день из головы, будто ничего и не было.

Он опять, как во время войны, стал частым гостем в доме тети Питтипэт, совершенно очаровав ее сдержанными безупречными манерами. Скарлетт чуть не лишилась чувств, когда впервые застала его в своей гостиной, мило беседующим с тетушкой. Уголок его губ лишь

слегка насмешливо опустил при её появлении, и он с невиннейшей улыбкой пояснил, что в силу известных обстоятельств, слишком долго был лишен общества своей доброй приятельницы – мисс Гамильтон – и очень соскучился. Но теперь с лихвой вознагражден, встретив здесь ещё и своего давнего партнера по делам – мистера Кеннеди. Правда, старый партнер не выказал желаний поддерживать деловые отношения, да и приятельские тоже, даже не скрывая за вежливостью своего недовольства. Неприятнее всего для Фрэнка было то, что Уэйд привязался к дяде Ретту всей душой и радовался ему как родному отцу. Да и миссис Кеннеди не хмурила брови в его присутствии.

Всю свою жизнь мистер Кеннеди считался с мнением общества и хорошо представлял, что теперь говорят о нём и его супруге, втихомолку переживая по этому поводу. У него просто в голове не укладывалось то, что делала Скарлетт. Мало того, что она купила лесопилку, даже не посоветовавшись с ним; сама вела дела, что уж никак не подобает замужней даме; так ещё и принимает Батлера, с которым молва их давно повязала. Нельзя сказать, что его жизнь превратилась в ад, нет, было и много приятного, если ни в чём не перечить жене. Но он чувствовал, что она несчастлива, часто рыдает в подушку по ночам, ничего ему не объясняя. Фрэнк очень надеялся, что ребенок всё изменит, и его супружеская жизнь станет более подходящей всему общепринятому.

Миссис Кеннеди думала иначе, менее всего в это непростое время ей нужен был ребенок. Душа её и без того пребывала в смятении: внезапный приезд и бегство Тони Фонтейна, убившего давнего врага Тары Джонаса Уилкерсона, навлек на них гнев новых властей. К ним не раз приходили с обыском, грозили острогом, а она только начала получать деньги с лесопилки, множество планов роилось в её беспокойной голове. Она должна обезопасить себя и детей, а для этого нужны деньги, много денег, и она работала много и тяжело, не надеясь на Фрэнка. Хотя в эти тревожные дни она обнаружила, что её муж не так уж робок, может испытывать и ярость, и решимость, да и объятия его могут быть более настойчивыми, чем ей хотелось бы...

Скарлетт плохо переносила первые месяцы беременности, Батлер перестал ходить к ним в дом, но вся Атланта знала, что они встречаются чуть ли не каждый день. Она не сразу догадалась, что он просто охраняет её. Ведь Фрэнку даже в голову не приходило сопровождать её в поездках. Обстановка в городе была очень тревожной из-за постоянных стычек с неграми, и Батлер всё реже покидал Атланту. Обычно Ретт подсаживался к ней в двуколку где-нибудь на дороге, брал в руки вожжи, а она склоняла голову к его плечу, испытывая давно забытое чувство незыблемости мира. И не было на свете убежища, более надежного, чем он!..

Она уже не могла обходиться без него, как и без коньяка, пропуская две-три рюмочки перед ужином, несмотря на свое положение. Ей хотелось быть с ним мягкой, слабой, чтобы чувствовать его заботу. Однако стоило ему однажды предположить, что она будет, словно гибкая лоза, покорно гнуться в его руках, если к ней правильно подойти, как Скарлетт в гневе прогнала его. Правда, гневалась она недолго, ровно столько, сколько он вылезал из двуколки и отвязывал свою лошадь. Расставаясь, они все-таки улыбнулись друг другу...

Последующие печальные события – смерть мистера О'Хара, потом отца Ретта – разлучили их на несколько месяцев. Этого оказалось достаточно, чтобы Эшли снова занял все её мысли. В декабре, когда Ретт вернулся, прежней теплоты меж ними уже не было, и она знала причину – переезд Уилксов в Атланту, под её крылышко.

Вереница событий кажущегося таким далеким прошлого пронеслась перед мысленным взором Скарлетт. Ей уже никогда не вернуть то душевное расположение, которое связывало их с Батлером в том не самом легком периоде ее жизни. Но не потерянная дружба беспокоила Скарлетт сейчас, а совсем иное чувство, тревожное, странно волнующее, необъяснимое для неё тогда, но очень понятное теперь. Долгое время она принимала его за страх разоблачения, ведь чарльстонец знал все о ней и Эшли. На благотворительном балу, когда они впервые

встретились в Атланте, может, так оно и было, но лишь до того момента, когда она пошла с ним танцевать. Пламенные взгляды красавца, дерзкая улыбка, ощущение, что ты пушинка в его руках, мгновенно заставили её забыть про вдовство, материнство и репутацию...

Всякий раз, когда капитан Батлер появлялся в городе, все женское население приходило в волнение. Разбитых сердец было бы не счесть, но он ни разу не позволил себе что-либо предосудительного, явно предпочитая всем общество миссис Гамильтон, хотя и это трудно было назвать любовным ухаживанием. Она ждала вольностей, а их не было, комплименты были сомнительны, а главное, казалось, он видел насквозь все её уловки, с помощью которых она старалась повергнуть его к своим ногам. Он был так не похож на других мужчин, загадочный и притягательный, она чувствовала свое бессилие перед ним. От взгляда его темных глаз её бросало, то в жар, то в холод, мурашки бежали по спине, колени слабели, а ноги подкашивались.

Как она могла быть так глуха к своим ощущениям? Как можно было не заметить свое состояние? Неужели можно быть настолько ослепленной призрачной любовью?

– Когда же это началось? – попыталась осознать Скарлетт. – Собственно так было всегда в его присутствии, даже в самой неподходящей для этого обстановке – на свидании во время его ареста, при прощании на дороге в Тару или за месяц до этого, когда он застал её одну на веранде дома тети Питти. Ах, нет! Тогда, наоборот, все располагало к признаниям: ночь окутала их мраком и тишиной, пересмешник и тот не решился нарушить безмолвие.

...Ретт взял её руку, повернул ладонью вверх и поцеловал. Прикосновение его теплых губ обожгло её, и трепет пробежал по телу. Его губы продвинулись выше, к запястью... Сердце забилося сильнее, кровь прилила к щекам.

– Я ведь ни капельки не влюблена в него, – в смятении пронеслось у неё в голове. – Я люблю Эшли.

Но от чего так дрожат руки, и этот предательский жар в груди, и желание взлохматить ему волосы, почувствовать его губы на своих губах...

– И все же я нравлюсь вам, – шепчет вкрадчивый голос. – А могли бы вы полюбить меня, Скарлетт? В вашем сердце должно найтись местечко и для меня...

Он снова поцеловал ее ладонь. И снова по спине у нее приятно поползли мурашки.

...Я возжелал вас с первой же минуты, сразу, как только увидел в холле в Двенадцати Дубах...

Ей бы возмутиться от таких откровенно неприличных слов, но перехватывает дыхание, как и теперь, при одном только воспоминании о звуках его голоса. Так же было и в тот памятный для неё день, когда она впервые увидела его.

...Незнакомец, стоя поодаль от остальных гостей, не сводил с нее глаз. Несмотря на большие планы относительно Эшли, Скарлетт не преминула отметить аристократические черты смуглого лица гостя, атлетическую фигуру, гордый красивый профиль. Глаза их встретились, и она вдруг отчетливо осознала, что лиф её платья вырезан слишком глубоко, он улыбнулся насмешливо и нагло, и у нее перехватило дыхание...

– А ведь это произошло до объяснения в библиотеке, свидетелем которого он стал, – с удивлением обнаружила Скарлетт, – и смущение мое было вызвано лишь его вниманием, а не страхом разоблачения!

Это открытие потрясло ее. Как ни коротка была их интимная жизнь, не больше года, наверное, но теперь Скарлетт знала точно, что это было желание, влечение к нему, и оно возникло сразу с того момента, как только она почувствовала его оценивающий взгляд и не посчитала это дерзостью.

– Право, можно подумать, что я влюбилась в него, как последняя дурочка, с первого взгляда!

Ей бы тогда задуматься, послушать свое сердце, но у нее в голове было совсем другое – предстоящее объяснение с Эшли. С ним ее ничего не пугало, в его глазах не было огня.

Вспоминая встречу за встречей, переставляя их по времени, сопоставляя высказывания Ретта, Скарлетт находила все больше подтверждений его любви и своего ответного чувства, так не похожего на то, что она испытывала к Эшли.

... Я хочу обладать вами – ни одной женщины я не желал так, как вас, и ни одной не ждал так долго, – говорил Ретт...

От таких слов жаркая волна бежала по телу, голова кружилась, гулко стучало сердце. Но почему он ждал? Ведь ему ничего не стоило соблазнить её. Как будто и сам избегал этого, иначе не вел бы себя столь чудовищно. Его манеры раздражали ее неимоверно, слова обижали, заставляли злиться. Не язык, а жало, она никогда не выходила победителем из их словесных поединков. Столько было сказано ненужных слов, кроме главных слов любви, произнесенных тихо, серьезно, без дерзостей, без насмешек, без загадок.

– Возможно, я поняла бы, что он – моя судьба, тот самый предсказанный мне брюнет! Вот бы сейчас расспросить Джинси.

Скарлетт вихрем слетела по лестнице вниз, в столовую.

– Мамушка! Мамушка! – громко позвала она няню.

Та хлопотала возле стола и от испуга чуть не выронила поднос с едой.

– Что с вами, миссис Батлер? – официально назвала ее няня, обеспокоенная необычно возбужденным состоянием своей питомицы.

– Ты не знаешь, где теперь Джинси?

– Кухарка Тарлтонов, что ли? Да, где же ей быть, с ними и живет. Старые слуги не привыкли бросать хороших хозяев. Все ютятся в домике управляющего.

– Я хочу навестить их.

– Куда в такую слякоть, дорогу развезло, поедете, когда подсохнет. Поешьте вот лучше, пока все горячее.

К удивлению Мамушки хозяйка не стала возражать, покорно села за стол и нехотя, не замечая, что на тарелке, съела все. Накрывшись платком, постояла на террасе, подставив ладонь под капли дождя, и с едва уловимой улыбкой, давно не появлявшейся на ее лице, стала подниматься по лестнице к себе.

Старушка, упершись руками в бока, проследила за ней исполненным подозрения взглядом:

– С чего это ей кухарка понадобилась? Может к себе переманить хочет?

На другой день Скарлетт отправилась к своим ближайшим соседям Тарлтонам. Старых обитателей графства Клейтон, ранее столь обширного, осталось совсем немного. Уже свернув на дорогу, идущую по лесистому склону к Прекрасным Холмам, она заволновалась, как ее там встретят?

Хозяйка Холмов встретила незваную гостью с радостью и в первую очередь, повела её, конечно же, на конюшню, показать, как вырос жеребенок. Она была совершенно счастлива и не сразу заметила, как грустна и тиха Скарлетт.

– Случилось что? – спросила она участливо. – Ты ведь просто так сюда не приедешь.

– Мелани умерла, а полгода назад дочка моя разбилась. Как папа. Упала с пони.

Улыбка сползла с лица этой неунывающей женщины, потерявшей четверых сыновей, она обняла свою молодую соседку, и обе заплакали.

– Я не знаю, как можно жить с этим, – рыдала Скарлетт так безутешно, будто треснула и рассыпалась в прах кора, покрывавшая ее душу со времен войны и Реконструкции, выпустив

на свободу много лет копившиеся потоки слез. Апатия сменилась болью, осознанием своих потерь. – Все ушли, кого я любила, – признавалась она Беатрисе, почувствовав, что именно с ней она может не стесняться своей слабости.

Хозяйка Прекрасных Холмов понимала, что бедной девочке, у которой не осталось никого кроме старой няньки, надо выплакаться. Даже такие несгибаемые, которые ни за что не покажут своих слез окружающим, бывает нуждаются в этом.

– Ну, будет, дорогая, будет, все одно слезами горю не поможешь.

Не в привычке миссис Тарлтон было распускать нюни, да и Скарлетт О’Хара не из тех, кто жалуется на судьбу.

– Пойдем – ка, лучше обедать, Джинси приготовила что-нибудь.

Услышав имя кухарки, Скарлетт утерла рукавом слезы и с готовностью последовала за соседкой. Они жили все вместе: родители, Хэтти и младшая Бетси с мужем, внуков еще не было. Рэнда и Камилла учительствовали в школе и приезжали домой по воскресеньям. После нехитрого обеда гостя спросила:

– Помнишь Джинси, как ты нам гадала в детстве на женихов?

– Про всех – то не помню, а про вас, мэм, помню хорошо, уж больно мы боялись, что близнецы перестреляют друг друга через вас. Вот я и придумала вам жениха, жгучего брюнета с черными усами, такого во всей округе не было.

– Зато в Атланте нашелся, сбылось твое предсказание мне на беду.

– Почему на беду, так уж плох оказался?

– Нет, даже слишком хорош, только вот никак не пойму, любит ли он меня, – как бы в шутку сказала Скарлетт.

– Дайте руку, мэм, посмотрю, что вас ждет, – огорчилась за нее гадалка. – Болезнь была, горе было, большое горе, много испытаний будет еще. Богатство, деньги – все будет, будет и другая любовь у вас, но его не забудете, мэм, никогда.

– А он? Он меня не забудет? – нетерпеливо спрашивала Скарлетт.

Джинси очень хотелось бы ее обнадежить, но утешительные придумки на этот раз не годились, слишком важна была бедняжке правда.

– Его руку смотреть надо, мэм, так не скажу.

– Спасибо, Джинси, и на этом.

– Да не слушай ты ее, что она знает? – вступилась миссис Тарлтон и увела Скарлетт на террасу. – Вот возьми хоть меня. Я тебя недолюбливала в юности, а теперь вижу – лучшей невестки было не сыскать. По характеру ты на меня больше похожа, чем на свою мать. Эх, были бы живы мои ребята, как они тебя любили!

– Я их тоже любила, как родных братьев.

И Скарлетт неожиданно для себя рассказала ей про Ретта то, чего не могла сказать даже Мамушке.

– Ах, милая мисс Беатриса, как глупо я поступала, как проглядела свою любовь. С каким удовольствием я бы сейчас носила его ребенка, но он не хочет больше детей. Двоих мы уже потеряли, с ними ушла и наша любовь. Слишком больно было ему.

– Не горюй, в жизни всякое бывает, все еще наладится. Мужчина, он ведь как конь норовистый, иногда и хлыстом не мешает пройтись, чтобы поставить на место, но и сахару тоже жалеть не надо. Глядишь любовь и вернется.

Перед Скарлетт замаячил тоненький лучик надежды, что так оно и будет. Она улыбнулась, и миссис Тарлтон поняла, что пришло время расспросить о Мелани.

– Тоже все из-за детей. Нельзя ей было иметь второго ребенка, а она очень хотела, из-за этого и умерла.

– Я всегда говорила, что ничего хорошего из этого брака не выйдет, в породе толк знаю, – с сожалением произнесла Беатриса. – Уилксы – лошади не для трудной дороги. Им нужны жены покрепче.

– Что ж мы всё обо мне, вы – то как? – спохватилась Скарлетт.

– Да что мы, видать, внуков с Джимом не дождемся, девочки мои стареют, замуж выходить не за кого.

– Пусть приезжают ко мне на Рождество, все-таки, в Атланте больше возможностей, – предложила О’Хара. – Может кто-нибудь из них останется у меня жить? Ведь я там совсем одна, чужая всем. Только Мелани любила меня и была вместо сестры. Из уважения к ней терпели и меня.

– Почему так, Скарлетт?

– Здесь ведь тоже девочки ко мне симпатии не испытывали.

– Здесь-то, понятно, всех кавалеров уведешь, бывало, кто ж тебя любить будет? А там что, тоже кавалеры?

– Хуже, деньги там. Работаю как мужчина, езжу одна по городу, даже в таком состоянии, когда настоящие леди из дома не выходят. С янки общаюсь, все делаю не так, как все. Жалею, что лесопилку пришлось продать, муж настоял. Но лавку не продам – это наследство Эллы от Фрэнка. Я не могу допустить, чтобы мои дети голодали, как мы после войны, буду работать даже, если муж бросит меня.

– Таких не бросают, – уверенно заявила миссис Тарлтон. – Насчет работы я тебе вот что скажу: наплюй на разговоры. Если есть хочешь, надо работать. Я тоже везде беременная ездила. Конечно, здесь не город. По правде сказать, так в женщинах для дела бывает больше толку, чем в ином джентльмене. Да и с другой стороны, как бы я перенесла смерть сыновей, не будь у меня этого загончика? Придешь сюда, посмотришь на жеребчика, и все беды забываются. Так что, девочка моя, помнишь, как говорила бабушка Фонтейн, носи свою ношу, а будет невестомугу – приезжай к нам сил набираться.

– Спасибо вам за поддержку, – растрогалась опять до слез Скарлетт.

На повороте, где когда-то она встречала отца, ее ждал Уэйд.

– Что так долго, мама? Я волновался, – заговорил мальчик, тревожно вглядываясь в её лицо красивыми, темно-кариыми глазами.

Столько беспокойства было в этих не по-детски серьезных глазах, что в душе ее шевельнулось теплое чувство к сыну, сначала робко, потом сильнее, стало расти, шириться, согревая объятую холодом душу.

– А ведь есть на свете родной мне человечек, которому нужна моя любовь, – подивилась Скарлетт.

Она обняла его за худенькие плечики, не замечая, что слезы текут по ее щекам, слезы сожаления, что она никогда не умела ценить любовь близких ей людей.

С этого дня она стала много времени проводить с сыном: вместе они помогали Уиллу по хозяйству, гуляли по усадьбе, уходили за поворот, сидели на берегу реки. Вечерами было прохладно, Уэйд укутывал мать шалью, наслаждаясь её обществом. И никто из них не вспоминал тяжелые годы войны, когда икающий малыш, вцепившийся в юбку матери, раздражал ее.

– Конечно, она не умеет так играть, как дядя Ретт, но я ее научу, – думал мальчик.

Иногда они вдвоем ехали на одной лошади. Это было так весело, а мама почему-то становилась очень печальной. Ему было невдомек, что она вспоминает высокого всадника, перед которым сидела в седле крошечная фигурка в голубом бархатном платье.

– Мама, а как папа нашел тебя? – спросил Уэйд во время очередной прогулки.

– Видишь за рекой холм? Там, среди раскидистых дубов, стоял очень красивый дом Уилксов, с белыми колоннами, широкими верандами. Однажды туда съехалось гостей со всей

округи, видимо-невидимо: и Тарлтоны, и Гамильтоны, и дядя Ретт, и дядя Фрэнк. Твой папа оказался самый смелый, я и опомниться не успела, как мы уже обвенчались.

Уэйд захохотал довольный.

– Мама, а я похож на папу?

– Да, мой дорогой, очень, ты такой же красивый, и глаза в точности, как у него.

– Давай съездим в Двенадцать Дубов? – попросил Уэйд.

– Хорошо, сынок, поехали. Только ведь усадьбу сожгли янки.

– Осмотрим, хотя бы то, что осталось.

– Раньше здесь был мост, а теперь вроде он и не нужен. Поднимешься бывало в гору и увидишь красивое здание. Вот сюда подъезжали экипажи, лошадей слуги уводили на скотный двор.

Скарлетт, показала, где стояли столы, где жарились туши на вертелах, как вкусно пахло шкварками.

– Вот там на лестнице меня и окликнул элегантный мистер Гамильтон, а под этим дубом, напротив входа, он сделал мне предложение.

Она с грустью вспомнила своего первого мужа, его искреннюю любовь, которую не успели постичь разочарования, его неумелые ласки.

– Он был слишком молод и скромн, возможно, со временем я полюбила бы его, ведь отец говорил, что любовь приходит к женщине уже в браке. И оказался прав, – невесело усмехнулась Скарлетт, – только не предупредил, что можно и опоздать. Но Чарльз дождался бы, недаром отец был доволен моим выбором: умный, красивый, добрый, как Мелани, образованный; настоящий джентльмен, нисколько не хуже Эшли. Счастье могло быть долгим и прочным, если бы она отважилась проститься со своими иллюзиями.

Ей и сейчас еще предстояло это сделать. Пора понять: как невозможно восстановить сгоревшую усадьбу, так невозможно вернуть ушедшую любовь.

Этой ночью ей снилась Тара, цветущие холмы, Двенадцать Дубов – все вроде как в день их помолвки, только гостей не видно. А она будто танцует с кем-то в библиотеке, и так странно одета, вернее, вовсе не одета – в корсете и нижней белой юбке, обшитой кружевами. Будто чьи-то сильные руки, отнюдь не Чарльза, легко кружат ее, обнимают, ласкают, как никто и никогда.

– Ах, настоящая леди, не должна позволять такого, – в смущении думает Скарлетт, – но так хочется узнать, что будет дальше.

Дух захватывает от его объятий, поцелуев, страстных слов, заставляющих отвечать ему тем же. Никогда еще она не была с мужчиной настолько близко, его горячее дыхание обжигает её щеки, губы, шею, грудь, пока наконец, в безумном восторге тела их не сливаются воедино...

Утром она еще долго находилась во власти ночных видений, смутно вспоминая, что когда-то давно уже видела этот сон и никак не могла тогда понять, кто он – этот неведомый мужчина. Теперь сомнений не было – кому же еще могли принадлежать эти руки, как не Батлеру. Кто еще мог так знать женщин, и кто еще умел так их обольщать, так говорить о любви, чтобы каждое слово дышало страстью, воспаляя кровь? Если бы она тогда разгадала этот сон...

Долгое время они встречались, расставались, ссорились, мирились. Он был ее другом, её опорой, единственным, кто подставил свои широкие плечи, чтобы разделить с ней тяжкую ношу, потом неожиданно стал мужем, но он не был её возлюбленным. И теперь ей уже никогда не узнать, как это могло быть, когда было целым, не разбитым её глупостью и упрямством? Она никогда не узнает, как он может любить, разве что, как сегодня, во сне, не почувствует прикосновения его рук, его губ, не увидит его насмешливых глаз, не услышит его певучий медлительный южный говор.

Какое страшное слово «никогда»! Никто не назовет ее ласково дружок, или кошечка моя, ведь все для нее чужие, кроме Ретта. Только он мог так нежно взять ее за руку, только он мог успокоить ее, прогнать страшные сны.

– Ну, почему, когда он был рядом, я не ценила всего этого?

...Её третий брак, самый продолжительный, действительно доставил ей немало удовольствий, как и обещал будущий супруг. По правде сказать, даже слишком много удовольствий, так что у неё просто голова закружилась от богатства, шумных вечеринок, музыки, танцев, от возможности жить, не считая денег и не считаясь ни с кем, не думая о завтрашнем дне.

Ах, все было так не похоже на её прежнюю жизнь: шуршащие парчовые платья обрисовывали фигуру так, что бедным мужчинам просто уже ничего не оставалось, как только любоваться ею; кухня, на которой никогда не заканчивалась превосходная еда, редкие вина. А рядом спутник жизни, которого женщины провожают трепетными взглядами, так он хорош. Это приятно шекотало её самолюбие, как и богатые наряды, драгоценности, шикарный дом.

Но сама она уже не испытывала в его присутствии того тревожного волнения, которое возникло с первой их встречи и не покидало её все эти годы. В душе как раз всё оставалось, как обычно: рядом очередной муж, а в мечтах – всё тот же принц в серебряных доспехах. И хотя необходимости работать уже не было, она не бросала своего дела, продолжая управлять лесопилками, ведь только там она могла видеть мистера Уилкса. Казалось, что всех устраивает такое положение дел, ведь она была уверена, что Ретт не любит её, как и она его...

Как же она ошибалась, принимая его сдержанность, показную холодность и бесстрастность за отсутствие любви! Она, конечно, знала, что он совсем не в восторге от того общества, которым она себя окружила, ему просто было смешно её безудержное желание быть первой среди этих сомнительных новых знакомых. Но это не заставило её одуматься, она всё неистовей погружалась в вихрь пустых и шумных забав, пользуясь его щедростью и поистине безграничным терпением.

– Боже, зачем мне все это было нужно?

Появление ребенка не вызвало в её груди очищающего чувства материнской любви. Прелестную дочку она воспринимала лишь как свое украшение.

Все события после рождения Бонни вспоминать было невыносимо больно... и стыдно. Оскорбление, которое она нанесла мужу, выдворив из спальни, не простил бы ни один из её бывших поклонников. Стюарт Тарлтон попросту застрелил бы на месте, а Батлер смирился, поддерживая видимость семейных отношений ради Бонни. После той ночи еще не поздно было вернуть его, но гордыня превыше всего. Взгляды, пронизанные ненавистью, взаимные оскорбления, жаркие ссоры, череда роковых непониманий друг друга...

Когда же не стало Бонни, не стало и его. Мягкое безразличие, с каким он относился к ней последние годы, небезобидное подтрунивание, бесстрастное созерцание уступили место унижительному пренебрежению и откровенным оскорблениям беспробудно пьяного опустившегося человека.

– Так что же ты хочешь вернуть? – сурово вопрошала она себя. – Чужого человека, превратившегося в животное, которому все безразлично, кроме виски и этой толстой рыжей бабы? Ретт прав, что разбито, то разбито – отныне мы пойдем каждый своей дорогой, и они уже никогда не сольются в одну.

Обычно приняв решение, она шла напролом к цели, не терзая сомнениями свою душу. Но обычно она чувствовала за своей спиной незримую опору: сначала Эллин, потом Мелани, Ретт. Теперь ничего не получалось, что бы она ни делала, о чем бы ни думала, ее мысли все время возвращались к нему, будто две разных Скарлетт поселились в её душе и спорили друг с другом. Одна – та, которую он называл «мой прелестный ангел», вела счет его доблестям;

другая – мерзавка, себялюбивая отступница и двурушница, одним словом строптивица, видела и помнила только обиды.

Первая снова и снова воскрешала в памяти образ красавца-брюнета таким, каким она увидела его при первой встрече на барбекю Уилксов, другая убеждала, что того Ретта давно нет.

– Ты виновата в том, – упрекал чистый, словно горный ручеек, серебристый голос. – Бог накажет тебя за него.

– Уже наказал и за него, и за Фрэнка, Чарльза, Мелани, отняв их у меня. Ретт, хотя бы остался жив. Мне вообще не следовало принимать его предложение, да ещё в день похорон Фрэнка. Господь не простил такого кощунства.

– Вдруг Батлер болен, ведь он так сильно пил и, может быть, как раз теперь нуждается в твоём участии, как никогда прежде? – восклицал ангел.

– Если бы нуждался, не уехал, даже не сообщив куда. Он уже давно держит меня на расстоянии, не допуская в свою душу. Да и зачем? Ретт – сложный человек, противоречивый, еще менее доступный для моего понимания, чем Эшли, умен, образован, многое испытал. Право, не знаю, что его привлекало во мне?

– Твоя юность, очарование и некоторые природные задатки, в которых он видел сходные с ним черты. Очевидно надеялся воспитать идеально подходящую для себя женщину, чтобы пройти с нею рука об руку по жизни в полной гармонии.

– Фантазерка! Опять придумываешь образ человека, которого нет на самом деле, только теперь уже Батлера. Рука об руку, как же... Все мужчины одинаковы – всем нужна покорная жена, гибкая, как лоза, ласковая кошечка, которую хочешь погладишь, а не хочешь – сбросишь с колен.

– Он столько сделал для тебя. Теперь твоя очередь – стань для него утешением, бальзамом, и вы еще будете счастливы.

– Заодно придется отказаться от работы, потерять независимость, смириться с Красоткой, – ехидно добавила строптивица.

– Если хочешь вернуть мужа, должна стать именно такой.

– Вот в этом я как раз не уверена.

– Не уверена, что хочешь вернуть Батлера, или не уверена, что сможешь смирить свой нрав?

– Он знает меня не желает, и я не стану вешаться ему на шею, достаточно того, что двенадцать лет с упрямством мула преследовала Эшли своей любовью. Возможно, и сейчас по привычке всё вернется на свои места...

– Еще бы ради этой «собаки на сене» ты разрушила свою жизнь. С любым из своих трех мужей ты могла быть счастлива, но упорно лелеяла многие годы детскую влюбленность в несуществующего принца, цеплялась за призрачную любовь, не замечая любви реальной. Между тем совсем неясно, будет ли тебе с Эшли так же хорошо, как с Батлером.

– На что ты намекаешь? Плотская любовь меня никогда не интересовала. Эшли красив, благороден, мне ничего не нужно, только быть с ним рядом, видеть его, слышать его голос, знать, что он любит меня! – горячилась строптивица.

– Разве он любил тебя так, как ты его?

– Может и не так, каждый любит по-своему. Как умел, так и любил.

– Любил, но не женился; желал, но не овладел; догадывался, каким способом ты хочешь добыть деньги, но не остановил; поборник чести, а твое имя не сумел уберечь от злословия, устранился, погрузившись в свои переживания. Ты же с ирландской твердолобостью опять винила себя за то, что навлекла на него позор, разрушила его спокойствие, сломала гордость и самоуважение. Ах, каким джентльменом он всегда был с тобою! – насмешничал ангел.

– Что ты взъелась на мистера Уилкса, светлая частица моей души? Ведь если ты и теплишься во мне до сих пор, то лишь потому, что он единственный, кто видел во мне что-то хорошее!

– Угу, только обитали бы мы с тобой давно на небесах, если бы не помощь Батлера. Вот уж кто любил тебя, горячо, страстно, ни опасность, ни честь, не останавливали его, ну прямо герцог Борджиа, как назвал его Эшли. Кстати о семействе Борджиа, ты ведь так и не узнала, чем они знамениты? Помнишь, как Эшли, старательно избегая твоего взгляда, смотрел на Чарльза с выражением сочувствия? Так он всегда будет смотреть мимо тебя, когда ты вдруг захочешь блеснуть своим невежеством, и тосковать по Мелани, которая могла сравнивать мистера Теккерея и мистера Диккенса и поддерживать беседу на любую тему, будь то литература, живопись или музыка. Она всегда будет стоять за его спиной. Боюсь, что и в постели вас будет трое, зато узнаешь, что испытывал Ретт!

Скарлетт насупилась и, чтобы не было так горько, попыталась вспомнить единственный страстный поцелуй Эшли во фруктовом саду, его крепкие объятия, стройное тело. Но перед глазами являлось несчастное лицо, измученное, растерянное выражение которого вызывало жалость, но никак не сулило счастья. Это был уже не тот мечтательный юноша, в которого она влюбилась до войны, и не тот воин, закаленный в боях, который приезжал в отпуск на Рождество. И хотя в уголках рта осталась жесткая складка, но она уже не придавала ему уверенного властного вида человека, привыкшего командовать, а лишь подчеркивала усталую опустошенность глаз.

– Очевидно, мистер Уилкс слишком бесстрастен, рассудочен, слишком оберегает свой покой. Поэтому его устраивала Мелани. Собственно, она была ему больше сестрой, единомышленницей, другом, но не любовницей. У тебя есть шанс стать и той, и другой. Или, может быть, ты его постарайся обучить, как проще обманывать покупателей? – глумился ангел. – Это сблизит ваши души!

– От него я, по крайней мере, не услышу тех оскорблений, которыми осыпал меня Батлер. Не понимаю, как можно говорить такой любимой женщине, выставляя её перед всеми плохой женой и плохой матерью. Даже если это так, но ты любишь эту женщину, достойно ли такое поведение? Фрэнк не любил меня, но терпеливо сносил все обиды, потому что был порядочным человеком.

– Не тебе, конечно, упрекать Ретта в низости. Кто как не ты, лицемерно прикрываясь им, скрывала от Эшли свою жестокость, грубость, алчность.

Сальдо не сходилось: то превышала любовь, то обиды.

– Это тебе не доллары в лавке считать – сколько поступило, сколько потрачено, – думала Скарлетт, – так чего было больше: обиды или любви? Любви к Эшли или Ретту? Да и что есть любовь?

Один признавался в любви и жил с женой душа в душу, другой скрывал свое чувство, боясь быть отвергнутым, и всю развлекался с потаскухами. Оба – трусы и предатели. Эшли боялся, что я нарушу уклад его жизни, вторгнусь в его внутренний мир, непонятный мне и неинтересный, разрушу дорогое для него однообразие скучных дней. Ретт не желал ограничивать свою свободу.

Скарлетт просыпалась на заре и долго лежала без сна, снова и снова перебирая в памяти события своей жизни. Она не любила возвращаться в прошлое, зная, что ни к чему хорошему это не приводит. Однако привычка откладывать неприятные мысли на потом не срабатывала. Каждое воспоминание вызывало у нее новый прилив тоски. Но постепенно стало казаться, что именно прошлое поможет ей как-то собрать обломки своей жизни и найти силы жить дальше. Она снова оказалась в тупике, как семь лет назад, когда не осталось иллюзий на мирную жизнь и любовь Эшли, и ради спасения Тары она готова была стать любовницей Ретта Батлера.

Всё изменилось с тех пор: она сохранила Тару, достаточно богата, и может позволить себе перестать быть мерзавкой, и даже попытаться вернуть то, что было утрачено – гордость и честь, правдивость и милосердие. Но все это она легко бы променяла на любовь Ретта. Скарлетт с грустью представила себе долгую череду безрадостных дней без него, это было сродни голоду...

– Ангел мой, ведь он меня хорошо знал, почему же не понял, что дорог мне? Любовь настолько слепа?

– Да! Иначе, каким бы чудом необразованная деревенская своенравная девчонка смогла заполучить в мужья человека столь высоких запросов и утонченного вкуса, как Батлер, да еще и сведущего в делах любви?

– Значит, ничего вернуть нельзя?

– Конечно, нет. Разве можно вернуть молодость, невинность, сладкие мечты, способность верить в них, мир, который унесла война?

– Что же делать?

– Раскрой свою душу страданию, очисти её от всего суетного, стань хорошей матерью, научись ценить тех, кто рядом, тем более, что теперь рядом вечным укором твоей совести будет Эшли, – с иронией произнес светлый ангел.

– Придется нести и этот крест, – разочарованно усмехнулась Скарлетт, – довольно с меня сказок, в душе моей пустота, не надо мне ни принцев, ни дьяволов, никого.

Скарлетт взяла платок и пошла во фруктовый сад, совсем не потому, что захотелось помечтать об Эшли. Нет, ей хотелось вспомнить то чувство уверенности и силы, которое внушил ей когда-то холодный кусочек красной глины, чувство привязанности к мирному покою и деревенской тишине Тары, к этим красным полям и темным соснам вокруг дома!

Здесь и застал её обеспокоенный Уилл, только что вернувшийся из Джонсборо. На станцию каждый день прибывали толпы безработных. Среди них мистер Бентин и Большой Сэм частенько встречали прежних рабов с плантации, которые после войны разбрелись по всем штатам. Те за небольшую плату не прочь были бы на все время закрепиться в усадьбе, но теперешний хозяин Тары мог позволить себе наем рабочих только на определенное время или на определенный вид работ.

Большой Сэм, ставший в усадьбе управляющим, нередко сам отправлялся на заработки в Мейкон или Джонсборо. В Атланте он, по-прежнему, боялся появляться. Он женился, жил своим домом и очень гордился тем, что приобрел с помощью своего хозяина участок Слэттери. Эмми после смерти мужа как огня боялась Фонтейнов и не стала держаться за этот кусок ненужной ей земли. Получив деньги, она тут же уехала.

Лицо Уилла не предвещало ничего хорошего. Несколько мгновений он стоял молча, подбирая слова.

– Мисс Скарлетт! – наконец, обратился он к ней. – У вас есть акции Северной железной дороги?

– Есть, конечно. Да говори толком, что надо?

– На станции слышал, компания обанкротилась. Я вот газету привез.

– Не может быть, – охнула Скарлетт.

Она уже давно ничего не боялась, ни жизни, ни смерти, ни молвы, ни потери любви – ничего, кроме разорения и голода, и сейчас у неё заныло под ложечкой. Ведь говорил Ретт не покупать акций, только бумаги государственных займов. Не послушалась. Хорошо хоть не так много приобрела, но жаль терять и это.

– Надо ехать в Атланту. Седлай лошадей.

Перед фермером снова стояла владелица Тары.

– Шляпу возьмите и поедem, мисс О'Хара, – невозмутимо согласился он.

– Почему ты никогда не называешь меня миссис Батлер? – спросила она по дороге, отметив про себя, как он возмужал. Плечи уже не были костлявыми, и вся фигура не казалась, как раньше, долговязой и сутулой.

– Вам не подходит эта фамилия, резкая и грубая, – пояснил он. Таким же он представлял и того, кто дал ей эту фамилию.

– Ты считаешь, что я другая?

– Все равно, какая, злая или добрая, грубая или ласковая, вы для меня навсегда останетесь мисс О’Хара.

– Боюсь, Уилл, что скоро так и будет, в моей жизни возможны перемены, и не в лучшую сторону... я хочу развестись с мужем. Нам будет трудно без его денег.

– Вы не должны жертвовать своим счастьем из-за нас.

– Дело не только в деньгах. Ты знаешь, как относятся к разведенным женщинам? Это позор на всю семью. Мамушка этого точно не переживет.

– Ну и не говорите ей пока ничего, а на мою поддержку можете рассчитывать всегда. Если в Атланте будет тяжело, оставайтесь жить здесь.

– Спасибо, Уилл, но как быть с лавкой? Там дом, салун. Это ведь наши единственные источники дохода.

– Как-нибудь проживем.

Перед отъездом Скарлетт сходила на могилу матери, долго и горячо молилась, опустившись на колени, каялась, что нарушила все её наставления.

– Это не принесло мне счастья, мама. Но как сохранить достоинство и не впасть в нищету или выбраться из неё? – с отчаянием вопрошала она надгробие. – Чудес не бывает. Единственным чудом в моей жизни были вы, мама, неотразимо прекрасным, внушающим благоговейный трепет и неизменно приносящим утешение во всех горестях.

– Я попробую жить так, как это делали вы – работать, воспитывать детей, вести дом, – обещала она матери, посылая в то же время Господу скорбную мольбу, чтобы помог ей в этом.

Костлявая тень нищеты сдавила сердце Скарлетт, заставив отбросить страдания о потерянной любви.

Молчаливой и сосредоточенной вернулась она с кладбища и такой же прибыла в Атланту.

IV

При первых сообщениях в газетах о финансовом кризисе на Уолл-стрит, Батлер выехал в Нью-Йорк, послав телеграмму мистеру Редфорду, одному из тех, кто после войны спас его от виселицы. Несколько лет, оставаясь рядом с Бонни, Ретт не поддерживал свои деловые связи в Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии. Теперь ему предстояло вновь окунуться в атмосферу риска, авантюры, всеобщего возбуждения.

Финансовая паника, вызванная разорением банкирского дома «Джей Кук и Ко», была повсеместной. От кредитоспособности этого дома зависело грандиозное предприятие – Северная Тихоокеанская железная дорога. В нее были вложены сбережения сотен тысяч людей, купивших акции и все потерявших.

Однако ловкие дельцы не разорялись, а наоборот становились миллионерами, приобретая по бросовым ценам рудники, в которых предполагалось наличие серебра и золота, конные железные дороги, банки. Сенатор Редфорд был из их числа, но как человек близкий к власти, не мог открыто заниматься коммерческой деятельностью. Батлеру он доверял как самому себе, был рад его появлению, вновь рассчитывая на успешное сотрудничество. На этот раз он замахнулся на приобретение золотых приисков. Встретившись в ресторане за ужином, они сразу приступили к обсуждению проекта.

– Брайан, вы же понимаете, что наших с вами средств недостаточно на промышленную разработку даже одного рудника. Вы хотите создать трест? – Батлер не любил привлекать к делу большое количество людей.

– Возможно, но главное, я хочу использовать правительственные вложения на освоение северных земель. Мы ничем не рискуем! Наши средства останутся при нас. Рудники сейчас ничего не стоят, но в случае успеха прибыли могут быть миллионными.

– Не придется ли вам, в этом случае, вторично спасти мою жизнь? Как я понимаю, ваше имя нигде не должно фигурировать, за все в ответе буду я.

– Потому я к вам и обратился, что все правильно понимаете. Вы ведь убедились, что на меня можно положиться. Я захватил все необходимые бумаги, зная, что прежде чем дать свое согласие, вы обязательно захотите изучить имеющиеся документы.

Сенатору нравилась основательность Батлера, если уж он согласится на покупку рудников на паритетных началах, значит, будет толк.

– Работы предполагается начать весной, – продолжал уговаривать Редфорд. – Есть одно неприятное обстоятельство – вам придется подолгу отсутствовать дома, хотя бы первое время. Жена отпустит? Я как-то не очень представляю вас во главе семейства, но вы так долго не давали о себе знать, не иначе, как женились!

– Да было дело. Но это уже в прошлом.

– Что, развод? Не дурите, все жены одинаковы, только создадите себе кучу проблем. Обустрайте свою жизнь, как вам удобно, и живите в свое удовольствие. Вот мы с женой не мешаем друг другу: у меня свои друзья, у неё – свои, большей частью молодые статисты из близлежащего театра, мне они не интересны. Вас тоже не рискнул бы пригласить в дом.

– Недостаточно знатен? – осклабился Ретт.

– Слишком привлекателен! Моя Мессалина не преминет попытаться затащить вас в постель.

– Ну, это не так просто, вам нечего опасаться.

– Она этого не поймет и будет добиваться своего, и тем испортит наши с вами деловые отношения, – с улыбкой пояснил Брайан, – любовников меняет часто, а мне приходится содержать их. Не поверите, я на девочек трачу меньше, чем на её партнеров.

Батлер засмеялся. Он никак не ожидал, что государственному деятелю приходится заниматься такими прозаическими делами.

– Ну, вот вы и повеселели! – заметил сенатор. – Мне легко говорить, я никогда не любил свою жену. Она старше меня, и хотя не лишена приятности, женился я, в общем-то, на своем тесте, он обеспечил мне карьеру. А что вас прельстило в браке? Молодость, красота, богатство?

Ретт вдруг почувствовал потребность рассказать о своей любви. Но в то же время ему совсем не хотелось посвящать в подробности долгого пути к венцу, и сама собой сложилась версия, которая в последствии ему стала нравится все больше и больше.

– Все вместе, она дочь богатого в прошлом плантатора. Ей было шестнадцать лет, когда мы познакомились, и в тот же день заключили наш союз.

– Так была хороша?

– Прелестна. Не то, чтобы, красавица, но раз увидев, уже не забудешь, – глаза южанина засветились нежностью.

Брайан, не испытывавший в своей жизни сильного чувства, посетовал:

– Мне, к сожалению, не довелось встретить такую женщину, чтобы не отпустила уже никогда. Но как вам удалось в один день уговорить её, а тем более родителей?

– Повезло, ее сопровождал только отец. Я сразу понял, что просить её руки бесполезно, с моей – то репутацией. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В тот день была объявлена война, мужчины уже ни о чем другом думать не могли, и я воспользовался ситуацией, предложив ей бежать на соседнюю станцию, где можно было найти священника, привычного к таким венчаниям.

Ретт говорил и уже сам верил, что всё так и было, ведь браки совершаются на небесах, а не в церкви.

– Потом мистер О’Хара, конечно, грозился убить меня, но все закончилось миром. Она осталась у родителей, а я, как вам известно, прорывал блокаду. Вторая встреча состоялась только через год уже в Атланте, куда она приехала с нашим сыном. После войны родилась дочь, и мы, наконец, стали жить вместе. Через два года появилась еще одна дочка, и наша жизнь превратилась в кошмар.

– Тоже любовники?

– Бог миловал, но не знаю, что лучше. Её увлечение стоит мне не меньше. Ей удалось сохранить разоренную усадьбу и плантацию отца, а поскольку я не горел желанием вкладывать большие деньги для восстановления хозяйства, она решила сама зарабатывать.

– И что, успешно?

– Еще как! Управляла двумя лесопилками, магазином, салуном и больше не хотела детей. Представьте себе такое редкостное сочетание – невинное личико и абсолютно недетское, острое, почти мужское восприятие жизни, пленительная женственность и крепкое словцо.

– Вы меня заинтриговали своей супругой! Хочется увидеть ее, устройте нашу встречу как-нибудь. Но, тем не менее, я не советую вам разводиться, вы все еще в её плену.

– Нет, все кончено. В этом году погибла моя любимица, младшая дочь. Жена ненавидит меня, считает, что я виноват во всем. Я действительно баловал ребенка. Ну, как я мог ей что-либо запретить, когда она так меня любила?!

В голосе приятеля было столько боли, что Редфорд уже обрадовался, что в его жизни не было любви, зато не было и мучений.

– Я купил ей пони, – осыпшим голосом рассказывал Батлер, – обучил брать небольшие препятствия и гордился, что у девочки в четыре года хорошая посадка и крепкая рука. Она была такая бесстрашная, хотела прыгать выше, а ножки у пони коротковаты...

Батлер быстро налил бокал виски и выпил его залпом. Он впервые говорил о Бонни.

– С тех пор я пью, не переставая, уже полгода. Может, не стоит браться за серьезное дело? – неуверенно спросил он.

– Глупости, в Нью-Йорке есть хороший врач, который не позволит вам оставить меня без такого дельного партнера. К сожалению, детская смертность высока, – утешал сенатор, – трудно найти семью, которая сумела бы сохранить всех своих детей. Мы тоже потеряли двух девочек, я до сих пор не могу сдержать слез, когда их вспоминаю.

Действительно, в ту же минуту его глаза подернулись влагой.

– Поплачьте, и станет легче, уверяю вас. Подумайте о других детях. Нам вот старший сын недавно подарил внуку. А вы еще молоды, сами родите.

Ретт отрицательно покачал головой.

– Это сейчас кажется невозможным, но пройдет время, помиритесь с женой, и все получится само собой. Ведь из всех женщин на свете только она знает, какой была ваша любимица, только она сможет разделить ваше горе.

От здравых рассуждений сенатора Ретту не то, чтобы стало легче, стало менее трагичным ощущение безысходности его существования. За неделю они оформили все необходимые документы, и Редфорд предложил отметить это событие.

– У меня тут актрисочки знакомые, пригласим? Уверяю, есть прехорошенькие. Какие тебе нравятся женщины? – перешел он на доверительное «ты».

– Шатенки с глазами зелеными, как горох.

– Ну, и запросы у тебя! Попробую найти.

– Я шучу, любая сойдет, только чтобы не очень надоедливая, – он не хотел никого.

На следующий день Ретт, проводив мистера Редфорда на вокзал, сенатор постоянно жил в Вашингтоне, отправился к доктору.

– У вас на редкость могучий организм, крепок, как мореный дуб. Исключите алкоголь, даже вино и домашние наливки, сигары тоже, если только изредка, и проживете еще столько же, сохраняя потенцию. Попейте настой для очищения печени, – я вот вам выписал, больше ничего не надо. Море, воздух, прогулки.

Пройдясь по Бродвею, южанин вспомнил, что вчера ни за что обидел бедную актрису, отвергнув её ласки. Ему стало жаль её, и вечером он пошел в театр с намерением загладить свою вину. Девушка лихо отплясывала в кордебалете и была совсем недурна. Ретт подождал её у театра, она вышла одна, в руках был маленький потертый чемоданчик, наверно с ее принадлежностями. Понуро опустив плечи, она двинулась вдоль освещенных витрин, иногда останавливаясь, чтобы рассмотреть выставленную одежду, её костюм совсем обносился. Увидев высокую фигуру, внезапно появившуюся перед ней, она сначала испугалась, но узнав, кто это, смутилась...

Батлер остался в Нью-Йорке ещё на неделю. Рита была итальянкой и сильно нуждалась. Она неплохо танцевала, но таких на Бродвее было немало. У нее не было покровителя, не было и желающих взять на содержание. Её не часто приглашали на вечеринки, подобные той, что устроил мистер Редфорд, считая слишком скучной. Но то, что не привлекало других мужчин, понравилось Батлеру: её тихая покорность, застенчивая манера держаться, что никак не вязалось с варьете, отсутствие расчетливости. Заметив ожидание в её больших темных печальных глазах, что для него не было новостью – женщины всегда надеялись на продолжение отношений – он пообещал навестить её в следующий приезд, если она не уедет на гастроли. С новым гардеробом у неё должны были появиться новые возможности.

V

Вернувшись в Чарльстон, Ретт решил прислушаться к совету Редфорда и пока не форсировать дело о разводе. Статус женатого мужчины был ему даже удобен, ибо его появление в городе всколыхнуло все женское население. К нему внимательно присматривались, намечая, кто в любовники, а кто и в мужа, подозревая, что не все в порядке у него в семье. Какая жена отпустит одного такого видного мужчину? Ретту, конечно, было лестно их внимание, однако он всех держал на расстоянии, ибо знал, как переменчиво мнение общества и помнил свое не столь триумфальное возвращение из Вест-Пойнта.

...Прошло всего лишь три года с тех пор, как он после окончания школы, стоя у перил судна, шедшего на север, впервые покинул родные места, чтобы поступить в Военную академию в Вест-Пойнте.

Лучшая Военная школа страны расположена в восьмидесяти километрах к северу от Нью-Йорка, в живописном месте, с видом на реку Гудзон. С тоской он смотрел на эту реку весь год, пройтись бы по ней на лодке от верховий до устья. Так хотелось убежать из казармы и отправиться в путешествие, хотя учение ему даже нравилось. Программа, рассчитанная на четыре года, была очень обширной, но он не зря провел время в школе Хоффмана. Половина предметов таких, как естествознание, философия, география, история, этика, французский язык, не требовала больших усилий для подготовки. Но было и много нового, чем он не занимался ранее: химия, высшая математика, инженерное дело, баллистика, черчение, национальное законодательство. Обучение предполагало большое количество самостоятельно выполняемых работ, и он перечитал всё, что нашел в библиотеке, стремясь к познанию истинной природы вещей. Напряженные занятия не утомляли его, он привык к большим нагрузкам. Ранний подъем, отсутствие досуга, увольнений и праздников, не слишком обильная еда, строевые занятия не смущали его.

Скоро стало ясно, что упорный замкнутый южанин может претендовать на место в десятке лучших на курсе. Он совсем не был похож на первого ученика, а скорее на первого драчуна, всегда готового к схватке, поскольку отношения с сослуживцами наладить не удавалось. Одни считали его гордецом и задавакой, другие – честолюбцем. К тому же большинство курсантов были северяне из малообеспеченных семей, не имеющих средств для учебы в университете. Единственной возможностью получить хорошее образование для них был Вест-Пойнт, где обучение полностью оплачивалось [Армией](#) в обмен на обязанность кадетов поступить на действительную службу. Выходцев с Юга они традиционно считали богатыми работодателями и уже поэтому испытывали к ним неприязнь, хотя Батлер ничего не имел, кроме стипендии. Отец послал его в Вест-Пойнт как нищего.

Недоброжелатели нашлись не только среди однокурсников, но и среди преподавателей. Их, как и отца, раздражала его манера говорить людям в лицо то, что он о них думает. В приличном обществе это считается дурным тоном. Ретт не понимал почему, ведь это полностью соответствует Кодексу чести кадетов, который гласит: «Кадет не солжёт, не обманет, не украдёт, и не будет терпеть этого со стороны других». И Ретт не лгал и не терпел, его открытая, умная, хотя и смягченная юмором, речь раздражала всех. А когда, по окончании первого года, огласили неожиданный, в том числе и для Ретта, приказ начальника академии откомандировать кадета Батлера для службы на все лето в один из фортов, располагающихся у входа в Чарльстонскую гавань, не выдержали и те, кто неплохо к нему относился. Недругов прибавилось.

– Мы и не догадывались, что учимся со столь важной персоной, светилом военной науки, в услугах которого нуждается правительство штата, – злословили курсанты.

Прибыв в гарнизон, он все понял – на пристани его ждала Элоиза. Она соскучилась и добилась того, чтобы на него отправили запрос, якобы по просьбе армейцев, ввиду хорошего знания им местных особенностей форта. Ретт вознегодовал, как она могла поставить его в ситуацию, вызвавшую столько нареканий.

– Ну, хватит, мальчик мой, – бесцеремонно остановила она юношу, – я вызвала вас сюда вовсе не затем, чтобы выслушивать всякий вздор. Надо иметь решительность и отвагу, чтобы любую ситуацию обращать себе на пользу. Чем скорее вы это поймете, тем лучше для вас. Я хочу это лето провести с вами, и оно будет восхитительным!

– Учитывая мои знания некоторых местных особенностей, – смягчился Ретт, глядя на бурно вздымавшуюся царственную грудь, – можете в этом не сомневаться. Надеюсь, мне удастся взять без штурма укрепления этого форта?..

– Так-то лучше, дорогой, идемте в наше гнездышко.

Эта поездка имела неожиданные последствия для его дальнейшего пребывания в Академии. Он получил первые представления о военной службе и был глубоко разочарован её образом и скукой. Леди Элоиза пыталась убедить, что его ждет совсем другое будущее – не служба в захолустном гарнизоне, он непременно станет генералом с его – то способностями или лучше адмиралом, у них форма красивее.

– Какая разница: командовать рабами на плантации или бесправными солдатами, по сути теми же рабами? Посвятить свою жизнь тому, чего не терпел с детства, это не для меня, дорогая! Да и поступал я в Академию лишь из желания приобрести независимость от семьи.

– Ах, боже мой, хочешь ты этого или нет, тебе придется командовать, какое бы поприще ты не избрал. Ты рожден быть лидером.

– Отец считает, я ни на что не годен.

– Зато мистер Хоффман придерживается совсем иного мнения.

– Он добрый человек.

– Не только, он ещё и умный воспитатель, способный предвидеть будущее своих подопечных. К сожалению, таких людей немного, вряд ли кто будет ценить твои достоинства, чаще тебе придется преодолевать зависть и злословие...

Несмотря на появившиеся сомнения, второй год обучения также прошел успешно, но наступившее лето обмануло его ожидания. Лиззи не приехала, как обещала, перестала высылать ему деньги, а главное перестала писать. А он привык чувствовать её поддержку, ведь она знала ответы на все вопросы. Ретт загрустил, но к счастью начальник академии не забыл о просьбе леди Чайзвик присматривать за её родственником: Батлер был отправлен на строительство нового форта со старшим выпускным курсом.

В отсутствие военных действий выпускники Вест-Пойнта проектировали большую часть мостов и железных дорог США. Этот выпуск впоследствии дал стране пять бригадных генералов и восемь генерал-майоров, в том числе одного главнокомандующего Потомакской армией. Все они стали участниками гражданской войны, но только двое из них служили в армии Юга. До войны, сделавшей однокурсников противниками, тогда еще было далеко.

Среди этих парней Батлер нашел друзей, и третий год обучения прошел под шум пирушек, нарушений дисциплины, игры в карты ночами напролет. Его способности к карточной игре были поразительными, но он легко обходился и без неё. Эти демоны не захватили его душу: он пил, не пьянея; покорял женщин, их не замечая; хладнокровно выигрывал большие суммы денег, не испытывая страсти к игре. Загулы сменялись длительными периодами воздержания и повышенной работоспособности, в результате он получил высокие оценки по семестровым экзаменам.

Однако Батлер твердо решил покинуть стены школы. Жесточайшая дисциплина стала откровенно раздражать его, он перестал посещать занятия и выполнять служебные распоряжения. Суперинтендант академии безуспешно попытался его наставить на путь истинный, а затем

объявил о созыве трибунала. Обвинения выдвигались по двум пунктам: «1-е – грубое нарушение служебного долга; 2-е – неповиновение приказам». Его признали виновным и огласили следующий приговор: «... уволить кадета Р.К. Батлера от службы Соединенным Штатам».

Вновь обретая свободу, он ещё не подумал, как ею распорядиться. Впереди его ждало путешествие по Гудзону, затем Нью-Йорк, оттуда морем он намеревался вернуться в Чарльстон, к Лиззи...

Её совсем не обрадовало его возвращение из Вест-Пойнта. Она явно кого-то ждала, когда он под вечер появился на пороге её дома: слуги были отпущены, собаки заперты. Лиззи уже была осведомлена о событиях в Академии и холодно сообщила, что не может оставить его у себя.

...Он ещё не понял, что это расставание и, весело насвистывая, отправился к Джеку. Тот искренне обрадовался ему, они проговорили всю ночь, вспоминали школу, друзей, свои похождения.

– Батлер, а ведь я чуть было не остепенился, хотел жениться, но, к счастью, дама сердца отвергла меня.

– Кто же эта гордячка?

– Твоя родственница – леди Чайзвик. Я все-таки сделал ей предложение, но она предпочла остаться вечной любовницей, прости, дорогой, твоего отца.

– Ты в этом уверен?

– Так говорят. Только сдаётся мне, мисс Элеонора не стала бы с ней дружить, будь это правдой. Они с дочкой часто гостят у неё, мистер Батлер стал совсем невыносим. Думаю, тебе не стоит показываться ему на глаза. Можем поселиться вместе, Майкл давно предлагал мне перебраться к ним во флигель.

– Согласен, вот только повидеюсь с матерью и сестренкой.

Надеясь застать их у Лиззи, он уже было направился к ней, как вспомнились слова Джека. Подождав до ночи, Ретт решил выследить своего отца и прежнюю пассию. Ему недолго пришлось прятаться в кустах жимолости, когда послышались осторожные шаги, и в высокой фигуре, скользнувшей за калитку, он к великому удивлению узнал своего друга и однокашника Полонски.

– Кто же еще мог сменить надоевшего брюнета в постели благородной леди – только томный красавчик-блондин, – ухмыльнулся Ретт.

На другой вечер он выдал Джеку все оставшиеся деньги, выигранные в морском путешествии из Нью-Йорка, и уговорил его взять с собой Дэна к мадам Зизи.

В сумерках Батлер стоял перед знакомой дверью, не сознавая, зачем он здесь, чего хочет добиться этим визитом, ведь и так все ясно. Но то, что он услышал, привело его в такую ярость, какую он не испытывал никогда.

– Как вы похожи на своего отца, так же не остановитесь ни перед чем, – в гневе выговаривала она. – Страсть ко мне сжигала его и, чтобы остаться непогрешимым джентльменом, он не придумал ничего лучше, как бросить вас в мою постель, корчась от ревности. Как вы надоели мне оба! Не смейте сюда являться!

– Значит, все было ложью, обманом? Вы всего лишь исполняли волю отца?

– Ну, не совсем, – сверкнула она глазами, – пока вы не вышли из того возраста, который мне доставляет удовольствие. Мне всегда были противны мужчины в годах – эти смердящие, храпящие, развратные козлы, с бородой и грудью, покрытой шерстью...

– Довольно, миледи! Так я недостаточно молод для вас? – не помня себя, перебил её оскорбленный Ретт. – Слишком мужлан, сучка похотливая? Мальчиков ей подавай, и дня не может обойтись без любовных забав.

Он сбил её с ног, повалил на ковер, и буквально обрушил на нее всю мощь долго сдерживаемой неистовой страсти, грубо, необузданно, не ожидая сам, что способен на такое.

– Получи все сполна, греховодница, – сдавленным голосом почти рычал он, желая причинить ей боль, и не встретил в ответ ни мольбы, ни сопротивления.

Юноша познал силу своего тела, и женщина безропотно подчинилась этой силе. Через некоторое время он с удивлением почувствовал, что она так же неистово отвечает ему. Он впервые испытывал столь животное чувство, повторяя позы откровенных рисунков, которые она же ему и показывала. На рассвете Ретт вышел, пошатываясь из её дома, не таясь, не скрываясь, оставив ее на ковре в гостиной...

С тех пор он не видел леди Элоизу, всячески избегая случайных встреч, когда бывал в Чарльстоне, ибо стыд за содеянное, которое не могли оправдать ни ее предательство, ни его молодость и впечатлительность, жег его и по сей день.

Она тоже не давала о себе знать, но после его возвращения из Нью-Йорка среди приглашений, следовавших одно за другим, Батлер обнаружил и ее послание, которое вежливо отклонил.

– Надо съездить к ней, сынок, она всегда была добра к нам с Розмари, да и к тебе тоже, – мисс Элеонора не догадывалась, какие отношения связывали его с миледи. – Когда отец вычеркнул твое имя из семейного молитвенника, она одна заступилась за тебя, но что могла сделать слабая женщина?

– Как же, слабая, – сердито пробормотал Ретт.

– Мальчик мой, забудь обиды, – погладила она его по смуглой щеке, – как ты повзрослел!

– Мама! Мне уж впору говорить, как постарел.

– Ну, что ты, у мужчин с этого возраста жизнь только начинается.

Мисс Элеонора не могла наглядеться на сына, испытывая и гордость, и тревогу. Поездка в Нью-Йорк пошла ему на пользу, он оживился, в глазах появился блеск. Отсутствие алкоголя и пребывание на свежем воздухе делали свое дело: одутловатость начала исчезать, мышцы крепили, черты лица принимали обычный волевой, несколько фатоватый вид.

– Посмотри, сколько приглашений из лучших домов, а ты все бродишь в одиночестве, – говорила мать.

– «Одинок, значит, свободен!» Так считал великий Леонардо да Винчи, – смеялся Ретт, но музыкальные вечера посещал, сопровождая сестру и ее подругу мисс Элис.

Молодая учительница, любимица его матери, была девушкой умной, начитанной, умеющей вести себя в приличном обществе. Чем-то она напомнила ему Мелани, может быть, кротким взглядом голубых глаз или скромностью нарядов? Как бы то ни было, юная особа настолько привлекла его внимание, что Ретт начал подумывать о новом браке, несмотря на разницу в возрасте в четверть века. Он знал, что нравится ей, а ему достаточно того, чтобы видеть рядом с собой женщину тихую, любящую, не слишком привлекательную и не обременительную для его свободы.

При этом он часто вспоминал мистера Уилкса: рядом был настоящий бриллиант – Мелани, а он желал своенравную Скарлетт. Не окажется ли Ретт в такой же ситуации? Ведь они во многом схожи с Эшли. Оба из благородных семейств богатых плантаторов, одинаково, как было принято в то время на Юге, воспитаны, умны, решительны, смелы и благородны, но проявлялось это по-разному, ибо характеры их формировались совершенно в разных условиях.

Один вырос под крылышком умного, благородного отца, неизменно излучающего радушие, как к детям, так и ко всем окружающим. Потому и сын считал жизнь в поместье поистине прекрасной, не желая ничего более, как повторить путь своих уважаемых родителей, не изменяя привычному для него укладу. Он с детства знал, что женится на кухне, и когда в

его жизнь неожиданно ворвалась любовь к другой девушке, способной нарушить этот устоявшийся уклад, он отказался от неё.

Другой рос в непрестанном борении с отцом, ему хотелось вырваться из этого лицемерного благоденствия, где всё подчинялось воле деспота, не только негры-рабы, но и жена, дети, родственники и друзья, желания других подчинялись одному его желанию, жизнь других – его жизни. Наверное, от какого-нибудь предка-пирата старший сын Батлера унаследовал любовь к свободе, ненависть к насилию, непримиримость ко всякому произволу, правительственному или личностному. Никем не понятая душа требовала простора, его страшила перспектива барства, женитьба на дочке какого-нибудь соседа-плантатора. Он понимал, что хозяйство надо вести по-другому: дать своим рабам свободу, а может быть и земельные угодья. Рабы инстинктивно тянулись к молодому хозяину. Отец этого простить не мог и выгнал его из дома без гроша в кармане.

Двадцатилетний юноша, воспитанный в духе английской и французской романтической литературы, оказался в самой гуще беспшабашной и опасной жизни, один, без денег, без друзей. Было от чего растеряться. И не такие опытные люди не выдерживали, кидались в погоню за призраком богатства, растрачивали понапрасну свои силы и гибли от случайной пули, от желтой лихорадки, от алкоголя. Но он выжил и преуспел задолго до того бедствия, которое разрушило патриархальный Юг.

Будучи уверенным, что архаичный уклад давно пора заменить более рациональным, Ретт не собирался воевать за него. Но и нельзя сказать, что он стоял в стороне от военных событий, что его деятельность не помогала Конфедерации, или была не опасна для его жизни. Когда же наступил критический момент, понимая всю бессмысленность личного участия в проигранной войне, он без колебаний вступил в ряды защитников своей земли, где жили дорогие для него люди: мать, сестра, друзья, учителя, любимая женщина.

Мистер Уилкс с первых дней пошел в армию добровольцем, хотя относился к числу тех немногих, кто разделял взгляды Батлера. Он тоже считал, что рабство должно быть отменено, что война будет проиграна, несмотря на патриотизм и храбрость южан.

Борьба за установление власти демократов в Джорджии сблизила их. И уж совсем они оказались похожими теперь, когда Ретт, потеряв самое дорогое, что было в его жизни, осознал ценность того, с чем так легко расстался в юности: свои корни, доброе имя, спокойное достоинство былых времен.

Может и сейчас он слишком спешит, оставляя ту, чьей любви добивался столько лет? Так ли уж он хочет её забыть, и сможет ли? Ведь Эшли не удалось ни забыть ее, ни быть счастливым с другой женщиной!

– Женившись на Элис ради удобства, придется обманывать себя, – размышлял Батлер, – ведь я знаю, что никогда не смогу полюбить ее. Так может лучше лгать прежней жене, не разбивая сердце еще одной женщине? К тому же Скарлетт никогда не покушалась на мою свободу...

Сомнения одолевали Ретта, и он никак не мог прийти к окончательному решению.

VI

Скарлетт еще в Таре поняла, что не хочет жить в своем роскошном доме, где нет любви и тепла.

– Продать его, что ли, – думала она, – и остаться с детьми на улице? Может к лавке сделать пристройку?

Но на участке, примыкающем к магазину, можно было соорудить только жалкую лачугу всем на потеху. Она же хотела дом небольшой, но респектабельный. Ей понравилось это слово, произнесенное Реттом. Она вообще хорошо запомнила все, что он сказал ей на прощание о своей будущей жизни. Она попробует идти тем же путем, лучшего ей не придумать. И начать надо с дома.

Миссис Батлер стала присматриваться к другим участкам, убеждаясь, что Ретт тогда купил лучший. Но жить там без него и все время чувствовать, что она потеряла, было невыносимо. Ковры, которыми она раньше гордилась, тяжелые занавеси, полумрак – все наводило уныние, яркие тона тревожили, вызывали множество горестных воспоминаний и сожалений, с которыми трудно было справиться. Но тяжелее всего было видеть эту красную лестницу и двор, где не стало Бонни...

– Мисс Скарлетт, тут без вас приходил мистер Гамильтон с каким-то жентмуном, – сообщил ей Порк во время ужина.

– Что хотели?

– Домом интересовались. Вы уж простите, мэм, я показал им и сад зимний, и залу бальную, кухню тоже. Приезжому всё понравилось, сказал, лучшего помещения не найти.

– Для чего?

– Не знаю, мэм, – пожал плечами Порк.

– Не знаешь, кто и что, а по дому водишь. Джентльмен, наверное, какой-нибудь сакво-яжник, вновь прибывший?

– Не похож вроде. Просили сообщить, когда приедете.

– Ладно, иди уже, завтра сама расспрошу дядю Генри.

– Как жаль, что Ретта нет рядом, – думала Скарлетт, обеспокоенная сообщениями в газетах. Пока она была в Таре, по стране прокатилась финансовая паника. Миссис Батлер было тревожно на душе и очень не хватало разъяснений мужа.

Мистер Гамильтон долго разглядывал бывшую невестку. Он всегда отдавал должное её смекалке, но впервые – её красоте, как-то особо выделявшейся на фоне сдержанных, почти траурных одеяний.

– То ли раньше наряды были слишком яркими, то ли она изменилась – подумал дядюшка и поймал себя на том, что ждёт, когда взметнутся, словно крылышки бабочки, её длинные тёмные ресницы, и он снова увидит пронзительно-трагический взгляд её чуть раскосых прозрачных глазах. – Словно раненая птица! Чарльз не дурак, что ухватил её тогда, хотя она птица не его полета. Эшли тоже понять можно, но куда ему до Батлера. А ведь встретилась бы мне лет... эдак назад, то и я, пожалуй, не устоял бы.

Скарлетт даже не заметила его интереса к себе, и очень удивилась бы, подскажи ей кто, что одним взмахом ресниц она привлекла на свою сторону очень значимое в «старой гвардии» лицо.

– Видишь ли, детка, предусмотреть сейчас, во что выльются эти события, трудно, думаю, нас ждут нелегкие времена. И в этих условиях у меня есть хорошее предложение, не знаю, конечно, как к этому отнесется мистер Батлер.

«Крылышки» вспорхнули на мгновение и опустились, прикрыв затуманенный влагой взгляд. Дядя Генри не придавал ему никакого значения.

– Позволь познакомить тебя с одним человеком. Он англичанин, хочет открыть гостиницу, что на родине, конечно, было бы предосудительно для аристократа по крови, но здесь его никто не знает. Задумка у него хорошая – создать комфортабельный отель, ориентированный на людей солидных, семейных, состоятельных, респектабельных или хотя бы желающих такими казаться. Их в Атланте теперь немало, город активно заселяется, и одного отеля «Нейшнл» недостаточно.

Скарлетт, торгуя лесом, была хорошо осведомлена о постоянном росте населения в городе, но пока не поняла, при чем тут она.

– Гостиничное дело хлопотное, но прибыльное. Мистер Телфорд, так зовут англичанина, обошел лучшие отели, присмотрелся к постояльцам, и когда стал подыскивать подходящее помещение, обратил внимание на ваш дом. Четырехэтажный кирпичный особняк в стиле шале как нельзя лучше отвечал его замыслу.

– Еще бы, зря, что ли я старалась, одни подрядчики чего мне стоили, – думала Скарлетт про себя.

Ей было лестно, что нашелся человек, который оценил её усилия. Но с другой стороны, она почувствовала себя оскорбленной, что ее дом кто-то смеет находить подходящим для отеля.

– Вот уж Батлер посмеялся бы надо мной от души.

Но здравый смысл возобладал над обидой, и она согласилась встретиться с англичанином, пригласив их с дядей Генри к ужину.

Уходя, уже в дверях она столкнулась с дедушкой Мерриуэзером, вежливо поприветствовала его и ушла. Тот отвесил ей почтительный поклон и долго смотрел вслед.

– Ты когда-нибудь, Генри, гладил перышки такой вот птахи? Какова, а-а? – мечтательно крикнул старик, – Какие деньжищи огребала бы у Красотки! А то сидит в лавке, как будто показать нечего.

Дедушка Мерриуэзер после войны стал очень шаловливым.

– Попридержи, язык, красавчик, – одернул его адвокат, – она ведь моя родственница.

Мистер Гамильтон не уступал приятелю в ершистости и находчивости. Новое время бодрило их, оба они словно скинули по десятку лет и молодели день ото дня, пользуясь успехом у дам, особенно мистер Генри. Его сражения в судах, достаточно успешные, не всегда приносили деньги, но придали ему уверенности и популярности, которых не было в молодости. Он всегда стеснялся своего малого роста, но теперь это как-то стало несущественным.

– Не вижу ничего плохого в том, чтобы восхищаться красотой женщины и желать её! Ты вот, послушай, что наши дуры про неё вчера шептали в своем кружке. Я банку-то к двери подставил и все услышал. Будто с Эшли они тогда специально сговорились, чтобы Батлер приревновал её и перестал ходить к Красотке, а на самом деле ничего и не было, – разочарованно протянул старый проказник.

– Откуда это известно?

– Будто мисс Уилкс рассказала миссис Элсинг по секрету, та, конечно, моей невестке по секрету, а уж Долли остальным, – развел руками папаша Мерриуэзер.

Дядя Генри не стал выспрашивать подробности, старик сильно спешил – у него появился повод навестить Красотку.

Вечером мистер Генри еще внимательнее был к невестке и даже испытал некоторую гордость, заметив восхищение в глазах гостя, никак не ожидавшего, что хозяйка так молода и красива.

Приезжий оказался высоким стройным джентльменом средних лет, с волевым лицом, резким подбородком. Темные волосы его на висках были тронуты сединой. Благородная внешность, манеры, военная выправка произвели на миссис Батлер очень приятное впечатление.

– Ваше предложение мне нравится, – ответила Скарлетт, выслушав мистера Телфорда, – но я должна подумать, соседство с отелем может оказаться беспокойным. Мы же не можем совсем съехать отсюда с детьми.

– Миссис Батлер, в наших силах установить определенные правила поведения и подбирать клиентов, согласных с ними, – убедительно пообещал полковник.

– Пожалуй, – согласилась она и уже более детально приступила к делу.

Надо было решить, какую часть дома она сдает, где разместится сама, потребуется ли что-то перестраивать, и какие средства для этого необходимы. Англичанин принимал живейшее участие в обсуждении, общение с хозяйкой явно доставляло ему удовольствие, а она все более проникалась к нему доверием и уверенностью, что с его поддержкой сможет преобразить не только свой дом.

Особняк имел несколько выходов. После долгих обсуждений она решила обустроить свое новое жилье в двух этажах левого крыла дома, торцом выходявшего в сад, принадлежащий хозяевам с другой стороны холма. Раньше здесь не жили, Ретт еще тогда удивлялся, зачем такое количество ненужных помещений. Зато теперь здесь легко можно было разместить и детей, и гостей, и слуг, которых у нее осталось немного. Отдельные комнаты предназначались детям, комната для игр, две ванны наверху, кабинет, большая спальня с выходом на галерею, через которую можно было спуститься в библиотеку, находящуюся на первом этаже. Кухню же, столовую и гостиную надо было пристроить. Мистер Телфорд хотел было договориться об аренде сада, прилегающего к дому, но владелец решил продать его совсем, запросив вполне приемлемую цену, и Скарлетт с удовольствием выкупила сад.

Порк предложил в качестве подрядчика жениха Присси. Молодой человек был одним из немногих негров, которым удалось использовать предоставленную свободу и должность своего отца в Бюро вольных людей, с тем, чтобы обучиться строительному делу. Он быстро наладил проект и нанял нужных людей. Дом вроде получался уютным, практически незаметным на фоне четырехэтажного отеля на Персиковой улице. Пристроенный к внутренней стороне особняка, он был скрыт еще и большим старым садом.

Оставалось неясным, что делать с ее бывшей спальней, комнатой Ретта и детской. Скарлетт не хотела, чтобы там жили чужие люди.

– А если там буду жить я? – спросил мистер Телфорд.

Скарлетт согласилась и на это.

Занятая предстоящей перестройкой дома, она совсем забыла про Уилксов, как вдруг в магазин зашла Индия. Она молча стояла с виноватым, слегка заискивающим видом, не зная с чего начать разговор, явно робея перед этой новой строгой Скарлетт.

– Как у вас дела, как Бо, все здоровы? – участливым голосом спросила та, хотя глаза ее оставались равнодушны.

– Все ничего, но... – замялась Индия, – зашли бы вы к нам как-нибудь с детьми. Бо скучает по матери, Эшли какой-то странный стал.

– Вот разберусь немного с делами и обязательно придем, – пообещала миссис Батлер, отметив про себя, как изменилось до неузнаваемости поведение бывшей соседки.

Индии действительно за этот месяц пришлось о многом задуматься и на многое взглянуть по-другому. Не успели похоронить Мелани, как случилась новая беда. Неизвестно откуда появившийся Арчи поджег контору на лесном складе, где когда-то застал Скарлетт в объятиях Эшли. Разбойника арестовали, он и не думал отпираться, только хитро улыбался и попросил,

чтобы к нему пропустили мисс Уилкс. Когда она появилась, он поманил ее грязной рукой и заговорщически зашептал:

– Мисс Индия, я отомстил ей, сжег гнездо разврата!

– Ты сумасшедший Арчи, ты не ей отомстил, оставил без куска хлеба сына женщины, которая тебя приютила. И единственный человек, на чью помощь мы можем рассчитывать – это миссис Батлер. Бо любит ее.

Лицо Арчи вытянулось, он закрыл единственный глаз рукой и стал качаться из стороны в сторону, сокрушаясь о чем-то. Индия разобрала лишь несколько слов:

– Масса Бо ни в чем не будет нуждаться.

Пожар удалось потушить, но сгорели пиленные доски, а дела на лесопилке и так шли неважно. Чтобы покрыть ущерб, Эшли с помощью дяди Генри продал свой домик, он все равно не мог там жить без Мелани, перебрался к тете Питтипэт и зачастил в салун. Едва добираясь до дому по вечерам, он забывался тяжелым сном, Бо гладил его по щекам, приговаривая:

– Не надо так, папочка.

Мисс Гамильтон боялась пьяных и просила дядюшку Питера сидеть в гостиной.

– Что же делать? – растерянно думала Индия.

Однажды Эшли пришел домой рано лишь чуть навеселе, подсел к сестре на диван и спросил:

– Помнишь, как мы вернулись из Европы, и я поехал с визитом в Тару?

– Что тут особенного, навестил соседей, – осторожно заметила Индия, не понимая, куда он клонит.

– А то, что дочка их за это время стала такой красивой, что я влюбился в нее без оглядки, – с мечтательной улыбкой рассказывал Эшли. – Не проходило недели, чтобы я не появился у них.

– Зачем же ты ездил к ним? Так не принято, ты же знал, что женишься на Мелани.

– Вот если бы я мог ответить «зачем»? Просто хотел видеть ее, ехать рядом на лошади, слышать ее смех, поцеловать иногда ее ручку.

– Разве ты не понимал, что даешь ей повод ждать предложения руки и сердца? – ахнула Индия. – Значит, Милочка не злословила, утверждая, что Скарлетт никто не нужен, кроме Эшли, и тому были все основания. Какие мужчины, все-таки, бесчувственные и безответственные. Даже мой брат не удосужился подумать о последствиях, что его непорядочность потом обернется против его же сестер.

– Конечно, я не домогался ее любви, но жизнь ей все-таки поломал своим предательством и малодушием. Ведь я даже ни разу не намекнул, что у меня есть невеста, – продолжал Эшли.

– Ничего, она в долгу не осталась и помешала моему счастью, – со злобой заявила Индия.

– Твоему счастью не она, война помешала.

– Ну и для чего ты мне все это рассказал?

– Для того чтобы ты попросила у нее прощения и не оговаривала ее впредь нигде. Я давно должен был поступить как мужчина и прекратить все эти сплетни.

– Какие сплетни? Я сама видела, как ты ее обнимал.

– Что из того? Я и тебя иногда обнимаю, ничего постыдного в тех объятиях не было, так, воспоминание об ушедшей довоенной юности, потерянных друзьях, утраченных иллюзиях. Скарлетт давно любит своего мужа, который, впрочем, тоже ее недостоин.

Эшли замолчал и вдруг взорвался.

– Даже если и было бы что, хорошая сестра, любящая своего брата, постаралась бы ничего не заметить! А ты разнесла сплетни по всей Атланта! После всего, что она для нас сделала, я опять предал её, отдав на поругание ее честь. Только Мелани не струсила, и теперь ты займешь возле неё место Мелани, или ты мне больше не сестра, – угрожающе произнес Эшли.

Индию прямо затрясло от такого предложения.

- Может, еще и женишься на ней? Вон Батлера что-то давно не видать.
- Очень рад, если он уехал совсем, и на коленях буду умолять ее стать моей женой.
- И станешь изгоем, как она!
- Плевать, зато с ней!

Индия задохнулась от злобы и возмущения.

- Да ты пьян, что ли, или с ума сошел?

Тут появилась тетушка Питтипэт:

- Что случилось, почему вы кричите?

– Мелани это одобрила бы, – заорал Эшли, выбежав из комнаты, и так хлопнул дверью, что тетя Питти по-настоящему упала в обморок.

- Разумеется!

Индия успокоилась не сразу после столь непривычно бурных объяснений с братом. Поначалу хотелось кричать ему вслед что-то обидное о том, что эта ведьма совсем свела его с ума. Но присутствие еще не совсем пришедшей в чувство престарелой тетки заставило высказать все это про себя. Постепенно мисс Уилкс стала остывать, мысли перестали хаотично выхватывать какие-то картинки и слова из памяти, к ней вернулась способность рассуждать.

– Мелани одобряла всё, что касалось Скарлетт. А почему? – впервые задумалась Индия. – За что она её так любила и предпочитала мне? Не смазливое же личико привлекало её, как Стюарта. Теперь и брат легко отказывается от меня, чтобы быть с ней. В чём её секрет? Чего я не вижу в ней такого, что видят они?

Размышляя, она машинально кивала на причитания тети Питти, даже не замечая, о чем идет речь.

– Эшли прав: будь на месте Скарлетт любая другая женщина, я бы постаралась замять скандал.

Теперь Индия сожалела, что так опрометчиво поступила тогда, поддавшись чувству ненависти к своей бывшей сопернице.

– Кто же мог знать, что это не адюльтер, – рассуждала Индия, – что их связывают куда более сильные чувства еще с юности? Может, Мелани догадывалась об этом и считала себя виноватой перед Скарлетт, что отняла у нее возлюбленного? И кто знает, что она сказала ей перед смертью? А если благословила их брак, и они поженятся? Вся Атланта признает мою правоту, но память бедной Мелани будет опорочена, и этого родственники не простят ни им, ни мне.

Индия поджала и без того тонкие губы, прикидывая возможные исходы.

– Будет ли лучше, если он женится на какой-нибудь добропорядочной южанке с кучей бедных родственников, которые тут же начнут обвинять его в том, что он не может обеспечить семью, а мне придется ладить со всеми?

Мисс Уилкс была неглупой женщиной – по всему выходило, что лучшего брака, чем со Скарлетт, и пожелать нельзя. Она молода, успешна, богата и очень щедра, но главное он любит её. Только, конечно, нужно выдержать время траура, хотя бы год...

Так или иначе, угроза Эшли подействовала. Индия решила попытаться наладить отношения сразу после возвращения Скарлетт из Тары – делить уже нечего, да и жить тяжело. Прошли те времена, когда она с гордостью возвращала брату его деньги, тем более, что теперь, если они у него и случались, то неизменно оставались в салуне. Эшли совсем забросил дела на лесопилке, жили на то, что давал дядя Генри. Адвокат считал своей обязанностью заботиться о престарелой сестре. Индия всякий раз испытывала неловкость, приходя в его контору за содержанием для тети Питти, и впервые сама задумалась о работе. Батлеры, конечно, не оставят их, но сколько можно жить на подачки.

VII

После разговора с сестрой Эшли пил неделю кряду, и она потеряла всякую надежду, что он когда-нибудь образумится, глядя в его пустые глаза, чужое серое лицо, то разгневанное, то самое несчастное на свете, лицо человека, дошедшего до крайности в своих внутренних переживаниях. Все дамы, как её сторонницы, так и противницы, старались поддержать мистера Уилкса, но он не принимал ничьих соболезнований. Он просто никого не видел, уйдя в свой мир, где он мог говорить с Мелани и любоваться Скарлетт. Им было так хорошо втроем! Протрезвев, он удивлялся, куда они постоянно исчезают, почему оставляют его одного?

То, что не удалось дамам – попечительницам, легко получилось у мисс Уотлинг. Однажды поздним вечером ее служанка Хлоя спустилась в бар купить бутылку вина капризному клиенту. Доставив вино, она тут же побежала к госпоже, глаза её были как плоски.

– Мэм, там этот, валяется, пьяный!

Сердце Красотки оборвалось, неужели вернулся Батлер. Она выглянула в окно и увидела, как янки столпились вокруг лежащего на земле джентльмена.

– Ба-а, старый знакомый, мистер Уилкс, – узнал его сослуживец капитана Джэффери, с которым они когда-то приходили арестовывать участников налета на Палаточный городок. – Сегодня и до места не добрался, ну да теперь его уже некому ругать, пусть валяется. А мы еще тогда не поверили Батлеру, что они сюда ходят, – посмеялся бывший сержант.

Бель накинула темный платок на свои приметные космы и, прихватив Хлою, спустилась в бар. Женщины без труда подняли сильно похудевшего Эшли, подхватили с двух сторон и провели черным ходом прямо в хозяйские покои, минуя гостиную, в которой было немало джентльменов. Сняв с него запачканный костюм, Красотка отослала служанку его почистить, а сама стала приводить в чувство мистера Уилкса. Очнувшись, он не узнал её, увидел доброе, широкое, ненакрашенное лицо, ласковую улыбку, и ему впервые после смерти жены стало тепло и уютно. Он уткнулся лицом в ее пухленькие и вместе с тем крепкие руки и заснул. Утром они вместе выпили кофе.

– Здесь будете пить, виски я приготовлю. Негоже мужу самой уважаемой мною женщины напиваться у всех на виду, на потеху поганым янки, – безапелляционно заявила она и дала ключ от тайного хода, которым он мог бы пройти к ней в любое время незамеченным.

Эшли охотно подчинился ей и уже следующим вечером они ужинали вдвоем. Мисс Уотлинг не строила относительно него никаких планов, оставляя ночевать у себя, только хотела смягчить его горе. Она могла позволить себе быть великодушной – её жизнь удалась, как нельзя лучше. Она хозяйка процветающего заведения, богатая и еще не старая, сын окончил школу и готовился к поступлению в университет. Она никогда не вспоминала его отца, поскольку много лет рядом с нею был лучший мужчина на свете, правда он никогда не говорил, что любит ее. Их связывали сначала только деловые отношения, он часто уезжал, но всегда возвращался, конечно же, к ней, без сомнения, самой близкой ему женщине. Бель считала себя больше его женой, чем та, с которой он был обвенчан. Она с тоской ждала его возвращения, по-прежнему, не принимала клиентов и прогоняла мысль о том, что сердце его принадлежит другой женщине, которую ненавидела всей душой.

Мистеру Уилксу понравилось пребывать в роскошно обставленной спальне, где все было чрезмерно и объемно, под стать хозяйке. Он приходил сюда снова и снова. Им было приятно коротать вечера вдвоем, вспоминая военные годы. Она рассказывала о своих встречах с Мелани, и это не причиняло ему боли, о своем сыне, о Батлере. Эшли узнал много интересного о нем: оказывается, нет человека более доброго, благородного, честного и отважного. Достаточно он узнал и о самом заведении. Оно было лучшим в Атланте и самым дорогим, потому что публика сюда являлась избранная.

Заметив, что мистер Уилкс часто поглядывает на ее кровать, она решила, что ему нужна женщина.

– Идемте, я отведу вас к Амели, она у нас самая молодая и красивая. Вам нечего опасаться, у нее всего несколько постоянных клиентов, у каждого свой день, да еще невинные юноши, которых приводят папаши.

– Не надо Амели, – ответил Эшли, – мне хорошо с вами. И уткнулся лицом в обширное декольте.

Она растерялась, не зная, что с ним делать, и погладила по затылку, словно ребенка, нуждающегося в утешении. Этому ему было достаточно, страх перед жизнью начал отступать от прикосновения её теплых рук, нежных и умелых. С тех пор они спали вместе, иногда утоляя обоюдное желание, а главное – тоску. Ему было все равно, что она выглядит дебелой матроной, он добился, чего хотел – занял место Батлера. Через него он как будто прикасался к той единственной в мире, которая была ему нужна. И вот уже он, Эшли, а не Батлер, распускает ее дивные волосы, расчесывает их щеткой, обнимает изящную фигурку и целует, целует, как тогда во фруктовом саду... Он настолько уходил в свои грезы, что не хотел просыпаться по утрам. Если бы он только знал – Батлер никогда не спал в этой постели.

– Вот навязался на мою голову, – шептала Бель, с трудом добудившись незадачливого любовника.

Она кормила его, отправляла на работу и усаживалась за свои расходные книги. По утрам она всегда разбирала бумаги, гоняла управляющего, выдавала продукты на кухню, просматривала гардероб свой и девочек, потом отправлялась по магазинам или гулять. К вечеру, если Эшли не приходил, что бывало редко, она начинала скучать без него, как без своей любимой собачки.

Брат все больше беспокоил Индию. Когда он в первый раз не пришел ночевать, ей удалось скрыть это от слуг и тети Питти, сама же она не сомкнула глаз. Первой мыслью было бежать искать его, но она побоялась, не того, что надо идти ночью одной, а того, что Бо может проснуться, и все обнаружится. Когда под утро скрипнула калитка, она поспешила открыть дверь, еще не узнав, что это Эшли. От него разлило виски, кофе и крепкими духами, какими пользуются известные женщины.

– Этого еще не хватало! – подумала Индия.

Он быстро умылся, надел свежую сорочку и уехал на лесопилку.

Больше он не напивался, был благодушно настроен, но уложив Бо спать, бесшумно покинул дом до рассвета. Когда же Индия спросила, что это значит, он ответил, пряча глаза:

– Всего лишь то, что твой брат – мужчина. Утром не жди, я сразу поеду на работу.

– С кем же он связался? – напряженно соображала сестра, – денег и так нет.

Беспокоилась она напрасно, Красотка не только не брала с него ничего, но и заплатила его долги салунщику.

Наконец, наступил вечер, когда Индия голосом, каким оглашают приговор, произнесла:

– Скарлетт приехала, и на днях зайдет к нам. Или она тебе уже не нужна?

Эшли заволновался, но ответил твердо и определенно:

– Пока не закончится траур, не нужна, – не хочу подвергать её еще большим нападкам твоих мегер.

– Будешь ждать пять лет?

– Почему пять, хотя бы этот год. А ты что согласна на наш брак? – удивился Эшли.

– Согласна, не могу же я потерять единственного брата! И сделаю все, чтобы восстановить репутацию Скарлет, даже ценой своего доброго имени. Только ты смотри не испачкай в грязи имя Уилксов, слухи расходятся быстро, – предупредила Индия с намеком.

Эшли покраснел, но ни в чем не признался. Он не собирался отказываться от обретенного убежища, по крайней мере, этот год, получая столь необходимую ему силу и уверенность.

– Не бойся, мужчин такие слухи, как шрамы, только украшают, – пошутил он и обнял сестру за плечи, напомнив этим злополучные объятия на лесном складе.

– Бог мой, ведь и Скарлетт он тогда обнимал так же: по-дружески, без страсти и поцелуев. Ладно, Арчи, дикий человек, но я-то как этого не поняла? Да и брат хорош, зачем было так поспешно отталкивать ее, словно его уличили в чем-то?

Она повторила эту фразу несколько раз вслух, заставляя себя по-другому взглянуть на происшедшее в конторе. Какая-то мысль подспудно начала беспокоить её, складываться, пока еще нечетко, в версию того, как надо представить скандальные события в пользу Скарлетт. Еще не обретя полной уверенности, она все-таки шепнула миссис Элсинг при первой же встрече, что была не права насчет своей бывшей соседки и брата, немало озадачив тем вдову.

Ответный визит миссис Батлер предоставил Индии необходимые подробности для окончательного завершения ее версии. Уже выходя из экипажа, Скарлетт почувствовала приятное волнение, здесь все напоминало о Ретте. Сколько раз его руки касались этой калитки, сколько раз он проходил по этой тропинке упругой поступью человека, привыкшего к шаткой корабельной палубе, поднимался по этим ступеням. Как быстро он тогда нашел подход к её папаше! Задержись мистер Джералд здесь на недельку, и они стали бы закадычными друзьями, вместе исполняя «Плач». Грустно улыбаясь, она на минуту присела в старенькое кресло-качалку.

– Если бы я согласилась тогда стать его любовницей, как бы это было? – задалась она вопросом. – Скорее всего, никак, он просто подначивал меня и тем развлекался, хотя может и имел такие намерения. А вот на дороге в Тару могло произойти все! Он не смеялся. Ах, если бы он тогда не ушел на эту проклятую войну...

Индия давно вышла её встречать, но поняв, что гостья вся во власти дорогих воспоминаний, не мешала ей.

– С этим домом так много связано, – как бы извиняясь, тихо произнесла Скарлетт, заметив её, наконец.

– Вряд ли это относится к Эшли, – подумала Индия, – да и Фрэнк не мог вызвать столь явную тоску, неужели она так любила Мелани? Возможно. С ней они провели здесь все военные годы, годы, которые не забываются.

Тетя Питтипэт радостно раскинула руки при виде бывшей невестки, но так и не решилась обнять – это была Скарлетт, а вроде и нет, в темном платье, без украшений, с аккуратно причесанными волосами, непривычно неподвижным неулыбчивым лицом. Мисс Гамильтон даже растерялась, не зная, как вести себя, но тут, услышав голоса, налетел Бо. Он так обрадовался красивой тете Скарлетт, что тут же пристроился к ней на колени, и ни за что не хотел уходить. На мгновение она улыбнулась, поцеловав белокурую головку ребенка, лицо её ожиилось, стало таким милым, что тетя Питти всхлипнула и принялась вспоминать, как весело они жили в начале войны, напрочь забыв, что они были в трауре по бедному Чарльзу.

Выпив молока с пирогом, мальчики ушли играть во двор, взяв с тети Скарлетт обещание, что она останется до ужина. Теперь уже ничто не отвлекало тетю Питти, и она практически не закрывала рта, не догадываясь, сколько необходимых подробностей предоставляет Индии. Та не пропускала не единого слова, особенно, когда речь зашла о мистере Батлере.

– Капитан Батлер всегда привозил нам что-нибудь вкусенькое, наверно нехорошо было трем одиноким женщинам, лишенным мужской опеки, принимать его подарки, но это было бы непочтительно, ведь он рисковал жизнью, прорывая блокаду.

– Конечно, – поддакивала мисс Уилкс.

– Согласись, все-таки, приятно, когда в доме появляется заботливый привлекательный мужчина. Он уже тогда ухаживал за Скарлетт, – доверительно сообщила она Индии. – А какую

чудную шляпку он ей привез из Парижа, она стояла целое состояние. Она сохранилась, я её случайно увезла со своими вещами в Мейкон, сейчас принесу.

– Не надо, тетя, теперь такие шляпки уже не носят, – покраснела Скарлетт.

– Индия пусть посмотрит, какая ты в ней была хорошенькая, – хлопотала тетушка, стараясь угодить.

Гостья бережно приняла шляпку и пошла почему-то в библиотеку, скрывая наворачнувшиеся на глаза слезы.

– Там он сделал ей предложение, – шепнула тетушка.

– Мне не следовало принимать предложение Ретга Батлера, – думала Скарлетт в тишине библиотеки, – и он любил бы меня всю жизнь.

– Эшли прав – она действительно любит мужа, – удивилась Индия, – и, кажется, без взаимности, вот откуда и тоска.

Такие переживания ей были знакомы, как никому. Приход брата еще более утвердил её в правильности своей догадки. Эшли, как обычно, был слегка навеселе и настолько обрадовался визиту Скарлетт, что, поцеловав ей руку, неприлично долго не отпускал её. Наблюдавшая за ними исподтишка Индия с удовлетворением отметила, что его прикосновение нисколько не взволновало подругу юности. Её лицо выражало лишь озабоченность, она продолжала спокойно рассказывать про Тару.

– Работать некому, поля зарастают лесом, Уилл выбивается из сил, чтобы свести концы с концами. Ездил в гости к Тарлтонам. Кстати, Индия, вы не хотите как-нибудь навестить их?

– Считаете, это удобно?

– Вы же были невестой Стюарта! Мисс Беатрисе будет приятно, что вы помните о них. Они еще тогда перевезли всех ребят к себе, поставили плиты на их могилах. Всех, кроме Бойда, его тело так и не было найдено. Тарлтоны так помогли нам в войну, и Фонтейны то же, еще была жива их бабушка. Мы бы не выжили без их помощи. Мне очень хочется сделать для них что-нибудь – хорошо бы подарить породистого коня. Эшли, вы не сможете мне посодействовать в этом деле?

– С удовольствием, Скарлетт, – с готовностью согласился Эшли. – В феврале съезжу на ярмарку в Виргинию.

Индия смотрела на Скарлетт и удивлялась, куда исчезла зеленоглазая кокетка, которая уводила всех ребят. Красавица с бесконечно усталыми неулыбчивыми глазами думала только о делах: в какую школу отдать мальчиков, где найти хорошую гувернантку девочкам, которые пока остались в Таре, но на Рождество приедут сюда, что слышно о финансовой панике. Когда Скарлетт ушла, Индия сказала об этом брату.

– У неё дети, и она думает о том, как их вырастить, да ещё нам помочь, да сестрам, да теткам. Мы же все чистенькие, благороденькие, постоянно забываем, на чьи деньги живем. Не удивительно, что Скарлетт стала жесткой, привыкла командовать. А как иначе? Кто-то должен был взять все на себя. Молоденькая женщина оказалась сильнее всех. Только Мелани понимала это, и потому, бесконечно ценила и уважала ее.

Индия вынуждена была согласиться с Эшли.

VIII

Каждый день Ретт выходил на пустынный берег, слушал рев волн, белые гребни которых достигали горизонта, вдыхал крепнущий морской ветер. Всю свою сознательную жизнь он провел на воде – сначала на реке Эшли, убегая от произвола отца, потом были великие реки, заливы, моря, океаны.

Шторм его не пугал, напротив – возрождал к жизни. Он снова чувствовал себя сильным и свободным, снова испытывал азарт борьбы. Воспоминания – радостные и печальные, совсем забытые и недавние – накатывали, словно волны, теснились в голове, отстаивали свое право владения им, меняя его настроение.

Место, где он родился, где прошло его детство, окруженное материнской любовью, искренней привязанностью доброй няни и слуг, которые не отказались от него и в годы изгнания, не могло не вызывать приятного чувства, если бы не сложные отношения с отцом. Но теперь как-то все сгладилось, уже не причиняло острой боли. Может потому, что юношеский максимализм остался позади, а может перед лицом самого горького из испытаний – потери дочери – все меркло, казалось ничтожным.

Отца уже нет, и он стал лучше понимать его, несмотря на мировоззренческую пропасть, разделявшую их. Возможно, по-своему, мистер Фицджеральд Батлер заботился о сыне, требуя беспрекословного послушания. Даже определил ему в любовницы знатную даму, а не рабыню с плантации.

Леди Чайзвик, надо отдать ей должное, научила его многому: чистоплотности, тонким изощренным ласкам, галантным манерам, которые нравятся женщинам, умению ухаживать за ними и развлекать их, развила хороший вкус к одежде, еде, искусству, шикарному образу жизни, наконец. Он благодарен ей за это, но с другой стороны, именно ей он обязан тем, что утратил уважение к женщинам, подсознательно ожидая от них измены и предательства, приобрел эту маску ироничности, непроницаемости, умение кольнуть в больное место. Неизвестно, к чему все это могло его привести, если бы он не прожил двенадцать лет в общении с Мелани Уилкс. Пожалуй, в Атланте только ее он мог считать своим другом.

Будучи выброшенным из своего общества, Батлер приобрел множество оборотистых приятелей: в Лондоне, Париже, Риме, Ливерпуле и еще в десятке разных городов Европы, США, Канады и даже на Аляске. Были и преданные друзья, которыми он очень дорожил. Правда, жизнь раскидала их в последние годы по разным странам.

Из троих школьных друзей, к которым он испытывал совершенно особое чувство, осталось двое. Харрисон погиб в войну от пули, прикрыв собою Дэниела. Полонски не смог жить ни в этом городе, ни в стране, которая уничтожила лучших своих сыновей, и перебрался в Европу, забрав с собой нелюбимую жену. Дружбу со Стивенсом, возникшую в отроческом возрасте, не смогли разрушить впоследствии ни война, ни сплетни, ни дурная репутация одного, ни образцовая репутация другого.

Особые отношения связывали Ретта и с отцом Майкла. Мистеру Стивенсу с первой встречи нравился красивый, не по годам развитой, сдержанный юноша с дерзким взглядом, который быстро схватывал суть дела. Добрый, отважный, готовый всегда постоять не только за друга, за любого, несправедливо обиженного. Даже то, что он не ладил со своим отцом, положительно характеризовало Ретта в глазах старшего Стивенса, ибо мистер Фицджеральд не вызывал у него симпатии.

– Индюк напыщенный, упрямый, черствый и деспотичный! Ведь можно было тихо без скандала уволиться из Вест-Пойнта. Да и зачем было вообще посылать в военную школу наследника огромного состояния? – обсуждал именитого джентльмена мистер Джозеф со

своей женой. – Мальчики могли бы жить у нас еще в школьные годы, обучаться на дому, но мне казалось, что пансион ближе к жизни. Потом вместе с Майклом поехали бы в университет...

Батлер с благодарностью вспоминал своего благодетеля. Он всегда знал, что может найти приют в доме Стивенсов. Мистер Джозеф был единственным, кто не испугался поселить у себя изгнанника после его возвращения из Вест-Пойнта. И после десяти лет скитаний Ретт тоже прибыл прямо к ним. Старик всегда принимал его как родного сына.

Батлер очень высоко ценил помощь судовладельца, с детства они с Майклом бегали к нему на пристань и в контору. Но еще важнее для него было отеческое отношение мистера Стивенса. Он не ругал его за непристойное поведение, не навязывал советов, не расспрашивал о его скитаниях, не корил за ту трагическую дуэль, в которой участвовал и Майкл в качестве секунданта. Теперь Ретт понимал, что во многом сам был виноват: не очень-то старался завоевать расположение людей, любил подшучивать над всеми, поддразнивать. Кому это понравится?

Мистер Джозеф обеспечил материальное благополучие и репутацию в профессиональных кругах не только своему семейству, но и поспособствовал восхождению Батлера – младшего, несмотря на его дурную славу и меткий блестящий юмор, который нередко сильно задевал мелких честолюбивых людей. Конкретных фактов непорядочности Ретта Батлера привести никто не мог, напротив, джентльмены считали его предельно честным в делах и удачливым. Именно благодаря этим свойствам своего характера он и оказался впоследствии в числе тех немногих, которым была доверена казна Конфедерации. К тому же по запросу сенатора Хемптона суперинтендант Военной Академии Генри Брювертон подтвердил глубокие знания по военному и инженерному делу бывшего курсанта Батлера, и тот совсем неслучайно проехался по промышленным городам Севера накануне войны, после злосчастной дуэли. Собранные им сведения не повлияли на течение событий, но умным людям позволили хотя бы задуматься.

Бывая в Чарльстоне, Ретт часто навещал постаревшего отца Майкла. Только в этот раз все откладывал визит, боялся, что по его виду тот догадается, до какого непотребного состояния он опять дошел. Но влюбленные взгляды Элис показывали, что ему удалось вернуть человеческий облик, и Батлер отправился к Стивенсам.

– Надолго к нам? – спросил старик, крепко пожимая руку названному сыну.

– Нет, уже уехал бы, да поджидал Майкла.

– Так должен вернуться со дня на день твой закадычный дружок. Когда вижу тебя, частенько вспоминаю, как он прибежал из школы разгоряченный и описывал нам очередное сражение, а в конце добавлял: «Учись я в другой школе, сколько раз был бы бит! Батлер всегда на моей стороне.»

– Майкл не любил драться, да и не умел. Тем не менее, всегда оказывался рядом в любой потасовке, если в ней был замешан кто-нибудь из нашей четверки. Не было человека, вернее и надежнее его, – с теплом в голосе поддержал Ретт. – Мы платили ему тем же...

Знаете, тогда я не задумывался о будущем, и уж тем более о последствиях своего поведения. Даже когда понял, что не склонен к военной карьере, и решил бросить Вест-Пойнт во что бы то ни стало, мне казалось, что я понимаю серьезность этого шага. Но я и представить себе не мог, что все обернется так. А Вы смелый человек, мистер Джозеф, – заметил бывший кадет.

– Скорее дальновидный, – хитро засмеялся тот.

– Что уж такого многообещающего вы сумели заметить в нищем мальчишке, содержащем себя игрой в карты?

– Далеко не каждый в том возрасте, в котором ты был, может содержать себя хоть чем-нибудь, да ещё так, по-королевски. К тому же не карты владели тобой, а ты ими. Такая завидная сила характера в столь юном возрасте удивляла и даже внушала некоторого рода почтение. Ты уж прости меня, Ретт, но опекая тебя, я думал о своем сыне, ему трудно было бы найти лучшего товарища, чем ты. Я всегда знал, что из тебя выйдет толк, и рад, что не ошибся. Состояния

наживаются и исчезают, а умение работать остается с нами. Когда ты вернулся после своих долгих скитаний, к сожалению, не я один разглядел твои способности. Все папаши девиц на выданье засуетились. Будь у меня дочь, я, как и Хардман, приложил бы все усилия, чтобы выдать её за тебя.

– За человека, которого не принимали в обществе? – ухмыльнулся Ретт.

– Принимать, не принимать – это условности для ханжей. Сами – то они в каком поколении стали добропорядочными прихожанами? Копни любого, где есть состояние, обнаружатся опиум, работорговля, спекуляция, надувательство, захват чужого имущества... Весь Уолл-стрит стоит на этом. Так что профессиональный игрок, да ещё честный, – не самый большой грех на земле. Конечно, ваши с Джеком громкие загулы были лишними, но даже девушки знают, что всем мужчинам надо перебеситься. Ну а у меня, как отца, к тебе никаких претензий нет – ты ничего не предпринимал, чтобы втянуть Майкла в свои приключения. Это он сам уже в университете не избежал обычных соблазнов – карты, вино, девочки. Потому я и решил поскорее его женить.

– Спасибо вам, мистер Джозеф, за добрые слова! Только далеко не все ко мне относились так, как вы, хоть, возможно, и оценили мои достоинства, – ухмыльнулся Ретт.

– Видишь ли, одни не решались открыто противостоять мистеру Батлеру, другие поддерживали его в назидание своим непослушным детям, кто-то вообще не воспринимал это всерьез: подумаешь, мистер Фицджеральд решил повоспитывать своего мальчишку, почудит и успокоится. Ну а позубоскалить-то все рады. Главное, что влиятельные люди прислушивались к моему мнению.

Разговор шел то о недавних, то о давно минувших событиях. Мистер Джозеф впервые проявил неделикатность, вспомнив отца Ретта и пресловутую дуэль. Он впервые позволил себе обсуждать эту щекотливую тему с ее виновником.

– Никогда не понимал мистера Фицджеральда: вместо того, чтобы радоваться всему, чем одарила его судьба, мучил жену, выгнал сына, сделал дочь несчастной, не тем будь помянут, сдружился с этим проходимцем Хардманом. Ты ведь наверняка никого не расспрашивал о них?

– Посчитал, что они того не стоят, – Ретт был удивлен неожиданным ходом беседы, но это его нисколько не задело. Слишком давно он знал Джозефа и понимал, что тот спрашивает отнюдь не из праздного любопытства.

– Их, конечно, надо было проучить, только без риска для жизни. Хардман-младший ведь был лучшим стрелком в Низинах, вызывал всех подряд, надоел всем, да и вся семейка тоже. Каждый старался избежать нелепого поединка, и молодчик уверился, будто его все боятся. На самом деле это был человек с большими претензиями и ничтожной волей.

Его сестра Ева, как и все барышни, души не чаяла в поляке. Очаровательный молодой человек без гроша в кармане, что может быть привлекательнее для богатых невест? Отец не препятствовал их отношениям, поскольку маячила перспектива женить сына на Розмари.

Но когда появился ты, у предприимчивого папаши Хардмана моментально планы поменялись. Ловкому адвокату ничего не стоило отсудить в твою пользу, по крайней мере, часть состояния, не принадлежащего твоему отцу.

– Что-то я не понял, о каком состоянии вы говорите? Отец лишил меня наследства. Я ушел из дома, не имея цента в кармане. Чем только не занимался. Вы же знаете, как никто другой, поначалу содержал себя игрой в карты, работал на плантации, как каторжник, пытался стать торговцем, добывал золото, плавал на судах, и так десять лет. Однажды меня даже украли для службы в английском королевском флоте.

– Добровольцев, по-прежнему, не набрать, как и сто лет назад?

– Сейчас не знаю, а когда я плавал, практика насильственной вербовки сохранялась, ибо условия существования военных моряков оставались такими же невыносимыми. Французы недаром называли пленных английских моряков тиграми, не за их свирепый нрав, а за испо-

лосованные, в кровавых рубцах и шрамах спины. Вот и рыскали специально нанятые шайки по ночным улицам и притонам, похищая подвыпивших матросов, а заодно и вообще любого зазевавшегося, доставляя их на борт чужого корабля. Порой несчастные годами не могли вернуться в родные края. Но мне ничего не стоило проплыть милю – другую до своего корабля, стоящего на рейде.

– Ты фантастически силен, Ретт.

– Будешь силен, – это была упорная борьба за выживание.

– В то время как ты являлся законным наследником огромного состояния, кстати, приобретенного не твоим отцом, а твоими дедами с той и другой стороны. Отец мисс Элеоноры мистер Кершо был не менее богат, чем Джон Батлер.

– Теперь это уже не важно, мне удалось и самому кое-что приобрести, правда с вашей помощью, – улыбнулся Ретт.

– Ладно, слушай дальше, – старику явно хотелось выдать все, что лежало тяжелым грузом на душе много лет. – Несговорчивую невесту оставили в покое, подстроили прогулку на сломанном кабриолете, чтобы заставить тебя жениться на скомпрометированной якобы тобою девице. Мистер Джаспер не рассчитывал, что ты снова пожертвуешь своей репутацией, откажешься жениться и примешь вызов дуэлянта. Оказалось, что стреляешь ты лучше...

– Я не желал ему такого конца, но он был слишком нагл, поносил весь наш род до седьмого колена, оскорбил мою сестру, нельзя было не принять вызов.

– Старик Хардман после этих событий сник, почувствовал, что хоть тебя и наказали изгнанием, но в душе мало кто считал твое поведение недостойным. Больше осуждали его дочь, и когда Полонски попросил её руки, он с радостью согласился.

– Почему Дэниел женился на ней, из-за денег?

– Отчасти да, но была и еще одна причина. Мало кто понял бы ее, услышав слова Дэна, сказанные Майклу: «За мной должок перед Батлером. Пусть эта женитьба станет компенсацией, чтобы уж ни у кого не возникло желания корить его за поруганную честь девушки. Да она и не виновата ни в чем, лишь следовала указаниям отца». Если честно, я и сам не все понимаю.

По лицу Ретта невозможно было догадаться, что он чувствовал, проливали ли свет неожиданно всплывшие объяснения Полонски на дела давно минувших дней.

– Неужели он нашел свое счастье с Евой Хардман? Или я предвзято к ней отношусь?

– Миссис Стивенс всегда жалела Еву. Она действительно не то, что её отец или брат: бесхитрозна, проста, довольно миловидна, и очень преданна своему мужу. Дэниел пил, изменял ей, она сносила все безропотно. Во время войны он хорошо проявил себя, но после вернулся к прежним привычкам вместо того, чтобы заняться хозяйством, родить детей. Все были разочарованы, кроме его тестя, тот наверняка имел запасы в Европе. Я не удивился, когда они уехали.

Мистер Джозеф помедлил и продолжил.

– Давно хотел тебе сказать, да не решался. Ретт, ты должен крепко запомнить: Хардман, пока жив, не откажется от мести, на каком бы континенте он не проживал.

Батлер наклонил голову в знак согласия, но не придал значения словам мистера Стивенса. Сейчас вся эта история с дуэлью была так далеко и так несущественна, что воспринималась обычными переживаниями старшего поколения за младшее. Пройдет немало лет, прежде чем Батлеру вспомнятся слова пронизательного мистера Джозефа.

– Слышал о твоём горе, – неожиданно продолжил разговор мистер Джозеф.

Батлер снова удивился – мистеру Стивенсу было совсем не свойственно касаться болезненных для собеседника тем.

– Главное – не отчаивайся и не замыкайся в себе. Иногда жизнь кажется невыносимой, но именно тогда она и заманивает нас новыми возможностями, от которых мы уже не можем отказаться. – Казалось, говоривший старался поскорее произнести свою речь, опасаясь, что собеседник перебьет его или остановит. И тогда уже не хватит решимости продолжить ее вновь. –

Когда погибла наша невестка с внучкой, мы с миссис Стивенс думали не переживем этого. Пережили. И даже начали надеяться, что наши семейства, наконец, породнятся. Ну, да не буду загадывать, Майкл сам все расскажет.

К концу фразы речь стала спокойной и размеренной. Ретт молчал. Да и что было говорить? Было понятно, что старый друг хотел своим сопереживанием облегчить боль названного сына.

IX

Дядюшка встретил Индию в очередной визит грозно, как никогда, учинив настоящий допрос.

– Наконец, опомнилась и придумала, как защитить честь брата? – бросился в атаку мистер Гамильтон.

– Ничего я не придумала, – не смутилась мисс Уилкс, – просто узнала то, о чем раньше не догадывалась.

– От кого узнала, от Эшли? Так он теперь много чего может наговорить.

– Разбирала старые письма и нашла кое-какие записи Мелани, в том числе и о Батлерах, сопоставила факты и поняла, что ошибалась. Не думайте, что мне легко в этом признаваться. Теперь ведь все будет считать меня лгуньей.

– Ну, это мы как-нибудь переживем, – заверил адвокат. – Так о чем же ты не догадывалась?

– О чувствах, которые связывали всех четверых. О том, что Мелани любила Скарлетт всей душой и пошла бы ради неё на все. Надеюсь, вам известно.

– Хочешь сказать, не пожалела бы для нее своего мужа?

– Не пристало, конечно, старой деве обсуждать такие подробности с мужчиной, но придется. Кого же, дядя, было соблазнять, чтобы Батлер поверил? Ну, не вас же с доктором Мидом, хотя такого бравого джентльмена, как вы, ещё поискать, – на всякий случай польстила Индия. – Мелани ничем не рисковала, она всегда знала, что для Скарлетт существует только один мужчина на свете – капитан Батлер. А я этого не знала.

– Боюсь, что такого никто не предполагал, хотя, помнится, слухов было много. Неслучайно, наверное, моя полоумная сестрица принимала его у себя в войну, – задумался мистер Генри, уточнив все же. – Если все так, Индия, почему они не женились еще тогда?

– Меня в Атланте не было, но не трудно предположить: сначала траур по Чарльзу, потом её родители были против из-за его репутации. Но он оставался с ними до конца, мы-то все бросили Мелани на произвол судьбы, а когда вывез обеих из Атланты, сразу ушел в армию.

– А потом зачем ей было выходить за Кеннеди? Хотя, – махнул рукой мистер Гамильтон, – будучи женой Фрэнка, она открыто ездила с Батлером по всему городу и за городом.

– Может он такой же, как вы, не очень хотел жениться. И еще мне кажется, между ними все время стояла Красотка. Когда же он и в браке стал к ней похаживать, Скарлетт предприняла все, что было в её силах, но, кажется, безуспешно.

– Почему ты так думаешь?

– Вы видели её глаза? Так вот, она приходила к нам, Эшли был рядом, а её глаза блестели не от радости, от слез при упоминании имени мужа.

– Да, – крикнул дядюшка, – Батлер – мужчина видный, уж точно не одна Скарлетт горюет о нем.

– Дядя, я должна вас предупредить – то, о чем сейчас будут говорить с моих слов, тоже не совсем правда – никто никого не соблазнял и ни о чем не договаривался. Все было еще невиннее! Настолько, что даже никто не поверит. Мелани отправила подругу задержать Эшли, чтобы успеть приготовить ему сюрприз. Как обычно задерживают? Беседой, не книги же бухгалтерские ей было проверять. Они вспоминали ушедшую юность, погибших друзей детства, Скарлетт расстроилась и заплакала, а плачет она очень редко. Эшли растерялся и обнял её, чтобы успокоить. Она действительно была в слезах, когда мы появились, но я не придавала этому значения, потому что ненависть и зависть к ней всегда слепили глаза и не только мне.

Дядя молчал, и мисс Уилкс привела последний отчаянный аргумент.

– Сами посудите, будь они любовники, стали бы встречаться в конторе, где всегда полно народу? Уж нашли бы укромное место.

– Резонно говоришь, – заметил адвокат, – что же тебя сподвигло признать свою вину? Ведь не сочувствие же к миссис Батлер?

– Не знаю. Хочется быть справедливой, мы жили рядом, наши семьи дружили, не так уж много нас уцелело, чтобы враждовать друг с другом. Она сумела сохранить свое родовое гнездо, связи с оставшимися земляками, а мы все потеряли. К тому же скоро и обо мне будут говорить совсем нелестно. Могу я рассчитывать на вашу помощь?

– Ну, уж меня в бабские сплетни не впутывай! – забеспокоился дядюшка.

– Не бойтесь, я всего лишь собираюсь работать, только не знаю с чего начать.

– Совсем свихнулась, как я посмотрю.

– Замуж мне не выйти, – твердо продолжала Индия, – Эшли совсем ничего не зарабатывает, сидеть на вашей шее совесть не позволяет. Пока Скарлетт управляла лесопилками, доход был приличный.

– Скарлетт – ловкая штучка, хотя и ты не промах! Сколько всего напридумывала и так ловко выстроила, что придаться не к чему! Факты те же, а мотивы другие, и все представляется совсем в ином свете. Я тебе так скажу, Индия, придумки то или нет, не мне их опровергать. Напротив, буду поддерживать. Надо использовать все, чтобы прекратить противостояние в клане.

– Так что лучше сказать матронам, правду?

– Ты ведь уже запустила версию с Красоткой. Её и держись, она многим придется по душе.

– Только женщины могут додуматься до такого, – вздохнул с облегчением старый холостяк, когда мисс Уилкс ушла, – хорошо, что я никогда не позволял им помыкать собою!

Для Индии этот визит был не из приятных, но суший пустяк по сравнению с тем, что ожидало впереди – встреча со своими сторонницами, которые жаждали объяснений.

Сначала миссис Мид потрясла всех тем, что выудила у мужа о последних часах жизни Мелани. Доктор не удержался и рассказал жене, как мисс Уилкс все время порывалась признаться Мелани, что была неправа.

– А Скарлетт? – изумилась миссис Мид.

– Её я сразу припугнул так, что она и рта не раскрыла, только кивала что-то с невинным видом и соглашалась с золовкой. Мелани с нею прощалась дольше всех. Последнее уже при мне она что-то сказала о Батлере, его любви, я не понял к кому. Мелли всегда питала к нему непонятную слабость.

– Жаль, конечно, что вы не позволили высказаться Скарлетт.

– Боже праведный! – разозлился доктор. – Вы в своем уме?! Я был у постели умирающей, а не на собрании вашего кружка! Как невыносимо это беспредельное женское любопытство, которое не покидает их при любых обстоятельствах!

Далее события развивались ещё стремительнее. Репутация мисс Уилкс трещала по швам. Одни видели, как она заходила в лавку Кеннеди, другие – что миссис Батлер посещала дом Гамильтонов. Клан замер в растерянности, но Индия не спешила оправдываться. Когда же Хью Элсинг сообщил матери, что она ездит с братом на лесопилку и сует свой нос во все дела, матроны не выдержали и сами нагрянули к ней. Перепуганная тетя Питти даже не успела упасть в обморок, как на нее обрушился праведный гнев.

– Откуда что мне знать, если вы не расскажите? – лепетала бедная тетушка.

К счастью Индия рано вернулась домой, были дела в городе. Она молча выслушала все претензии, поджав тонкие губы. Женщины поняли, что сдаваться двурушница не собирается.

Непреклонная в суждениях, она была непреклонна во всем и спокойно начала отметить их обвинения одно за другим.

– Вас удивляет, что я начала работать? Предпочитаете, чтобы мы питались подаванием, или чтобы нас кормили Батлеры? Мелани наверняка просила Скарлетт заботиться о её сыне.

Дамы притихли, удивляясь ее напористости.

...Эту черту характера новой управляющей уже отметили подрядчики. Если кто-нибудь из них просил скидку, ссылаясь, что у других доски лучше, она, не колеблясь, говорила:

– Покупайте там, ваше право.

Эшли обычно начинал волноваться, сбрасывая цену, боясь упустить покупателя. Индия твердо стояла на своем, ибо успела за две недели не только осмотреть содержимое своих складов, но и узнать о качестве материалов и их стоимости у других заготовителей. У них и так цены были ниже при том же качестве товара, и подрядчик соглашался, зная об этом. К тому же это была старая клиентура, привлеченная еще миссис Батлер...

– Можно ведь найти более женскую работу, – заметила миссис Элсинг.

– Наши матери управляли плантациями и не делили работу на мужскую и женскую, – сухо возразила Индия.

– Но вам придется торговать с янки!

– Разумеется, мы живем с ними в одном штате, в одном городе, пирожки им продаем, а доски нельзя?

У миссис Мерриуэзер затряслись губы от обиды, и она ринулась в бой.

– Бог с ней с работой, вы лучше объясните, мисс Уилкс, почему предали нас? Вы же первая заварили эту чудовищную кашу, а теперь перешли на сторону мисс Скарлетт, поставив нас в двусмысленное положение.

– Нельзя сказать, что я перешла на её сторону и тем перечеркнула нашу с вами многолетнюю дружбу. Я пытаюсь быть справедливой по отношению к ней и от вас жду того же.

– С чего такая внезапная любовь к справедливости? – съехидничала миссис Элсинг.

– Такая же внезапная, как смерть моей невестки, – Индия заставила покраснеть вдову, зная, что она относилась к Мелани, как к дочери. – Считаю своим долгом перед её памятью не порочить тех, кого она любила. Значит, они того заслуживали. Я нашла множество фактов, подтверждающих это, и сейчас изложу их вам. Но прежде хочу повиниться перед всеми за то, что невольно ввела в заблуждение. Я ошибалась, потому что многого тогда не знала. Если вы теперь забудете дорогу ко мне, я не обижусь, вы вправе презирать меня.

Такое смирение возымело свое действие, взгляды смягчились, женщины приготовились слушать.

– Не секрет, что Мелани любила чету Батлеров, вопреки всеобщему мнению, – начала Индия. – Мистер Батлер уже доказал свою порядочность и завоевал ваше расположение, а теперь и мое, после того, как я прочла старые письма брата и узнала, что многие джентльмены были согласны с позицией чарльстонца в войне, но не решались открыто поддерживать его и погибли. Мистер Батлер как раз был против бессмысленных жертв, тем не менее, когда на Юге каждый мужчина оказался на счету, он, не колеблясь, ушел с отступающей армией, хотя мог бы остаться в стороне от кровавых событий.

Женщины зашумели, вспоминая добрые дела, совершенные Батлером, посочувствовали его горю и сошлись в одном – будь у него другая жена, он стал бы одним из самых уважаемых джентльменов в Атланте. Разговор плавно перешел на Скарлетт: легкомысленную, беспутную, способную сделать гадость любой из них.

– Попробуем для начала вспомнить, кому что плохого она сделала, – предложила Индия, и дамы почувствовали какой-то подвох в ее словах.

– Она так грубо отклонила мой совет не выходить замуж за этого подлипалу, – шляпка миссис Мерриуэзер задрожала от гнева.

– Теперь мы видим, что она поступила не так уж глупо, – усмехнулась Индия.

Всем стало неловко, ведь они только что признали этого подлипалу умным, благородным джентльменом, замечательным отцом. Даже церковный кружок, которому он не раз приносил щедрые пожертвования, вряд ли теперь стал бы отговаривать кого-то от брака с ним.

– Она ездила одна по городу, общалась с янки, принимала у себя республиканцев, – перечисляли матроны грехи Скарлетт.

– Этим она делала хуже только себе, но никому из нас. Если бы мы не бросили её и, как Мелани, посещали её дом, вряд ли пришлые надолго бы там задержались. Все её проступки, что вы перечислили – правда, но теперь я знаю, что многие из них просто необходимы для работы.

– При муже могла бы и не работать, – бросила миссис Элсинг.

– Могла бы. Если бы думала только о себе. Ни один муж не согласится содержать столько людей, скольким она помогает.

Тут встrepенулась тетя Питти.

– Я ей обязана жизнью, – вдруг прошептала она и, помолчав, с удивлением добавила, – мы все обязаны ей жизнью – Мелани, Бо, Эшли.

– Все верно, – подумала каждая про себя, но почему-то было трудно признать это вслух. Индия почувствовала, что нужные решающие слова должна найти она.

– Скарлетт – единственная, кто оказалась с Мелани рядом в тяжелое время. У всех были обстоятельства. У нее тоже, но она осталась, взяла на себя груз, непосильный даже для джентльменов, и несет его до сих пор. Кому как не нам с вами, миссис Элсинг, знать, что храбрые на поле боя мужчины, совершенно теряются в житейских делах.

– Но из-за её легкомыслия погиб Фрэнк Кеннеди, – горячо напомнила миссис Уайтинг.

– Это случайность, что он погиб именно в той схватке. Джентльмены создали ку-клукс-клан не для того, чтобы отсиживаться возле своих жен. При каждом столкновении множество жертв бывает с обеих сторон, и так по всему Югу.

– Я смотрю, мисс Уилкс, у вас на всё есть ответы, – возмутилась миссис Мерриуэзер, – но не станете же вы отрицать то, чему сами были свидетелем. Одно это уже перечеркивает все, что бы хорошего миссис Батлер ни сделала в своей жизни.

– Как раз об этом я больше всего и думала. Итак, начнем сначала. Что я видела? Эшли обнимал Скарлетт за плечи, но как? Я не обратила внимания на то, что объятия были дружеские, так Эшли обычно утешал нас с Милочкой.

– Разве они не прелюбодействовали? – повела сухим плечом миссис Мид.

– Ах, что вы! Как можно такое предположить! Они даже не целовались! Для Арчи и этого было много, ему не понять, как можно дружить с женщиной. Я же, не придав значения её слезам и огорченному лицу брата, обрадовалась возможности пригвоздить ненавистную соперницу к позорному столбу, доказать Мелани, что её коварно обманывает лучшая подруга, в которой она души не чаёт. Я не ожидала, какими печальными окажутся последствия, сколько мук я причиню самым дорогим для меня людям. Мне хотелось, чтобы они любили меня, а не её. Но Мелани предпочла её, даже покидая этот свет, и теперь, чтобы снять грех с души, я могу покаяться только перед вами.

Женщины расчувствовались, начали прикладывать платочки к глазам.

– Мистер Уилкс объяснил, почему она плакала?

– Я не спрашивала, он и так не в себе, сама разбиралась. Первое, о чем я задумалась – что все выглядело так, будто специально подстроено. Ведь все знали, что по просьбе Мелани Скарлетт едет задержать Эшли, и она точно знала, что мы заедем за ними. Зачем было бы им рисковать, если их связывали какие-то отношения? Значит, они хотели, чтобы их так застали!

– Мисс Индия, уж не хотите ли вы сказать, что они с Мелани задумали эту сцену для Батлера?

– Именно к этому выводу я и пришла, когда постаралась вспомнить все, что рассказывала Мелани об их жизни, трудностях, выпавших на их долю, отношениях между ними, и, простите, прочитала их старые письма. Скарлетт и Мелани столько пережили вместе, что безгранично доверяли друг другу. Обе безумно любили своих мужей, и каждая очень уважала мужа своей подруги.

– Мисс Уилкс, очень трудно поверить, что Скарлетт может кого-то любить! Холодная, безжалостная, расчетливая, – высказывалась то одна, то другая дама.

Индия без устали парировала их каверзные возражения.

– Мелани находила её другой – смелой, ловкой, жизнерадостной, а главное – преданной и ответственной.

– Прямо ангел с крылышками! Была в трауре и не пропускала ни одного бала, флиртовала со всеми подряд!

– Легко хранить свои добродетели, когда на них никто не покушается. А каково в 17 лет остаться вдовой, когда тебя обожают мужчины, когда признания сыплются на тебя дождем? У кого не закружится голова? Но она устояла и пять лет не выходила замуж.

– Вы сами говорили, что у них с Батлером было что-то.

Тетя Питти заерзала, опасаясь, как бы не обвинили её дом в недостаточной благопристойности.

– Это всего лишь предположения, причем безосновательные. Будь она его любовницей, он не допустил бы того, что ей пришлось испытать. Она, как все, работала в госпитале, пережила все тяготы войны, прошла очень нелегкий путь. В отличие от нас у неё на руках осталось хозяйство, больные сестры, Мелани с ребенком. И ведь преуспела. Боюсь, что этого мы и не можем ей простить. Пора взглянуть правде в глаза: не её красоте мы завидуем, а её независимости от нашего мнения, строптивости, желания жить так, как хочется ей самой.

– Мисс Индия, давайте вернемся к тому дню, – остановила миссис Боннел начавшийся, было, спор. – У вас были и другие предположения?

– Да собственно все то же самое. Только, зная характер моего брата, я впоследствии поняла, что все произошло спонтанно, его не склонить к подобным представлениям, скорее бы он вызвал Батлера на дуэль. В тот день, я думаю, Скарлетт просто пожаловалась Эшли, что муж ей изменяет. Вся Атланта давно об этом знала, кроме него. Он возмутился, она заплакала, и он обнял её, успокаивая. Так же он обнял бы её и в присутствии Мелани, что не раз бывало.

Я вам больше скажу, Батлер тоже обнимал Мелани, и не раз. Они нередко подолгу беседовали наедине. Он был в её спальне, держал её на руках, раздетую. Доктор Мид слышал, что её последние слова, сказанные Скарлетт, были о Батлере. Никому и в голову не приходило в чем-то заподозрить их, даже слугам! Как, бывает, по-разному мы оцениваем одинаковые намерения, сходные обстоятельства!

– Не расстраивайтесь, дорогая! Я верю, что все так и было, как вы рассказали, – согласилась добрая миссис Боннел, – я видела Скарлетт, она очень изменилась, наверно сильно переживает, хотя стала ещё красивее, и так похожа на бедняжку Эллин. Одно не могу понять, что Батлер находил в Красотке Уотлинг?

– Что же тут непонятного, ему нравятся женщины в теле, а Скарлетт – щуплая как цыпленок, – тряхнула грудью Долли.

– А мне кажется, что он любил Мелани, – тихо предположила миссис Мид, – помните, как менялось его лицо, когда он с ней разговаривал? И в Атланте он остался из-за нее, и на Скарлетт женился, чтобы быть ближе к ней.

Все опешили от такого предположения и испуганно устремили взгляды на Индию.

– Ничего не могу сказать о чувствах мужчин, ни в одном письме не было любовных признаний, – пожала она плечами, – но что обе женщины, каждая по-своему, любили мистера

Батлера и мистера Уилкса – это точно. Греховных связей, конечно, не было, и грязные слухи о Скарлетт естественно недопустимы, мы должны восстановить её репутацию.

– Ничего мы ей не должны, – по-прежнему гневно высказалась суровая миссис Мерриуэзер.

Миссис Мид была не столь категорична:

– Утрясется все само собой, деточка.

– Мне бы не хотелось, чтобы всё, о чем я рассказала вам, стало известно всем. Это может бросить тень на память Мелани. Каждый ведь истолковывает факты по-своему. Мы уже в этом убедились. И очень трудно установить, кто прав. Я не могу, конечно, просить оставить в тайне нашу встречу, вы вольны поступить так, как подскажет сердце.

Матроны очень старались быть сдержанными, и все-таки по Атланте настойчиво поползли слухи о несчастной любви Скарлетт к мистеру Батлеру и его непонятной привязанности к прелестям мисс Уотлинг. Джентльмены недоумевали, как можно предпочесть молодой привлекательной миссис Батлер стареющую, хоть и очень опытную в делах любви, диву.

Женщины, которые подозревали, что их мужьям тоже не чужды радости веселого дома, сочувствовали Скарлетт и безоговорочно верили словам мисс Уилкс. Ей даже не надо было спасать свою репутацию.

– Откуда незамужней женщине знать о подводных камнях брака? – оправдывали её многие.

Их самих частенько охватывало желание выдрать клоч красных волос Красотки и ей подобных. Но воспитание южанок все ещё не позволяло знать им, что такие женщины существуют. В то время, как жены вынашивали детей, рожали в муках, джентльмены не забывали о своих удовольствиях и после очередной вылазки нередко отправлялись ночевать в кабинет или гостевую комнату.

– Нехорошо, что объектом для ревности она выбрала мужа лучшей подруги, но с другой стороны, кто, как не он, заслуживал доверия в столь тонком деле? Жаль, что у меня нет такой преданной подруги, – думала очередная жертва мужского непостоянства.

Некоторые, конечно, не были столь легковверными, но, подобно мистеру Генри, уцепились за представившийся повод забыть, наконец, это досадное недоразумение, вызвавшее раскол их клана. Правда, разветвленная сеть родственников Гамильтонов, Уилксов, Бэрров, Уитменов и прочих не спешила принимать у себя миссис Батлер.

Она и сама никого не приглашала к себе в дом, не ездила с визитами. Постепенно скорбь ее стали уважать, а уединенность принимали за обиду незаслуженно оскорбленного человека. Если Скарлетт встречала кого-нибудь из знакомых, то вежливо здоровалась и проходила мимо. Она не хотела видеть ни сочувствия, ни укоров в их глазах. Её необыкновенно изящная фигурка в неизменно темном костюме без украшений с гордо поднятой головой заставляла оглядываться не только мужчин, но и женщин. Никто не сомневался в ее искренней печали по Мелани, забыв, что еще и года не прошло, как Скарлетт потеряла дочь.

Так или иначе, общественное мнение все более склонялось в её пользу. Этому немало поспособствовало поведение Красотки, которая явно наслаждалась тем, что утерла нос гордичке-южанке, и лишь отвратительно усмехалась, заметив чьи-либо осуждающие взгляды.

– Что бы вы сказали, стервоны, кабы пронюхали, кто теперь обитает в моей постели? – торжествовала она.

Даже отсутствие Батлера было на руку задумке Индии. Каждый, кто изредка встречал его супругу в лавке или на прогулке с детьми, успевал заметить вселенскую тоску в её глазах, свидетельствующую о великой любви к мужу, ведь мистер Уилкс был в городе.

Он-то как раз чуть было и не погубил с таким трудом выстроенную версию. Эшли вдруг перестал отлучаться по ночам и заявил сестре, что год слишком долгий срок, к тому же Бат-

лер, как видно, не собирается возвращаться в Атланту. Индия только ахнула в предчувствии скандала.

Мистеру Уилксу удалось застать миссис Батлер в магазине совершенно одну.

– А-а, Эшли, – приветливо-равнодушно встретила она его, не отрываясь от своих колонок с цифрами, – чем обязана?

– Скарлетт, мы не дети, я больше не могу скрывать свои чувства. Рано или поздно это случится, почему не сейчас? – говорил он, довольно пылко обнимая ее. Как чужды и не нужны оказались ей эти запоздалые объятия.

– Предлагаете мне стать вашей любовницей и подтвердить справедливость дурной репутации?

– Через год поженимся!

– Эшли, не будем заблуждаться! Я люблю своего мужа и никогда с ним не разведусь.

– Да где он этот муж?

– Хоть где, только другого в моей жизни не будет!

– Она отказала мне, можешь радоваться, – сердито сообщил Эшли сестре.

– Правильно сделала, еще не время, братец, наберись терпения, – утешала его Индия, довольная тем, что её усилия не пропали зря.

Новая версия постепенно завоевывала Атланту, мягко, ненавязчиво, очень медленно меняя отношение к ничему не подозревающей миссис Батлер.

Х

Пребывание в Чарльстоне уже начинало тяготить Батлера, но он не мог уехать, не повидавшись с другом. В день его возвращения Ретт пешком отправился на пристань. Город, на первый взгляд уже будто оправился от послевоенной нищеты и разрухи, хотя мундиров янки мелькало куда больше, чем старожилов, с которыми он почтительно раскланивался. Здесь, как и в Атланте, было немало приезжих.

Остановившись у парапета, он закурил сигару и устремил взор на хорошо знакомый вид Чарльстонской гавани, как всегда, заполненной рыболовецкими судами, шлюпами, шхунами. Заслышав шум подъезжавшего экипажа, Батлер оглянулся и увидел направлявшихся к нему двух дам: одна была его сестрой, вторая – та, с которой встречаться он не хотел. По изысканности туалета он сразу узнал леди Чайзвик. Подойдя ближе, она подняла вуаль, и он с удивлением отметил, что черные глаза горят прежней страстью. Она стала даже привлекательней, черты смягчились и не казались уже такими крупными и хищными, фигура приобрела величавость, движения ещё большую плавность, лишь серебряные пряди, видневшиеся из-под модной шляпы, напоминали о возрасте.

– Хорошо сохранилась! Как будто и не прошло четверти века с той весны! Очевидно, общение с мальчиками молодит, – подумал Ретт, целуя протянутую ему руку.

Ничто не дрогнуло в его лице, зато она заметно волновалась, предоставив Розмари поддерживать вежливую беседу. Майкл сошел на берег не один, с ним был высокий тоненький юноша, скорее мальчик. Обе дамы буквально повисли на нем с двух сторон, глаза обеих были полны слезами радости. Батлер не видел его года три, наверное, с тех пор, как ездил с Уэйдом в Новый Орлеан, и едва узнал бы, так он изменился. Озорник – мальчишка превратился в красивого юношу, удивительно кого-то напоминавшего серыми глазами, тонкими чертами смуглого лица...

– Так-то, молодой человек, вы готовитесь к поступлению в университет? – с укоризной обратился он к прибывшему.

– Для этого мы и предприняли путешествие в Бостон с мистером Майклом и убедились, что Гарвард мне не нужен. Я все равно стану капитаном, как вы, дорогой опекун.

– Наслушались героических историй о наших с капитаном Стивенсом морских походах во время войны? – поинтересовался Батлер.

Мальчик с улыбкой кивнул.

– В таком случае готовьтесь к долгому, нелегкому пути сначала юнги, матроса, потом старпома. Придется всему учиться: и палубу драить, и морскому делу – навигации, тактике, астрономии и математике, корабельной архитектуре. Капитан должен понимать все языки, или хотя бы основные европейские: французский, немецкий, английский, испанский, возможно шведский.

– Мама Лиза учит меня и английскому, и испанскому.

– У меня ведь испанские корни, правда, я почти не помню родного языка, – вступила в разговор миледи и обратилась к Батлеру по-испански. – Кто же вас всему этому обучил?

– Решила проверить мои знания, – подумал Ретт.

Нельзя сказать, что он знал в совершенстве какой-нибудь язык, кроме английского, но бывая в разных странах, понимал многие и простейшие фразы составлял без труда.

– Жизнь – хороший учитель, легко вколачивает знания вперемежку с суровой практикой, – ответил он также на испанском, не моргнув глазом.

– А меня кто-нибудь поцелует? – вмешался Майкл, о котором забыли.

Дамы теперь обернулись к нему, по очереди расцеловали в обе щеки, с благодарностью пожимая ему руки.

– Поехали к нам обедать, мама ждет всех, – пригласила Розмари.

– Путешественникам не мешало бы сначала переодеться, – заметил капитан Стивенс, но девушка ничего не хотела слышать.

– Мы слишком скучали по вам, чтобы ещё ждать, пока вы приведете себя в порядок, – ответила она и взяла его под руку. – Фрак наденете, когда пойдем в театр.

После обеда женщины опять начали с пристрастием расспрашивать мальчика, а друзья уединились в кабинете Ретта.

– Майкл, давно хотел спросить, кто все-таки родители Диего, тебе что-нибудь известно?

– Лишь то, что известно всем, – он приемный сын леди Элоизы. Его мать, внучатая племянница лорда Чайзвика, умерла в родах. Отец, морской офицер, погиб за четыре месяца до рождения сына в схватке с пиратами.

– Хочешь сказать, что с тех пор, как ты привез мальчика ко мне в Новый Орлеан, не появилось никаких новых сведений. И ты веришь этому?

– Ты же знаешь, я редко подвергаю сомнению слова дам.

– Это верно, из тебя получился бы идеальный муж. Куда только женщины смотрят? Или ты не можешь до сих пор забыть Фрэнсис? Ваш брак мне казался настолько удачным, что я по хорошему завидовал вам: оба уравновешенные, доверчивые, юные.

– Мы были едва знакомы, когда женились, но как-то подружились. Я только окончил университет, как отец объявил, что мне пора завести семью. Я не противился, она тоже была послушная дочь. Так и жили бы, тихо и мирно, не испытывая ни любви, ни ненависти, если бы они с дочкой не попали под обстрел в начале войны, пока мы с тобой изучали подходы к портам. – Майкл выглядел спокойным.

– Неужели и я смогу когда-нибудь вот так же ровно говорить о смерти Бонни? – подумал Ретт.

– Прости, что напомнил тебе о твоём горе, оно еще свежо, но пройдут годы, боль утихнет. К ней привыкаешь, не замечаешь за повседневностью, но когда остаешься один, чувство вины, что не уберег их, начинает саднить, как старая рана.

– Прошло двенадцать лет, неужели никто не тронул твоего сердца, вокруг столько молодых красивых лиц?

– Издеваешься? Весь Чарльстон знает, кто владеет моим сердцем, а ты не заметил? Ох, уж эти бесчувственные Батлеры! – притворно сердито отчитывал друга Майкл.

– Так это Розмари? – удивился Ретт. – Тогда в чем же дело? Она прекрасно к тебе относится, а я и не желал бы ей другого мужа, кроме тебя.

– Только она не хочет такого мужа, вернее никакого мужа. Считает не вправе выходить замуж без любви.

– Да что она знает о любви, старая дева? – возмутился старший брат из мужской солидарности, но умолк, заметив, как изменился в лице Майкл.

– Кое-что знает, Ретт, мы скрыли от тебя. Она с детства любила Дэниела, до безумия. По нему тут все с ума сходили, и он не терялся, перебрал всех – красивых и некрасивых, доступных и недоступных, хотя долгое время состоял в постоянной связи, но имя любовницы хранил в тайне.

Батлеру, как никому другому, была хорошо известна эта женщина.

– Полонски заметил Розмари при первом же её появлении на балу в Жокейском клубе, – продолжал рассказывать Стивенс. Её все заметили: высокая, тоненькая, нежно-розовое воздушное платье так шло к ее смуглому личику. Как она была хороша! Вот тогда я и влюбился в неё, хотя понимал, насколько это глупо: на полголовы ниже её ростом, неуклюжий и некрасивый, да ещё женатый. Фрэнсис должна была родить со дня на день, а я любовался молоденькой девушкой и завидовал другу. Они были очень красивой парой.

Дэниел не замедлил сделать предложение, куда уж лучше партия: юная богатая красавица. Разумеется, мистер Батлер выгнал его с позором, явно предпочитая сыночка ловкого адвоката Хардмана. Порядочные люди избегали общаться с ним и удивлялись, что связывало джентльмена Батлера с этим северянином, сумевшим сколотить огромное состояние на сомнительных сделках. Мисс Элеонора плакала и молилась. К счастью, леди Чайзвик приняла самое горячее участие в судьбе своей крестницы и буквально настояла на их отъезде в Англию.

Они отсутствовали более двух лет, вернулись незадолго до твоего приезда и не одни – с престарелой сестрой лорда Чайзвика. Розмари была уже совсем другой, холодной и очень сдержанной. Дэн, несмотря на отношения с Евой Хардман, пытался вернуть её расположение, посылал меня к ней с просьбой о встрече, но она была непреклонна, а вот со мной общалась охотно. Так началось наше сближение – долгие беседы, уединенные прогулки и бесконечное доверие с её стороны. Бедная Фрэнсис ни о чем не догадывалась, а я готов был летать от восторга.

Они редко кого принимали и мало что рассказывали о жизни в Лондоне. Зато древняя золовка была очень словоохотливой. От неё все узнали, что девочка, так она называла Розмари, училась в школе при монастыре, которую окончила Элоизия. Старушка очень сочувствовала невестке, на долю которой выпало столько хлопот.

– Хорошо, что я её вызвала, – рассказывала англичанка, – мне было не справиться со всем этим. Бедная Маргарет была в совершенном отчаянии после смерти мужа и не вынесла родовых мук. Выхаживать ребенка пришлось Элоизии. Я уже не могла сама вести хозяйство, вот и решила на переезд. Буду покоиться рядом с братом.

– Её желание было исполнено?

– Да, конечно, её похоронили уже перед самой войной.

– Тебе не кажется, Майкл, что старая леди сыграла роль подставного свидетеля, призванного скрыть некоторые события или представить их в ином свете.

– Я бы не сказал, все выглядело очень естественно. А вот высказывания некоего мистера Телфорда вызвали у меня подозрение, что он знает больше, чем говорит. Ведь в Лондоне они жили в его доме. Правда, он тогда служил в Индии. Сплетницы сразу записали его в любовники Элоизы, нашли в Диего сходство с ним, и решили, что это её родной сын.

– Если честно, я тоже так думаю, к приемному ребенку таких эмоций не испытывают, но отцом мальчика я склонен был считать другого человека. А что представляет собой англичанин?

– Мистер Телфорд – бывший военный, уже несколько лет в отставке с тех пор, как умерла его жена, и он целиком посвятил себя дочери, настоящий джентльмен.

Ретт поморщился, но друг этого не заметил.

– Леди Элоиза пригласила их, думаю, с целью сблизить детей. Они приехали на прошлый сезон, и произошло совершенно непредвиденное. Его дочь Диана, которой едва исполнилось шестнадцать лет, влюбилась в офицера-янки настолько, что пришлось срочно их женить, иначе она просто убежала бы с ним. Полковник не был сторонником Севера в Гражданской войне, ему как аристократу ближе южане, поэтому он не захотел жить с дочерью и зятем-янки. Но вернуться в Англию и находиться так далеко от любимой дочери, тоже не хотелось, да и о заработке надо было подумать. Вот наши женщины и посоветовали ему попытать счастья в Атланте. Не исключаю, что они рассчитывали на твою помощь.

– У меня как-то не очень складываются отношения с джентльменами, особенно настоящими.

– С ним сложатся, – уверенно заявил Майкл, – он достойный человек. Вынужден это признать, хоть он и похоронил все мои надежды завоевать расположение мисс Батлер.

– Каким образом?

– Розмари не спускала с него глаз, когда он здесь появился, чем-то напоминает Дэна.

– Тоже белокурый красавчик?

– Нет, он темноволосый, высокий, на пару лет моложе нас, совсем не красавец, но в нем сильно мужское обаяние.

– Не подумай, что я на стороне этого родственничка Чайзвиков, просто не хочу, чтобы ты повторил мою ошибку. Я на собственной шкуре убедился, насколько бессмысленно надеяться завоевать любовь женщины, которая мечтает о другом, даже если этот другой не пылает ответным чувством. И женитьба здесь ничего не может изменить.

Майкл только теперь заметил некоторую меланхоличность в глазах друга.

– Неужели тебе кто-то не ответил на любовь? – удивился Стивенс.

– Да бог с ней, с этой любовью. Вот послушай, сегодня по дороге на пристань у меня появилась великолепная идея – увековечить наши имена в памяти благодарных потомков, – воодушевился Ретт.

– Вот уж не думал, что тебя могут посещать столь тщеславные мысли, – засмеялся Майкл, – тебя и так не забудут, легенды будут передавать из уст в уста. Так в чем идея?

– Давай восстановим нашу школу! Для меня годы учебы с вами были самыми счастливыми в Чарльстоне.

– Здание восстановить несложно, но где мы возьмем такого учителя, как мистер Хоффман? Он не только учил нас латыни и философии. Он сделал нас людьми. Культура, речь, наша дружба, атмосфера чести, благородства, со товарищества, взаимопомощи и уважения друг к другу – это ведь все он.

– Да-а, будет трудно, если не сказать вообще невозможно. Таких преподавателей я не встречал, да и друзей тоже.

– Идея мне нравится, Джеку тоже прилась бы по душе, нужно попробовать.

– Есть одна проблема, Майкл, – я надолго уезжаю на Север.

– И не возьмешь меня с собой? Вроде у нас неплохо получалось в блокаду. Наше семейство все потеряло к тому времени, пришлось начинать заново. И я очень благодарен тебе, что взял меня в свое дело.

– Тогда за нами стоял твой отец, опытный, изворотливый, ему мы обязаны своими успехами.

– Он и сейчас не устает наставлять меня: «Держись Батлера, с ним не пропадешь! У него есть чутьё, чего не было у его отца, да и у брата тоже».

– Сейчас, Майкл, я и сам не знаю, что выйдет из этой авантюры, и не могу рисковать тобой. Разумеется, ты будешь в доле, если что получится. Ну, не огорчайся, друг! Нельзя же оставить наших женщин без защиты.

Майкл вздохнул и согласился с его доводами.

Их разговор неожиданно прервал взерошенный Диего, пулей влетевший в кабинет.

– Спасите, джентльмены, от этих женщин! Совсем затискали, как будто я маленький!

Сердитое лицо его было таким по-детски смешным, не соответствующим ни росту, ни возрасту, что друзья рассмеялись.

– Терпение, брат! Пока у них не появится какой-нибудь другой малыш, вы будете для них ребенком. Такова участь младшего, – попытался утешить Батлер.

– Дождешься от них малыша! Впору самому жениться и родить кого-нибудь.

– Давайте, сначала женим дядю Майкла.

– Хорошо бы! – согласился мальчик и, тяжело вздохнув, отправился в гостиную, но в дверях остановился.

– Ладно, сегодня уж посижу с ними, но завтра, мистер Батлер, обещайте, что придете к нам и посмотрите мою коллекцию парусников, а мистер Стивенс пусть ищет невесту.

– Не сомневайтесь, будущий покоритель морей, – пообещал капитан Батлер и обернулся к другу. – Так что, дядя Майкл, стоит подумать насчет женитьбы?

Майкл сокрушенно махнул рукой.

– Думал уже, и не раз! Только вот не нашел второй Розмари.

XI

Поскольку нежелательная встреча уже все равно состоялась, Ретт решил не откладывать обещанный визит. Ему были рады, когда он тщательно одетый, надушенный, неотразимо галантный появился в хорошо знакомой гостиной. Леди Чайзвик окинула его придирчивым взглядом, протянула руку для поцелуя, затем царственным жестом пригласила сесть. Ретт опустился на стул, собираясь, как всегда, удобно вытянуть свои длинные ноги, но под её взглядом не решился.

– Располагайтесь, как дома, я и так вижу, что ваши манеры безупречны. Вы можете быть украшением любого самого изысканного светского общества, даже придворного.

– Без сомнения, если бы взял на себя труд стать шаркуном, – лениво растягивая слова, осадил её Батлер. – Правда, я бывал на приемах лишь при одном дворе – английской королевы – и то исключительно ради премьер-министра, у которого был шкурный интерес ко мне. Что же касается, светских львиц, то их лицемерное плутовство ничем не отличается от провинциального ханжества чарльстонских дам, которое, как вам известно, меня никогда не привлекало.

Этого Батлера леди Элоиза не знала, в её памяти он все ещё оставался неуверенным в себе юношей, на лице которого отражались все его чувства. Достаточно было прикосновения её руки, поцелуя, и он становился ласковым, послушным каждому её слову, каждому движению.

– Как вы не похожи на того паренька с плантации, рослого, сильного, но такого застенчивого. Вы каждый раз краснели, когда я к вам обращалась.

Она попыталась склонить его к воспоминаниям, восстановить подробности их прошлой связи, но не смогла пробиться сквозь гордость, учтивость, почти надменность человека независимого, привыкшего самому задавать тон беседе.

– Вы хотите, чтобы сорокапятилетний мужчина, прошедший все круги ада, краснел как мальчишка, в вашем присутствии, миледи?

В голосе гостя прозвучала столько сарказма, что покраснела уже она. Он хотел заставить её – единственную женщину, в присутствии которой до сих пор испытывал робость – потерять свою извечную уверенность, самообладание, находчивость. И это ему удалось.

– Я только хочу сказать, что ваш отец ошибался, – льстиво заметила она, – вы истинный Батлер, достойный носитель фамилии, он гордился бы вами теперь.

Ретт пожал плечами, показывая, очевидно, что ему на это наплевать. Оба поняли, что разговора не получилось, и вздохнули с облегчением, когда в гостиной появился Диего, и они отправились обедать втроем.

– Так где коллекция великого мореплавателя? – спросил Батлер, едва с трапезой было покончено.

Мальчик взял его за руку и, пытаясь шагать с ним в ногу, повел в классную комнату. Там за стеклянными дверцами огромного шкафа на полках в большом количестве размещались бриги, каравеллы, бригантины, корветы, фрегаты.

– Великолепная коллекция! Я не встречал ни у кого такого обилия кораблей, целая флотилия, можно проводить сражения. Пароходы вас меньше интересуют?

– Они грохочут, заваливают палубу черным дымом, горят.

– Это верно, но плавать вам придется на них, – серьезно произнес Ретт.

– Придется, я буду перевозить семьи с детьми, чтобы они все остались живы, даже если случится пожар.

– Ваше желание очень похвально, молодой человек.

– Мне рассказывали, что вы были лучшим лоцманом на всем Юге, самым бесстрашным, знали каждый залив, каждую отмель и каждый риф на всем побережье. Не могли бы вы меня взять в плавание? – умоляюще попросил Диего.

– Я скоро уеду и не смогу показать вам безопасные фарватеры, которые мне известны.

Будь на его месте кто-то другой, Батлеру и в голову не пришло бы отказать. Он так и не смог преодолеть предубеждения, испытываемого к этому юноше, сколько себя не уговаривал, что ребенок не должен отвечать за своих родителей. Между тем, тот тянулся к нему всей душой.

– Мне всегда казалось, что мой отец был именно таким, как вы, – Диего все еще не отпустил его руку.

– Давайте поиграем в морской бой, – предложил Ретт наперекор своему нежеланию общаться с Диего, опекуном которого был столько лет, – где у нас будет океан, капитан Гарсия?

Мальчик указал на бильярдный стол, покрытый зеленым сукном, и они принялись расставлять корабли. Сначала турецкий флот был разбит испанцами, потом началось спасение английского каравана, следовавшего из Калькутты в Англию. Трюмы были забиты ценным грузом, пряностями, тканями, дорогими красками, слитками серебра и самоцветами. Одним словом, пиратам было чем поживиться.

– Сколько у них будет судов? – спросил юный капитан.

– У них всегда одно судно, и они действуют хитростью. Но это не значит, что на долгом пути каравану не встретятся другие любители сокровищ.

– Вы будете самым хитрым и самым смелым пиратом, – назначил Диего своего старшего друга, – и у вас будет самый красивый бриг «Альбатрос». Вы спасете вот эту английскую бригантину, на которой окажутся пассажиры с детьми и прекрасная принцесса.

– Кажется, добрая мисс Элеонора и этому юноше пообещала красивую любовь, – подумал Ретт и вслух добавил, – придется спасти и храброго капитана сто пушечного трехпалубного корабля охраны, который пойдет во главе эскадры. Иначе, как они встретятся с прекрасной принцессой! Итак, конвойные суда выстроились на океанском рейде: впереди флагман «Плимут», фланги каравана будут защищать два легких фрегата, корвет замыкает строй. Под их защитой следуют шесть торговых шхун и одна бригантина. Пиратский бриг будет сопровождать караван в отдалении, дожидаясь, когда представится случай отбить одно судно. Как развивались события дальше, капитан Гарсия?

– В пути произошло непредвиденное: на караван напали три французских корвета. Им удалось поджечь флагманский корабль, но тот успел нанести сокрушительные артиллерийские удары. Один вражеский корвет запылал, другой потерял маневренность, третий заставил бригантину изменить курс, и она двинулась навстречу пиратам. Сторожевые фрегаты пытались ликвидировать последствия боя, спасали людей. Бригантина осталась без прикрытия, все дальше отрываясь от каравана и от своего преследователя, у которого были повреждены паруса. Мертвый предгрозовой штиль остановил её не более, чем в трех кабельтовых от «Альбатроса». Судно было взято на abordаж, конечно, разграблено, но благородный пират запретил убивать сдавшуюся команду и пассажиров.

Сражение подходило к завершению, когда появилась мисс Элоиза.

– Диего, пришла мисс Элис, она хочет узнать, продолжите ли вы свои занятия?

– Я не хочу сегодня заниматься, когда еще мне удастся поиграть с капитаном Батлером?

– Нельзя заставлять учительницу ждать, по крайней мере, договоритесь перенести уроки на другое время. А завтра, если погода позволит, пройдемся на яхте, – пообещал гость, – если, конечно, леди Элоиза разрешит.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился Диего, – только вот выведем бригантину на прежний курс следования. Подбитый флагман не затонул, начавшийся ливень погасил огонь, и он, накренившись, остался на прежнем месте. Пираты пересадили немногочисленных выживших членов команды на бригантину, собираясь увести трехмачтовик за собой. Тут и нашел пред-

водитель пиратов тело капитана корабля. Приложив ухо к его груди, он понял, что юноша жив, и сам перенес его в свою каюту...

– Мама Лиза, зовите свою мисс Элис, только ничего не убирайте здесь, я еще поиграю вечером, – приказал капитан Гарсия.

– Сожалею, что не пришла раньше, ваша игра так занимательна, – призналась девушка, входя в классную комнату и устремляя влюбленный взгляд на предводителя пиратов.

– Если хотите, я расскажу вам все сначала, – с готовностью вызвался покрасневшийся Диего, только уж никаких занятий сегодня.

– Я так и полагала, начнем после Рождества, просто хотела согласовать программу подготовки с вашим опекуном, зная, что он здесь.

Леди Чайзвик не сомневалась, что этот визит всего лишь повод встретиться с Батлером и отправилась на кухню предупредить кухарку, что к ужину будут гости. Когда она вернулась, Ретта в комнате не было.

– Ушел курить на веранду, – сообщил Диего, – я тоже буду курить такие сигары.

Накинув шаль, Элоиза вышла вслед за гостем.

– Не слишком ли мала разница в возрасте между учеником и учительницей? – выразил беспокойство Батлер.

– Ничего страшного, он ещё ребенок, а ей нравятся мужчины солидные, вернее один мужчина, и вы знаете кто.

– Не знаю, и это не имеет значения, важно, чтобы вы были в курсе их взаимоотношений, если только Диего не уготована участь всех ваших воспитанников.

Он специально высказал это оскорбительное предположение с тем, чтобы заставить признаться, что мальчик – её родной сын. Но она уже преодолела замешательство, в которое была повергнута перед обедом.

– Так ли уж печальна эта участь? Судя по некоторым джентльменам, этого не скажешь! – насмешливо произнесла она.

Ретт не надеялся одержать победу, но и сдаваться не собирался.

– Кто дал ему такое странное имя? – продолжал он задавать вопросы.

– Обычное испанское имя – так звали моего отца: Диего де Гарсия.

– Почему вы пожелали, чтобы опекуном стал я, а не Майкл, например, человек с безупречной репутацией.

– Время было сложное, я посчитала, что вы лучше сможете защитить его.

– Он вам так дорог?

– Дороже не бывает, – коротко ответила она и перешла в контрнаступление, – надеюсь, это не из-за меня вы долго не женились?

– В какой-то степени, да.

– Не любили же вы меня, в самом деле?

– Бог избавил, вы предостерегли меня от множества опрометчивых шагов, явив сразу все скопище женских черт, которые мне претили.

– Вам повезло, вы все-таки нашли исключение?

– О, да, она никогда не лжет.

– Принцесса оказалась вдовой с двумя детьми? – задумчиво произнесла миледи. – У вас еще могут быть свои дети.

– Почему вы решили, что эти – не мои?

– Так говорили её тетки.

– Кому, как не нам с вами знать, насколько то, что говорят, может быть далеко от истины!

– Хотите сказать, что она стала вашей задолго до венца?

Ретт загадочно улыбнулся, черты его смягчились, глаза засияли нежностью. Ах, как хотелось Элоизе узнать, чем же покорила его эта женщина, которую многие даже не считают красивой! Но, увы! Лиззи поняла, что больше ничего не будет сказано. Визит подошел к завершению.

XII

На следующий день погода позволяла, и капитаны вышли на яхте в море. Мисс Элоиза не только разрешила прогулку, но и пришла к причалу встречать их. Никогда раньше Ретт не видел её такой счастливой. Она с обожанием посмотрела на Диего, потом на него, потом опять на мальчика.

– Только мать так радуется своему сыну, особенно если может разделить свой восторг с любимым мужчиной. Но если первое маловероятно, учитывая её возраст, но хоть как-то допустимо, то второе в принципе невозможно, – удивился Батлер, пытаясь найти приемлемое для себя объяснение.

Вечером Стивенсы решили устроить ужин, собрав, к удивлению, Ретта, довольно многочисленное шумное общество. Чувствовалось, что встречаются они не впервые и дружны, несмотря на разницу в возрасте и общественном положении. Элис Хейуорт очень по-родственному расцеловала Розмари и мисс Элеонору, бросая на него красноречивые взгляды.

– Мой лучший друг, капитан Батлер, – с гордостью представил его всем Майкл, и начал знакомить с гостями.

Дойдя до супругов Локарт, он многозначительно скосил глаза, привлекая его внимание к этой паре, и совершенно напрасно. Ретт и без того не смог бы не заметить такую красавицу. Семнадцатилетняя миссис Локарт, самая молодая из гостей и единственная замужняя дама, была воплощением чисто английской красоты: пепельные локоны, серо-голубые холодные глаза и бело-розовая кожа. Лицо ее несколько портил тяжеловатый упрямый подбородок, очертания которого кого-то напоминали. Очень скоро Ретт понял кого – леди Чайзвик. Та внимательно наблюдала за ним, и он почувствовал себя мышонком перед охотящейся за ним кошкой.

– Они случайно не родственники? – спросил он Майкла, кивнув в сторону леди Чайзвик.

– Ты угадал, это и есть дочь Телфорда. Правда, хороша?

– Чудо, как хороша. Не позавидуешь её супругу.

Батлер успел заметить грустный взгляд молодого человека, украдкой брошенный на жену, явно старавшуюся привлечь внимание немолодого видного незнакомца. Молодежь с нетерпением ждала окончания ужина, чтобы повеселиться от души. Как только начались танцы, Ретт, к неудовольствию дам, уединился с мистером Джозефом. Вечер был в разгаре, когда в кабинете появился Майкл и сообщил, что мисс Элеонора с Элоизой собрались домой.

– Ты проводишь их, Ретт?

– Конечно, занимайся гостями.

– Заходи, альбатрос, когда снова прилетишь в родовое гнездо, – перекрестил его старик на прощание.

– Непременно.

Уходя, Ретт заметил сожаление в глазах красавицы Дианы, подле которой образ благовоспитанной Элис как-то потускнел и уже не вызывал у него желания тихой семейной жизни.

Усадив дам в карету, Ретт осведомился, куда ехать. Мать, шутя, ответила:

– Развози по старшинству, сынок. Я устала, шумные компании меня утомляют.

– Может быть, леди Элоиза не откажется поскучать с нами в тишине? – предложил Ретт, когда они подъехали к их дому.

– Нет, не сегодня, – отказалась она.

– Значит, хочет, чтобы разговор прошел на её территории, – убедился Батлер. Сестра предупредила его, Лиззи готова рассказать ему все, что его интересует о Диего.

– Прошу тебя, будь с ней полюбезнее, разговор не простой и очень важен для меня, – просила Розмари.

Ретт не стал разгадывать планы коварной миледи и уж тем более препятствовать им. Ради сестры он примет все условия словесной дуэли с женщиной, которая всегда в них побеждает. Придется смириться.

Проводив мать, он вернулся в карету. За всю дорогу они не проронили ни слова. Так же молча он подал ей руку, помог выйти, и она, не оглядываясь, пошла по дорожке к дому в полной уверенности, что он последует за ней. Как всегда, она не просила, повелевала. Высокая дама, не молодая, но не утратившая стройности, так стремительно удалялась, что её накидка, отороченная мехом, развевалась словно крылья.

Он оценивающе посмотрел ей вслед. Несмотря на всю строгость облика, было в ней что-то магнетически-призывное, будившее в нем животные первобытные инстинкты. Ему вдруг захотелось сорвать с неё эту маску благопристойности, задрать изысканные юбки и взять её, как портовую бродяжку. Ни одна женщина не вызвала в нем подобного желания. И он не отказал себе в удовольствии поддаться первородному зову самца, едва они вошли в дом. А вслед затем пришло мучительное раскаяние: он не только не сделал шага к примирению, но и усугубил разрыв. К тому же не смог удержаться на том уровне достоинства, на котором, как ему представлялось, должно было проходить их общение. Унизив её, он унизил и себя. Она не замедлила этим воспользоваться.

– Эко, вас раззадорили молодые красавицы, что и на старушку кинулись, – насмешливо укорила она его.

– Да куда им до этой старушки? Ей и десятка таких, как я, не будет много, – с вызовом ответил Ретт, понимая, что терять уже нечего. Он потерпел поражение, не начав битву.

– Ваша дерзость дает мне повод возомнить, будто я до сих пор что-то значу для вас, – вкрадчиво прошептала она.

– О, да, ваши услуги семейству Батлеров бесценны.

– Вы даже не представляете, насколько правы, – ответила она.

– Так снимите покровы таинственности. Я слушаю вас.

– Это долгий разговор.

Он с нетерпением ждал её рассказа, но думал почему-то о том, что у него давно не было женщины. Узкое черное платье подчеркивало все прелести её фигуры, по-прежнему великолепной, серебристые волосы не старили, лишь оттеняли блеск черных глаз. В зеркале напротив в слабом свете лампы отражалась рослая пара человеческих особей, сильная, выносливая, словно созданная друг для друга. Ему стало не по себе.

– Я не тороплюсь. Или вы хотите продолжить беседу в спальне? Позвольте сопроводить вас, – преувеличенно вежливо предложил Ретт, стараясь выглядеть безразличным.

В уютном будуаре все было приготовлено для ночи любви: легкий ужин на маленьком столике, вино, предметы мужского туалета, халат для него. Она не изменила своим привычкам, которые были ему приятны, и, как оказалось, им не забыты. В душе негодуя на себя, что никогда не мог противостоять ей, он сдался на волю победительницы. Он и тогда не уехал бы в Калифорнию, но она не позвала его...

Разговор состоялся уже под утро, когда он, наконец, почувствовал давно не испытываемую приятную опустошенность во всем теле.

– Мне пора уходить, чтобы не бросить тень на вашу безупречную репутацию, – не без ехидства заметил Батлер, – кстати, меня всегда удивляло, как вам удавалось настолько сочетать благопристойность с порочными наклонностями, что даже вездесущие чарльстонские сплетницы ничего не заподозрили. Вас не пугало, что у ваших неопытных фаворитов могло появиться желание похвастаться своими успехами или «насолить» вам, когда они впадали в немилость?

– У вас же не возникло такого желания! – усмехнулась леди Элоиза. – А ведь наше расставание было совсем не мирным. Наверное, мне повезло, все мои избранники оказались людьми благородными, да и не так уж много их было. Конечно, я соблюдала некоторые предосторожности, но вряд ли они помогли бы, если бы не страх перед вашим отцом. Все ведь открыто считали меня любовницей Фицджеральда, хотя никаких подтверждающих фактов ни у кого не было. Слуги, боясь неосторожным словом навлечь его гнев, не только с посторонними, между собой ничего не обсуждали.

– Теперь у вас нет такой защиты, и мне лучше удалиться.

– Ну что вы заладили, даже если я на каждом углу буду рассказывать, что провела с вами ночь, кто поверит? В моем возрасте соблазнить такого мужчину, разве это возможно? Вам нечего опасаться. Мисс Элеонора тоже не будет беспокоиться, они все сегодня уедут в имение к Стивенсам, и Розмари сделает так, чтобы о вас никто не справлялся.

– Так вы в сговоре с сестрой организовали мое похищение?

– Она очень хочет наладить наши отношения, и я тоже. Вы так старательно избегали меня все эти годы, хотя если судить по сегодняшней ночи неприятных ощущений я у вас не вызываю. Заметив, что он усмехнулся, она тут же пояснила:

– Нет, нет, я не заблуждаюсь, это было лишь удовлетворение физиологической потребности и ничего более.

– Приятно иметь дело с умной женщиной. Никто, кроме вас, так не умеет разъяснить и свои, и чужие чувства, – невинным тоном заметил Ретт.

– Как раз о моих чувствах к вам я и хотела рассказать, если позволите. Десять лет, после той ночи, когда вы навсегда покинули этот дом, я не знала покоя.

– Чем я могу заслужить ваше прощение, Лиззи, чтобы вы навсегда забыли о событиях той ночи? – с неподдельной болью произнес Батлер.

– О, нет, я не хочу забыть ни единого мгновения, – испугалась она. – Я столько лет жила этими воспоминаниями и благодарила судьбу за то, что именно моему несовершенному грешному телу выпало счастье познать страсть юного божества, которому хотелось поклоняться. Никогда прежде и никогда после я не испытывала большего наслаждения, чем тогда с вами.

– Даже принимая Дэниела в своей постели?

– Вы узнали о нем и не смогли простить меня? – с горечью произнесла она. – Но что мне оставалось, Фицджеральд запретил встречаться с вами, когда понял, что просчитался: пошлой связи, которой ему хотелось наказать и вас, и меня, не получилось. Мы были счастливы, и для него это стало невыносимым. После моего возвращения из форта он потребовал прекратить наши отношения, иначе пригрозил предать их огласке. В то время я не могла его послушаться и пожертвовать своим положением ради вас. Ах, мальчик мой, я не могла позволить себе который раз оказаться в нищете.

– Я этого не знал, вы же всегда рассуждали только о генеалогии и геральдике.

– Хотела придать себе большей значимости, – засмеялась Элоиза, – да и вы были слишком молоды, чтобы понять некоторые эпизоды моей жизни. Но сегодня я поведаю вам все, даже самое неприглядное. Не откажитесь меня выслушать?

– У пленников не спрашивают согласия!

– Я родилась в Испании. Мое раннее детство было очень счастливым. Молодые добрые родители души не чаяли в своей дочке. Девочкой я была прелестной. Мне было лет пять, наверное, когда однажды отец привел к нам своего друга, и тот навсегда покорило мое сердце, ни на кого непохожий, веселый красавец с гривой длинных черных блестящих волос. Одет он тоже был по-особенному: кожаные штаны, длинный черный пиджак. Он отцепил шпагу, снял пиджак и, оставшись в жилете и белой рубашке, сделал ножами несколько фехтовальных движений, взметнув кружевные оборки на рукавах.

...Этот поединок я посвящаю вам, принцесса, – поклонился кабальеро и вручил мне белую розу, неизвестно откуда появившуюся. Потом подбросил меня высоко на руках и громко засмеялся:

– Вот и невеста моему сыну, пойдешь за него, прелестная малышка?

– Не-а-а, я за тебя пойду!

– Да ведь я старик!

– Старики такие не бывают! – убежденно ответила я и обняла его за шею...

До сих пор помню запах моря, исходивший от него. Джон – Черная Пантера, так звали его все, за силу, мощь, грацию дикого зверя. Это был ваш дед. Мой отец – офицер испанского флота, дружил с контрабандистом Батлером. Так где-то и погибли вместе в схватке с пиратами. Мать преждевременно родила мертвого ребенка и тоже не задержалась на этом свете без любимого мужа. Она была англичанкой из древнего рода Чайзвиков и меня приютили её дальние родственники. Для лорда Мейсона я была чем-то вроде комнатной собачки: он щекотал меня за ухом, похлопывал задок и особенно подолгу гладил животик.

– Убить было мало эту сволочь, – прошептал Ретт.

– Самое интересное, что его жена, плоская как доска, поощряла эти забавы, и потом они надолго запирались в спальне. А я привыкала к этим поглаживаниям, испытывая не свойственные моему возрасту чувственные ощущения. Потом, когда он стал запускать руки ко мне в панталончики, леди отдала меня в школу при монастыре. Как только я окончила школу, лорд Мейсон приехал за мной, жена его скончалась за несколько лет до этого, и я стала молодой леди Чайзвик.

– Бедной сироте повезло! – радовалась аббатиса, – такая блестящая партия – муж знатен и богат.

– На деле все оказалось не совсем так, его состояние уже было растрчено на актрис, но я была не требовательна и благодарна уже за крышу над головой. Лорд был достаточно умен и образован, обучил меня светским манерам, все бы ничего, если бы не маниакальные попользования на мое тело – извержения происходили, едва он касался меня. Удивляюсь, как ему удалось лишиться меня невинности. Еще долго после его смерти я помнила дрожащие потные руки, слюнявые губы, зловонное дыхание.

– Поэтому все ваши любовники были юные и красивые. И лишь для Батлеров вы делаете исключение, почему?

Выражение гадливости на её лице сменила теплая улыбка.

– Батлеры – моя судьба!

– Да-а, судьбу не обойдешь, – задумчиво произнес Ретт. Нареченный жених не стал официальным мужем, но прожили вы всю жизнь вместе.

– Вместе, но не в том смысле, как все это полагали. Мы никогда не были любовниками. Конечно, я бы не отказала Фицджеральду, хотя бы ради Элеоноры – ей была невыносима близость с мужем, как и мне в свое время, но совсем по другой причине – не из-за отсутствия потенции, а из-за ее избытка. Ему мало было ночей, он еще и днем не оставлял её в покое, бесконечные беременности, выкидыши, трое детей.

Это было похоже на правду, в памяти Ретта сохранился случай, истинный смысл которого стал ясен лишь теперь после слов Лиззи.

...Вскоре после рождения брата Лайонела, отец вошел в детскую и няньки поспешно покинули комнату, а Ретт успел юркнуть, как всегда, под стол.

– Ребенок спит, а вы нарочно скрываетесь здесь, чтобы уклониться от супружеских обязанностей? – угрожающе прошипел Батлер.

– Ах, мой дорогой, я же еще не оправилась после родов, почему бы вам не взять наложницу, так поступают многие мужчины, – задыхаясь, лепетала мать.

– Я не для того женился, чтобы спать с черномазыми и плодить мулатов, – грубо отвечал отец.

Когда он ушел, Ретт вылез из-под стола и подошел к матери. Она плакала.

– Мама, он побил тебя?

– Нет, сынок, нет. Обещай мне, что, когда вырастешь, ты не будешь заставлять жену делать то, чего она не хочет.

– Хорошо, мама, только ты не плачь...

Теперь он понимал, что имела в виду его бедная мать. К счастью она не знает, что ее сын способен на подобное святотатство и ничем не лучше своего отца. Но каково ему это сознавать?

– Значит, миледи, мистер Фицджеральд не удостоил вас своей любви?

– Нет, он не поступился правилами чести и ни на что не решился, желал страстно, но презирал, считая меня распутницей. Может и правильно. И продолжал мучить Элеонору – женщину, менее всего расположенную к любовным наслаждениям. Как в жизни все парадоксально: одна не хочет мужа, а он все время требует её ласки, другая и дня не может обойтись без этого и всю жизнь живет в одиночестве.

– Так уж и в одиночестве, – усмехнулся Ретт. – Могли бы выйти замуж, ну хоть за Джека. Чем не жених? Молод, неглуп. Так нет же, предпочли внебрачные отношения с красавчиком Полонски.

– Каюсь, никогда не могла устоять перед красотой. Тогда я еще не знала, что вы – моя последняя любовь, а может и единственная.

– Когда же наступило прозрение?

– Далеко не сразу, постепенно. Все эти годы, чем больше я думала о вас, тем больше любила.

– Будь сейчас на моем месте Дэниел, вы сказали бы ему – то же самое!

– О, можете мне не верить, – махнула она рукой.

– Нет, нет, продолжайте. Я устал быть недоверчивым настолько, что предпочитаю быть обманутым.

Ему приятно было ощущать рядом её горячее тело, нежные поглаживания, слышать её низкий голос, ласковые слова, которые умела находить только она. Зачем он столько лет избегал этого?

XIII

Вскоре Ретт усомнился не только в этом, но и в том, что является знатоком женщин. Леди Элоиза вернулась к событиям той ночи, о которой ему было тяжело вспоминать.

– В сущности, я впервые была в объятиях взрослого настоящего мужчины, которого не смогла подчинить своей воле, более того мне приятно было покориться его воле. Впервые любовь не казалась мне блудом. Я любовалась перед зеркалом следами ваших губ на своем теле, желая, чтобы они сохранились, как можно дольше под наглухо закрытыми платьями, а спустя месяц появились и другие свидетельства вашей пылкости. Я поняла, что беременна, впервые в жизни.

– И конечно, постарались избавиться от ребенка? – грозно спросил Батлер.

– Ну что вы, ничего более в жизни я не хотела так, как его рождения! Будь вы рядом, может все сложилось бы по-другому. Хотя какое у нас могло быть будущее? Я старше на девять лет.

– Это тогда имело значение, а сейчас мы выглядим ровесниками.

– Одним словом я испугалась молвы и поступила очень неблагоприятно – отправилась в Англию, забыв, что у женщин из рода Чайзвик редко получалось благополучно заиметь детей, хотя я родилась совершенно здоровой, да и ростом вымахала, как сосна.

– Такая же стройная и крепкая, – заметил Ретт.

– Но это не спасло нашего мальчика. В дороге случился выкидыш.

Ретт помрачнел. Вспомнилась жаркая ночь со Скарлетт... тоже был ребенок, и тоже выкидыш. Как он наказан за свою грубость, и как великодушны женщины! Ведь обе простили его.

– Вы уверены, что это был мой ребенок? – спросил он Лиззи, словно от этого потеря была бы менее горька.

– Ваш, не сомневайтесь, связь с Полонски продолжалась почти семь лет, и дети не появились.

– Значит ли это, что Диего – мой брат?

– Вы так и не поверили, что с Фицджеральдом ничего не было. Ваш отец тоже мне никогда не верил. Потому и Розмари хотел выдать за Джаспера Хардмана, считая, что только с ним одним я не спала.

Несмотря на всю серьезность разговора, Ретт расхохотался, настолько нелепым до смешного был аргумент, которым руководствовался мистер Фицджеральд при выборе будущего мужа для своей дочери.

– Нет, дорогой, Диего – вам не брат, он ваш племянник.

– Лайонелл Батлер тоже прошел вашу школу, миледи?

Она, молча, подошла к изголовью кровати, нажала потайную кнопку в стене, достала из раскрывшегося сейфа бумагу и протянула её Ретту.

– Диего Альберт Ноэль де Гарсия, лорд Чайзвик, – читал Батлер. Мать – леди Элоиза Чайзвик, отец – лорд Мейсон Чайзвик.

– Вы хотите подтвердить, что мальчик вам родной сын?

– Нет, я хочу, чтобы в его именах вы прочли имя его отца по первым буквам.

– DAN, – ничего не могу понять, вы же только что сказали...

– Я сказала, что у меня от него детей не случилось, но другая женщина, которая его очень любила, забеременела сразу.

– Довольно загадок, – рассердился Ретт, – скажите все прямо.

– Диего – сын Розмари и Дэниела Полонски! – медленно и внятно произнесла она.

Ошеломленный Ретт вскочил с кровати, попытался закурить сигару, но смял её и забегал по комнате.

– Боже! Его маленькая сестренка! Да нет, этого не может быть!

Лиззи, молча, набросила халат ему на плечи.

– Как вы могли допустить такое? Девочка из почтенной семьи и этот ловелас, меняющий женщин...

– Тогда он еще не очень менял, надеялся на выгодную женитьбу. Когда шанс представился, он его не упустил. Вам ли не знать, как легко соблазнить влюбленную юную девушку.

Горячий румянец мгновенно окрасил его скулы, а в глазах промелькнула необычайная нежность – миледи получила подтверждение, что ему о таком известно не понаслышке. Лицо её выразило сожаление, то ли по поводу Розмари, то ли по поводу неизвестной девушки, воспоминание о которой явно было живо в сердце очень небезразличного ей мужчины.

– Я не думаю, что это был злой умысел, Полонски всего лишь хотел сделать мистера Батлера более сговорчивым.

– Отец знал об их отношениях?

– Пожалуй, нет, иначе его ищейка – адвокат Хардман – не стал бы настаивать на браке своего сына и Розмари. Все сложилось удачно, Дэниел ни о чем не догадывался, да и она сама тоже. Я раньше Розмари поняла, что она беременна, увезла её в Англию и оберегала, как могла.

Улыбка осветила лицо Элоизы.

– Произошла странная метаморфоза: девочка горевала только о том, что её разлучили с возлюбленным, я же испытывала все муки и радости материнства. Беспокоило одно: ребенок будет рожден вне брака. Я никак не могла придумать, как скрыть этот факт.

– Надо было нанять сведущих людей.

– Кого я там знала, кроме золовки, перепутавшей всю родословную? Но она и создала легенду происхождения Диего. В её голове довольно правдоподобно перемешались образы моих родителей и миссис Маргарет Телфорд, муж которой тоже был военным. Именно Маргарет и была внучатой племянницей лорда Чайзвика, только умерла не в родах, а много позже, долго болела, но пережила свою тетку. В связи с болезнью жены полковника Телфорда отпустили со службы, к нашему счастью. Его свидетельства и леди Алисии Чайзвик оказалось достаточно, чтобы признать новорожденного законным ребенком четы Чайзвиков, запись о регистрации брака которых сохранилась.

– Вы не сообщили родственникам о смерти лорда?

– Некому было сообщать, разве что старым кредиторам? Так по документам мальчик стал моим родным законнорожденным сыном. Спустя два года мы вынуждены были вернуться в Чарльстон, ибо единственные мои доходы – здешние плантации. Моя золовка мисс Алисия приехала с нами и рассказывала всем о бедной племяннице, не увидевшей своего сына. Я не стала разубеждать старую даму. Мальчик с детства знал, что потерял родителей, будучи младенцем, не задавал никаких вопросов и звал меня мамой.

– Как отнеслась к этому Розмари?

– Никак, она не испытывает материнских чувств даже теперь и любит Диего как младшего брата. Одним словом, к вашему возвращению домой после десяти лет скитаний наша жизнь обустроилась. Розмари успокоилась, не вспоминала о своей первой любви, материнские инстинкты её тоже не беспокоили, и она нашла очень преданного друга в лице Майкла Стивенса. Мы с леди Алисией, Диего и его кормилицей Мерседес почти все время жили в имении, но ваше появление я заметила, как и все в городе.

Дэниел, конечно, не мог с вами соперничать, хотя богатые дурнушки продолжали осаждать своего кумира. Но если барышни млели от его томного взгляда, то их папаши – от вашего огромного состояния, а главное от вашего умения зарабатывать деньги.

– Я увидела тебя на одном из балов, – перешла она на «ты», – и поняла, наконец, кто из Батлеров – мужчина всей моей жизни. Ах, как ты был хорош, как похож на своего деда! Та же удаль, искрометность, белозубая улыбка! Я не находила себе места от тоски, от желания обнять тебя, от своей глупости, что рассталась с тобой.

– Неужели юноши перевелись, и расположение леди Чайзвик смог завоевать сомнительный джентльмен средних лет, кои обычно противны её естеству? – не преминул съехидничать Ретт, пытаясь скрыть, насколько приятно ему её признание.

– Какие юноши, мне уже было не до них! С тех пор, как Полонски оставил меня ради твоей сестры, и до сегодняшней ночи в моей жизни не было мужчин. Да они мне и не были нужны, все время занимал ребенок и хозяйство, а по ночам мечты о тебе. Я вспоминала подробности давно минувших дней, наше катание на ялике, рыбалку на рассвете, твое восхищение моей неутомимостью. Помнишь, как мы вместе читали, обсуждали прочитанное, подолгу беседовали, завершая твое и мое образование.

– Я всегда удивлялся, откуда ты все знаешь?

– Из книг. Читать я приучилась ещё в монастыре, а у лорда Чайзвика была очень богатая библиотека.

– Потом мне всю жизнь не хватало такого общения.

– Мне тоже. С тобою сложились товарищеские отношения, несмотря на разницу в возрасте. Я и сама будто становилась моложе подле тебя.

– Что ж не позвала, Лиззи?

– Увы, ты уже был не тот доверчивый юноша, а уверенный в себе, сильный и необыкновенно привлекательный мужчина, странная смесь нормандского моряка и английского аристократа. Вряд ли ты простил бы ту, которая отреклась однажды и невольно стала причиной твоих многолетних злоключений.

– Хм... Пожалуй, ты права насчет злоключений, они начались именно тогда... Но я никогда не связывал их с тобой и нашим разрывом.

– До меня доходили отдельные слухи: то ты замерзал в снегах Аляски, жевал сухую кору дуба, чтобы не выпали зубы; то ты изнывал от жары в пустынях и плоскогорьях Южных штатов или Мексики. Поговаривали, что ты не раз пересекал экватор, шторма просолили тебя насквозь, а морские ветры и солнце выдубили твою кожу. А однажды мне нашептали что изгнанный сын благородного семейства узнал, какова жизнь в преисподней, именуемой Ист-Эндом, где обитают чуть живые от голода жалкие пародии на род человеческий в самой богатой стране мира. Много всего говорили, во что было трудно поверить...

Ретт молчал. Лиз всмотрелась в отрешенное лицо с устремленным в пространство взглядом.

– Видимо, слухи были недалеко от истины.

– Наверное, я еще не выполнил своего предназначения. Все к лучшему, Лиззи, я не жалею об этих годах и даже благодарен отцу. Не только злчные места столиц, жизнь салунов, крепкие напитки, дикие портовые потасовки, морские байки, любовные приключения, постоянный риск и жестокость окружающего мира сопровождали меня. Я приобрел множество друзей, познакомился с культурными видами драки – боксом, фехтованием, и даже посещал воскресные лекции Социалистической рабочей партии.

Я видел новые большие города с современными домами, огромными доками, населением, составлявшим не менее четверти миллиона, и руины старых испанских городов, древние индейские городища, разрушенные завоевателями, одержимыми алчной мечтой найти Эльдorado – Страну Золота. Я путешествовал по великим рекам и открыл свой El Dorado, – огромный, многокрасочный, неведомый мир, столь не похожий на салоны и трущобы Нового Орлеана и уж тем более на Чарльстон.

Леди Элоиза с восхищением слушала его.

– Оказывается ты романтик, мой дорогой. Если бы я знала о тебе все это раньше...

– То не доверила бы мне Диего, – закончил он за нее фразу.

– Ну, что ты, кому же еще я могла бы отдать нашего мальчика, кровь Батлеров? Я настолько уверилась, что это наш с тобою ребенок, что была совершенно счастлива, несмотря на то, что после вашей с Хардманом дуэли для нас с Элеонорой наступили черные дни. Дэниел вскоре женился на его сестре, Ева была на седьмом небе от счастья, а Розмари слегла от горя. Фицджеральд совсем осатанел и запретил мне даже ухаживать за нею.

– Не смейте показываться со своим ублюдком в моем доме, – кричал он, – думаете, я поверил в ваши сказки?

Он совсем перестал заниматься плантациями, и все заботы легли на мои плечи. Когда Майкл сообщил, что ты обосновался в Новом Орлеане, я решила отправить Диего к тебе. Здесь ему оставаться было опасно и не только из-за военных действий. Чем старше он становился, тем все более походил на Дэниела. Я боялась, что Полонски догадается, а еще хуже, если его тесть что-либо пронюхает. Когда пришло время отдать мальчика в школу, возникли новые проблемы. В Англии никто не знал о смерти лорда Чайзвика на момент рождения ребенка, здесь же знали все. Так ты и стал опекуном, а я регулярно навещала своего сыночка в школе, в тайне от тебя Майкл возил меня на вашей шхуне.

Мне, как англичанке, удалось сохранить свои владения и в войну, и в годы военного правления янки. Но работать было некому, мой управляющий погиб, мы едва сводили концы с концами. К счастью, городской дом уцелел, хозяйева, у которых я его арендовала, после войны сюда не вернулись. Мне пришлось заплатить налоги, продав часть земли, и дом перешел в мою собственность. Понемногу мы научились утаивать от мистера Батлера деньги, которые ты присылал через Майкла. Они нас очень выручали, и я уже не жалела, что не отозвалась на приглашение мистера Телфорда. Обеспокоенный нашей судьбой он звал нас к себе, когда началась война, но Розмари отказалась, не объяснив причины.

– Почему вы скрыли от меня правду?

– Боялись, что Полонски отправится вслед за Джаспером Хардманом. Каково было бы твоей сестре вынести это?

– А вы не подумали, что я мог бы устроить их брак с Дэном, ведь не он же, в конце концов, оставил её?

– Как ты говоришь, Ретт, все к лучшему, она не была бы с ним счастлива. Ей он тоже изменял бы, как и Еве, и пил бы не меньше, у него в натуре был какой-то надлом и неудовлетворенность всем и вся, может быть тоска по матери. Наверное, неслучайно, он все время возвращался ко мне, даже после свадьбы с Евой, он пытался продолжить нашу связь.

– И ты отказала?

– Я же не чудовище, чтобы пойти на такую низость по отношению к своей крестнице.

– А как же физиология? – пытал её Ретт.

– Растворилась в платонической любви к двум мужчинам, – поддразнила она его.

– Кто же они?

Выдержав паузу, она погладила его щеки, губы, и задержала руку на груди.

– Разве не ясно, кто? Ты и Диего! Я, конечно, не рассчитывала на близкие отношения с тобой, ты не из тех, кто возвращается к покинутым женщинам, но надеялась, что, хотя бы из благодарности, не будешь чураться меня, и мы сможем иногда видеться. То, что произошло сегодня, превзошло все мои ожидания. Я счастлива, что моя женская жизнь завершилась именно тобой, этой ночью любви с самым замечательным на свете мужчиной.

Столь пламенное признание вызвало его обычную скептическую усмешку, но ласки её были приятны, и он не стал дерзить, снисходительно позволив ей прижаться к его груди, и даже слегка приобнял за плечи.

– Так ты думаешь, сестре было лучше остаться в старых девах, чем выйти замуж за Дэна? Все мужчины пьют, и все изменяют. Разве что Майкл не такой. И какая ему награда за верность и многолетнюю любовь?

– Она тоже любит его и ценит, но если я завожу речь о свадьбе, ответ всегда один: «Он слишком хорош и заслуживает большего, чем просто благодарность».

Я уже отчаялась когда-нибудь выдать Розмари замуж, как вдруг заметила её интерес к нашему английскому другу, судя по тому, как часто она перечитывает его письма. Все эти годы он изредка писал нам. История Розмари произвела на него такое сильное впечатление, что когда его дочь влюбилась в человека несостоятельного, без имени и положения, он не стал противиться свадьбе. Дэвид Локарт – вполне джентльмен, но офицерское жалование – это все, чем он располагает, а они и сами небогаты. Диана, конечно, поспешила, с её красотой вполне можно было рассчитывать на более достойную партию.

– Только ли неудачное замужество дочери послужило мистеру Телфорду поводом для отъезда?

– Ты имеешь в виду неопределенность отношений с Розмари? – задумчиво произнесла Элоиза. – Нельзя сказать, что она равнодушна к нему, но совершенно не уверена ни в себе, ни в его намерениях, боится обоюдного разочарования. К тому же мистер Фицджеральд в свое время так извел их с матерью своим самодурством, что настроил дочь против мужчин и семейной жизни.

– Все настолько безнадежно?

– Не совсем, до приезда мистера Уильяма она вообще не допускала мысли о замужестве, отмахиваясь от меня обычной отговоркой: «Вот ты, Элоиза, живешь одна и очень неплохо, почему мне непременно надо выходить за кого-то?». Но недавно она обронила фразу, которая объясняет, с одной стороны, ее затворничество, а с другой – вселяет некоторую надежду, что предложение мистера Телфорда, если оно последует, будет принято: «Он, по крайней мере, все знает обо мне, ничего не надо объяснять. Никому другому я не смогу признаться, ни Майклу, ни даже своему брату».

– Может и Скарлетт вышла за меня потому, что я знал о её любви к Эшли, и только со мной она могла говорить о нем? – задумался Ретт.

Тень грусти набежала на его лицо, тем не менее, он бодро произнес:

– Дело за немногим – дождаться предложения руки и сердца. Розмари может на это рассчитывать?

– Поживем – увидим, – вздохнула леди Элоиза. – Но, кажется, наша девочка тронула его сердце. Иначе чем объяснить, что он до сих пор не женился, да и сейчас уехал в Атланту, а не в Лондон? Тогда же его участие в её судьбе было поистине безграничным и самоотверженным. Она жила в монастыре, расположенном вблизи родового именица мистера Уильяма, и они часто виделись. Несмотря на свой юный возраст, она начала понимать, что Дэниел – не единственный мужчина на свете и не самый достойный из них. Мистер Телфорд в какой-то степени заменил ей тебя, показав, что есть мужчины, на которых можно опереться в трудную минуту, и они, в отличие от её возлюбленного, могут постоять и за свою любовь, и за честь почти незнакомой девочки.

– Мистер Уильям так благороден?

– Да, ему можно доверять.

– Тогда чего же она боится?

– Наверное, близких отношений, потому и отказалась в начале войны уехать к ним, не хотела вторгаться в их семью. После смерти жены, это произошло уже после войны, он вышел в отставку, стал чаще писать, приглашал к себе. Но мы были настолько разорены, что выехать в Англию просто не могли. К тому же Розмари еще находилась во власти романтических мечтаний, вызванных дошедшими до нас слухами о воинских доблестях Дэниела. Когда Полонски

уехал в Европу, я поняла, что и в его отсутствие с Майклом у неё ничего не получится, и написала мистеру Телфорду. Он не замедлил принять приглашение.

Розмари была с ним, как и со всеми, сдержанна, но от меня не укрылось очевидное – она испытывает к нему влечение и стыдится этого, что вполне объяснимо. Её первый опыт оставил лишь боль печальных воспоминаний, страх, что она совершила нечто постыдное, всеми осуждаемое. Дэн не сумел, а может просто не успел, разбудить в ней женщину. Всё произошло слишком быстро – беременность, материнство, расставание. Понадобилось немало лет, чтобы она, наконец, преодолела свой страх и осознанно захотела принадлежать мужчине, которого глубоко уважает!

Слушая историю сестры, Ретт не раз погружался в глубокую задумчивость, и леди Элоиза смолкала, боясь шевельнуться, чтобы не помешать ему. Она была уверена, что он вспоминает жену.

– Пойду-ка я принесу кофе, – прошептала она, уловив чутким ухом движение на кухне.

Мерседес вставала рано, никогда без приглашения не входила в спальню хозяйки и хорошо знала её привычки.

Вернувшись с завтраком, Лиззи застала своего друга все в том же состоянии, он даже не заметил её отсутствия, размышляя о Скарлетт. Ровно все, то же самое, что происходило с его сестрой, испытала и она: предательство возлюбленного, разочарование в любви, ранняя беременность, да еще в придачу нелюбимый муж и вдовство. Но несмотря ни на что, любовь к принцу осталась жива в её сердце!

– Вот уж кого надо было вызвать на дуэль, так это благородного мистера Уилкса! Понятия чести не помешали ему поступить подло по отношению к подруге детства. Однако он пролил кровь за неё и тем себя оправдал, в то время как ты, Батлер, стыдно признаться, оказался таким же недотепой, как Дэн, даже хуже, причинив любимой женщине физические муки, ибо по твоей вине четвертая беременность закончилась трагически.

Ретт вдруг осознал, что дети женщинам достаются ох как непросто, если его сестра до сих пор не может прийти в себя, предпочитая одиночество.

– По-моему, Лиззи, ты слишком все усложняешь, на самом деле Розмари все еще любит Дэна, – предположил он, – полковник понял это и уехал.

– Возможно, – согласилась миледи, – вы ведь Батлеры – однолюбы!

– Меня ты тоже причисляешь к однолюбам?

– Ну, да, ты же сын своего отца! Хотя в отличие от него, не сомневаюсь, женщин у тебя было много.

– Гораздо меньше, чем могло быть, – заметил Ретт.

– Разумеется, ты же не отвечал на все симпатии, которые попадались тебе на пути. Лишь изредка, по необходимости, пока не встретил ту, что не ответила тебе. Самолюбие выиграло, и ты не успокоился, пока она не стала твоей женой.

– Да, примерно так все и происходило. Но это было моей ошибкой, и пришло время ее исправить. Я начинаю бракоразводный процесс.

От неожиданности леди Элоиза чуть не уронила кофейник.

– Ну, уж это вовсе ни к чему. Я понимаю, у вас сейчас сложные отношения с женой, но все уладится. Прошло еще слишком мало времени после несчастья, постигшего вас. Вы оба нуждаетесь в поддержке друг друга.

– Только не Скарлетт! В твердости характера она не уступит тебе, но у неё нет твоей мудрости, такта, вкуса, знаний, наконец.

– Зато есть молодость и красота, и что-то еще особенное, необычайно редкое, что поразило твое воображение. Ведь ты уже многое к тому времени повидал!

– Ты права, Лиззи, то ошеломляющее впечатление, которое она произвела на меня, сродни наваждению, и я не могу избавиться от него вот уже двенадцать лет.

Он широко улыбнулся, и Элоиза увидела, как преобразилось, вдруг помолодело его лицо.

– Представь себе яркий весенний день, пленительно женственную фигурку, утопающую в двенадцати ярдах муслина, торжество юности, уверенность в своей неотразимости в лукавых зеленых глазах, выразительных, наивных, кокетливых и мятежных. Сочетание несочетаемого, так бы я назвал особенность её очарования. Девственная чистота и в то же время первая невинная страсть во взоре, увы, не мне предназначенная. Ей было всего шестнадцать лет, но я опоздал. Уже два года, как её сердце принадлежало другому.

Она, конечно, была невинна и потом верна мне, но только потому, что белокурый принц, чей бестелесный образ она лелеет и хранит в своей душе, как святыню, – истинный джентльмен, для которого честь превыше всего. Да, Лиззи, Скарлетт всегда любила другого человека. Она была честна со мной и не скрывала этого. Я женился, самоуверенно считая, что эта детская любовь закончится в моих объятиях. Но этого не произошло. Теперь принц овдовел...

– И ты бежал, испугавшись, что предпочтут соперника.

Ретт невесело засмеялся. В глазах его застыла холодная пустота. Ей захотелось растопить этот холод, снова увидеть в них жажду жизни, огонь желаний.

– Мальчик мой, не надо претендовать на эту малую частицу её души, наверняка, связанную с юностью, ушедшими родителями, друзьями, он все, что осталось у неё от прежней жизни. Наберись терпения, предоставь им возможность побыть вместе. Неизведанное манит, а на деле может сильно разочаровать. И тогда она будет принадлежать тебе всецело.

– Мне это уже не нужно. Видишь ли, дорогая, прекрасное видение, о котором я тебе рассказал, скорее всего, придумано мною. Оно идеально совпало с моими представлениями о принцессе, мечту о которой я любил столько лет, и останется навсегда где-то в укромном уголке мозга сладкой грезой, согревающей душу. Но это ничего не значит. Тот пленительный образ и женщина, на которой я женился, совсем не одно и то же.

– Так и её принц вблизи окажется совсем не тем, о ком она мечтает.

Брови Ретта удивленно поползли вверх, и Элоиза коротко пояснила:

– Когда встречи редки, легко каждую сделать праздником. В повседневной жизни это невозможно, неизбежно наступает охлаждение.

– Вот мы и охладели друг к другу. Собственно, она никогда и не пылала. Да и я не увлекался неопытными девушками, справедливо считая, что ласки, которые могут доставить мне удовольствие, может подарить только женщина, знающая в этом толк.

– Трудно поверить, что найдется хоть одна женщина, которая не захотела бы разделить вашу страсть, сэр.

– Если честно, Лиззи, я даже не знаю, испытывал ли я к ней страсть, она была слишком юной и хрупкой для меня настолько, что мне приходилось постоянно сдерживать себя. Многие годы я находился в этом состоянии ожидания, предвкушения, и оно нравилось мне более, чем само свершение. Я не думал, что способен на столь утонченную чувственность, и был благодарен ей, что она внушала мне такое нежное чувство. Но в браке все изменилось, и нас больше ничего не связывает. Ну, и хватит об этом. Не пойму, почему ты ратуешь за сохранение моего брака, из женской солидарности что ли?

– Нет, я эгоистично думаю о себе. Скарлетт не ограничивает твою свободу, и когда-нибудь усталый путник снова заглянет ко мне на огонек, а при молодой тихой женошке, типа мисс Хейуорт, вряд ли это случится.

Ретт восхитился её проницательностью, когда только успела заметить.

– Ну а если говорить серьезно, то никто не заменит тебе Скарлетт, так же как ей никакой принц не заменит тебя. Ты, пожалуй, помучаешь себя какое-то время страданием, что не смог победить женской души, а она проникнется сознанием, что упустила свое счастье. Так что не

спеши с разводом. К тому же она католичка, даже если тебе удастся получить развод, в четвертый раз её не обвенчают, ни одна религия этого не позволяет. Она окажется вне общества, причем под пристальным вниманием мужчин. Ты же не можешь этого допустить?

– Могу, мне все равно, что с нею будет, – бесстрастно ответил Батлер.

– Даже если вы расстанетесь, торжество столкновения ваших страстей еще впереди.

– Мне пора, Лиззи, – вдруг заторопился Ретт.

Она не стала его удерживать и не спросила, увидятся ли они еще.

Приближалось Рождество. Океан бушевал, залив был тоже не спокоен. Ветер и волны напоминали Батлеру годы войны, когда он в видавшей виды непромокаемой куртке и морских сапогах с отворотами, стоял на командном мостике своей шхуны, не выпуская из рук подзорную трубу, свою верную помощницу. Капитан должен вовремя заметить грозящую опасность. Здесь все решала отвага, воля, чутье. Он знал каждую милю великого простора, будто сливаясь с ним, обретал недюжинную силу. И людей на свои суда он подбирал под стать себе: крепких, надежных, беспрекословно исполнявших его приказы, ибо личная твердость капитана внушала им уверенность в успехе самого опасного дела...

Ретт, как обычно, бродил по берегу, приводя в порядок свои мысли. Все что он узнал о себе, своих родственниках, о женщине, которая без сомнения существенно повлияла на него в юности, как ни странно, заставило его по-новому осмыслить отношения со Скарлетт. Прошло совсем немного времени, и куда-то ушла боль от неудачного брака, как будто его и вовсе не было, стерлась из памяти вздорная жена. Он уже не испытывал к ней ни любви, ни ненависти, ни даже жалости, ибо она в ней не нуждалась. Во всех несчастьях, постигших их, она проявила куда больше мужества, чем он – лучший лоцман побережья, бесстрашно бороздивший под пулями океан, но не сумевший провести семейную лодочку по безопасному фарватеру!

– Но теперь поздно сетовать, и не потому, что образцовый джентльмен свободен, и они, наконец, смогут соединить свои судьбы. А потому что он, Ретт Батлер, не собирается больше строить замки на песке.

Лицо его приняло жесткое выражение. Есть женщина, которая его бесконечно любит, умеет доставить ему удовольствие, как ни одна другая. Наверное, не случайно он вернулся к истокам, возможно, для того, чтобы проститься с ушедшей порой жизни и начать все сначала именно с ней – своей первой женщиной. Леди Элоиза – единственная из всех, кто ему сейчас нужен. Кто как не она сумела вернуть его к жизни. С нею он обретет желаемую респектабельность, достоинство, благородство не только внешнее, но и внутреннее. Ретт нагнулся, поднял плоскую гальку и ловко запустил её в волны, с удовлетворением отмечая, как долго она перепрыгивала с гребня на гребень...

– У меня будет дружная семья: мать, сестра, Диего и Лиззи. Она стала мальчику матерью, а мне придется стать ему отцом.

Неожиданно он вспомнил худенькие плечики Уэйда, простенькое личико Эллы, которая всегда звала его папой. Ретт почувствовал уколы совести, ведь оставляя Скарлетт, он оставил и детей. Сможет ли мистер Уилкс заменить им отца? Батлер, как ни старался, не смог отыскать в своей памяти хоть какого-то проявления со стороны Эшли любви и умения занять ребенка, не только чужого, но и своего собственного. Он представил, как дети живут в Таре. Уилл, конечно, добрый человек, но не отец и не отчим.

Вслед за мыслями о детях всплыли слова, сказанные жене в туманную ночь, когда умерла Мелани. Тогда он обещал поддерживать для окружающих видимость семьи. Ретт стал спрашивать себя, готов ли он поехать в Атланту, которая, как ему казалось, была оставлена им навсегда. Общение со старыми друзьями и близкими пошатнуло его уверенность в необходимости немедленного развода, хоть и не изменило его отношения к браку. Значит, появляться в ненавистой Атланте все-таки придется. И сейчас, похоже, был самый подходящий момент нанести

визит. Переживания уже не причиняли сильной боли, появилась надежда на будущее, а вместе с ней и уверенность в своих силах. К тому же, в скором времени ждала поездка на прииски, которая могла затянуться на неопределенное время.

Леди Чайзвик расчесывала волосы на ночь, стоя перед зеркалом, когда услышала осторожный стук в окно спальни. Схватив свечу, она бросилась в холл. Предчувствие не обмануло её, на пороге стоял Батлер с дорожным саквояжем.

– Я не смог уехать, не попрощавшись с тобой, Лиззи, – прошептал Ретт, целуя её в губы.

Она задохнулась от неожиданности, несмотря на примирение, он еще ни разу не коснулся её губ. Что-то изменилось в его отношении к ней, или это благодарность за сестру?

– Ах, не все ли равно, главное, что он здесь! – испуганно припала она к его груди со страстью женщины, любящей в последний раз...

Через два дня обласканный, изнеженный её любовью и заботой, в отличном расположении духа, Батлер отбыл в Атланту.

XIV

Получив приглашение свояченицы встретить Рождество у неё, Уилл посчитал, что это обычная вежливость, и ехать не собирался, но Мамушка настояла, выпроводив их задолго до праздников.

– Младшую дома оставьте, чтобы ты был свободнее. Разузнай все, как следует, глаз с них не спускай, а то ведь капитан Батлер стреляет без промаха, доведёт она его до греха, – напутствовала старушка.

Уилл знал, чего она боится. Он и сам догадывался, что теперь, когда мисс Мелани не стало, Эшли и мисс О'Хара не смогут противиться своим чувствам. Но в отличие от Мамушки был готов оказать им любую поддержку. По крайней мере, его присутствие в доме оградит их от сплетен. Мистер Бентин не сомневался, что общество неодобрительно воспримет визиты вдовца к подруге детства.

Приехав в Атланту, он сразу понял, что Мамушка волновалась зря. Хозяина дома не было, мистер Уилкс стал приходить лишь с появлением сестер Тарлтон и никогда не пытался остаться с избранницей наедине.

– Ничего, со временем все уладится, – не унывал мистер Бентин. – Ей сейчас не до того, со строительством затеялась, все заботы опять лежат на её хрупких плечах.

Он чувствовал, что нужен свояченице, и вовсе не потому, что работающие руки фермера оказались и здесь не лишними. Она нуждалась в поддержке близких людей, а Уилл давно стал для неё братом и советчиком во всех делах. Только на этот раз мисс Скарлетт хранила молчание и все больше пугала его сходством с Кэррин: та же тихая грусть, отрешенность, такой же необычный блеск в глазах.

– Но почему теперь, когда стало возможным осуществить свою надежду? – удивлялся Бентин. – Может быть, мистер Уилкс с его понятиями о чести не хочет жениться на разводке? Ох, уж эти сестры О'Хара! Такие разные, и такие похожие в своей приверженности первому чувству.

У каждой была заветная, роковым образом не состоявшаяся, любовь. Младшая, мисс Кэррин, самая последовательная из сестер, не смогла жить в мире, где не стало её возлюбленного, и нашла свое утешение в молитвах. Средняя – самая земная – предпочла создать семью с другим человеком и была вполне довольна своей жизнью. Тем не менее, мисс Сьюлин помнила о своей первой любви и переписывалась с сестрой Фрэнка, для которой потеря брата стала невозможна. Старшая сестра, самая красивая, самая успешная в делах, в семейной жизни не преуспела. Порой Уиллу казалось, что мужчины вообще для нее ничего не значат, а вся её любовь принадлежит Таре. Он уважал её за это, однако от всей души желал, чтобы она нашла свое женское счастье, и никак не мог понять, что же теперь мешает этому. Все объяснила, как ни странно, его супруга.

Мисс Сьюлин была совершенно счастлива в Атланте. Здесь никто не знал о происхождении мистера Бентина, а ранение ставило его в ряды героев Конфедерации. Она с гордостью прогуливалась под руку с мужем по Персиковой улице в новом платье, новой шляпке и меховой накидке, подаренной сестрой. Ещё больше ей нравилось наносить визиты вместе с Индией её приятельницам. Вот уж где она могла, наконец, продемонстрировать свои манеры и воспитание. Быстро сообразив, что быть бедной в глазах местной знати гораздо почетнее, она не представлялась владелицей Тары, но в душе тешила свое самолюбие. Пусть усадьба и не такая богатая, как прежде, у других и этого нет. Уилл лишь добродушно посмеивался, глядя на нее.

Вернувшись как-то с очередных посиделок, Сьюлин сообщила сногсшибательную для них новость о безответной любви Скарлетт к мужу!

– Вообрази только, что ни любовь, то без ответа! – радостно щебетала она.

Такого поворота событий мистер Бентин никак не ожидал. Допросив Сьюлин и выяснив, что соперницей считают мисс Уилкс, он успокоился.

– Я уверен, ничего предосудительного в их любви не было, даже смешно обвинять мистера Батлера!

– Его никто и не обвиняет, наоборот возвеличивают, мисс Мелани не могла любить недостойного человека. А вот нашей Скарлетт мало, кто сочувствует, осуждают же многие. Им поменяться бы мужьями, и все были бы счастливы, – рассудила Сьюлин.

– Легко сказать, – вздохнул Уилл.

Он видел Батлера лишь раз при самых печальных обстоятельствах, на похоронах Бонни, когда тот был не в себе, а вот слышал о нем много и отнюдь не лестного. У Порка же было другое мнение.

– По правде сказать, так мэм сама виновата во всем, нравом она не в мисс Эллин угодила. Хозяин – человек неплохой, только нельзя женщине такую волю давать, да и малышке тоже. Потому и запил, а теперь и вовсе куда-то сгинул.

– Это к лучшему, его отсутствие может послужить поводом для развода, – погрузившись в глубокую задумчивость, размышлял Уилл, хотя уже сомневался, что мисс О’Хара хочет этого.

Уилл не из пустого любопытства расспрашивал Порка о Батлере – хотел понять, каков этот человек, и чего ждать от него, согласится ли он на развод, на каких условиях, и что достанется мисс О’Хара после раздела имущества. Она больше не говорила о разводе, но за внешним спокойствием Уилл угадывал смятение души и боль разбитого сердца.

Уже темнело, когда Батлер подъехал к дому, окна в двух нижних этажах были ярко освещены, через неплотно прикрытую дверь слышались голоса в холле.

– Стоит ли мне там появляться?

Ретт в нерешительности остановился, полагая, что Скарлетт созвала свой сброд, так он называл ее новых друзей-янки, с которыми ему встречаться не хотелось. Со вздохом он все-таки покинул карету, взял саквояж с подарками и постучал новой красиво изогнутой ручкой в дверь. Ему открыл незнакомый человек и, взглядевшись в его лицо, улыбнулся.

– Мистер Батлер? Вы так похожи на свою сестру. Мы разминулись с вами в Чарльстоне, и я не имел удовольствия быть вам представленным. Полковник Телфорд, – протянул он руку для приветствия. – Мы тут без вас немного похозяйничали: миссис Батлер сдала мне дом.

– А сами где они разместились?

– Вход с торца, но можно пройти через кухню, я провожу.

– Благодарю, не беспокойтесь, я пройду по улице.

Ретт, не спеша, обогнул фасад своего бывшего дома и задержался у входа в пристройку, размышляя, чем же вызвано столь поспешное переселение. Здесь было тихо, лишь ветер гудел в ветвях деревьев в саду. Две маленькие елочки стояли по обе стороны лестницы. Четыре ступени вели на террасу к двери, украшенной гирляндой. Он поднялся, позвонил в колокольчик, и едва вошел, как на нем с криками восторга повисли дети, не дав даже снять пальто.

– Дядя Ретт приехал! – кричали громко мальчики: Бо, Уэйд, Бен – молочный брат Бо, сын Порка и Дилси.

Когда же он, наконец, разделся и огляделся вокруг, то увидел гостей, которых даже не мог предположить, что встретит здесь: мистер Бентин с супругой, мистер Уилкс с сестрой, две миловидные девушки и дети. Скарлетт среди них не было.

– Мама скоро придет, перед праздником много покупателей в лавке, – пояснил Уэйд, а Эшли представил девушек.

– Это подруги детства мисс Скарлетт – Камилла и Рэнда Тарлтон. Вы их когда-то видели на барбекю в Двенадцати Дубах, но они с тех пор сильно изменились.

Забыв про стеснение, сестры с восхищением смотрели на Ретта одинаково круглыми карими глазами – им не часто приходилось видеть столь элегантных джентльменов.

– Время все лечит, – подумал Ретт, взглянув на улыбающегося Эшли, того забавляла простодушная непосредственность девушек.

Мальчики не отходили от дяди Ретта, Элла и Сьюзи – тихо стояли в сторонке.

– Не пора ли нам заняться подарками? – предложил он, взял девочек за ручки, и они гурьбой побежали вверх по лестнице в детскую.

– Папочка, ты опять охотился на зайчика? – спросила Элла, обнимая его за шею, когда он склонился, доставая игрушки.

– Да, малышка, я же еще не сшил тебе шубку.

– А мне шубку? – попросила Сьюзи.

– Тебе пусть твой папа добудет зайчика, – оттолкнула кузину Элла.

– Не жадничай, дочка, – приговаривал Ретт, усаживая обеих на колени.

Девочки тут же помирились и пошли смотреть, как Бо из кресла делает корабль, а Уэйд вызвался показать отчиму новое жилье.

– В этой комнате будем жить мы вместе с Бо, в той – девочки, тетя Камилла будет их учить. Её комната дальше по коридору. Оленя и бульдога с заднего двора переставили в сад. Пойдемте, посмотрим из маминой спальни. Вот отсюда хорошо видно, – суетился Уэйд. – Садитесь в мамино кресло, а я рядышком, мы с ней так часто сидим.

– Вот уж кто рад моему приезду, – подумал Батлер и погладил мальчика по голове.

– Дядя Ретт, почему вы так долго не приезжали?

– Я был в Нью-Йорке, это очень далеко.

– И опять уедете?

– Да, сынок, дела. А разве вам плохо без меня? Тебя кто-нибудь обижает?

– Никто не обижает, но без вас как-то невесело.

– Поедем со мной, будешь учиться в Чарльстоне.

– Как же я оставлю маму? Я старший и помогаю ей в лавке, мы с нею очень подружились в Таре.

– Ну, народу здесь хватает, возьми, хоть дядю Эшли. Наверное, он занимался строительством? – Ретт окинул комнату придирчивым взглядом. Все было выдержано в спокойных серо-голубых тонах, белая мебель подчеркивала чистоту прелестной комнаты с выходом на галерею в сад.

– Мистер Уилкс у нас бывает редко, он все больше в салуне время проводит, тетя Индия уже не знает, что с ним делать, и сама торгует лесом.

Мальчик говорил об Эшли, как о постороннем для него человеке, и это успокоило ревнивца.

– Все делал мистер Телфорд: и людей нанимал, и с подрядчиками ругался, и следил за всем. Дилси сказала, нам его Бог послал.

– Не знаю, кто его послал, но вкус у него отменный, – решил Батлер.

Индия с нетерпением ждала Скарлетт, поглядывая на часы, и едва раздался звонок, бросилась открывать, многозначительно кивнув в сторону вешалки. Скарлетт взглянула на знакомый саквояж, и у нее подкосились ноги. Индия заметила, как запылало ее лицо, как взгляд устремился на лестницу.

– Да, Эшли прав, она действительно любит своего мужа и, кажется, страдает, – позлорадствовала мисс Уилкс, но устыдившись, почувствовала искреннее желание поддержать ее.

– Надень что-нибудь понаряднее, – дружески шепнула она.

Скарлетт с трудом взяла себя в руки, чтобы не спеша, спокойно подняться в свою комнату. Уже в коридоре она почувствовала знакомый запах его сигары. Сердце её забилось, она

поспешила в спальню, где её ждал еще больший сюрприз: в кресле перед балконом сидел он, ее муж, которого она уже не чаяла когда-либо увидеть. Она так и осталась стоять у двери, пока сын не заметил её, вскочил, взял за руку и подвел к отчиму:

– Смотри, кто приехал!

Ретт поднялся ей навстречу, извинился, что они без разрешения вторглись в ее владения.

– Мама позволяет мне здесь играть, – успокоил его Уэйд.

– Вас уже разместил Порк? – наконец, нашла, что спросить Скарлетт, не поднимая глаз, наполнившихся слезами.

– Я сбегая сейчас, узнаю, – старался угодить Уэйд.

– В вашей старой комнате все осталось так, как было при вас, – говорила она, все так же, не глядя на него.

Ретт истолковал это по-своему: есть, что скрывать. Неужели образцовый джентльменчик решился, наконец, удовлетворить свое многолетнее желание? Или потому и пьет, что не может ни на что решиться?

– Вы не одобряете моих действий? – спросила Скарлетт.

– Напротив, восхищен, как много вы успели сделать за такой короткий период времени, чтобы уничтожить все следы моего пребывания здесь, и даже пожертвовали домом своей мечты! – нарочито беспечно произнес он.

– Мне он теперь не по средствам.

– Разве я отказался содержать дом?

– Ну, это пока, а когда появится новая жена, вряд ли она захочет, чтобы вы оплачивали чужие счета.

– Собственно, я поэтому и приехал, – начал Ретт.

Скарлетт горько улыбнулась – уже нашел другую, будто и не было их брака.

– Ну что ж, завтра с утра поедем к дяде Генри, или у вас другой адвокат?

«Крылышки бабочки» взметнулись, и она в упор взглянула на мужа. Это были все те же зеленые чуть раскосые глаза, невзначай однажды покоровившие его, но в них не было ни прежнего лукавства, ни тени кокетства, ни дерзости, лишь бесконечная усталость, боль и тоска.

Сердце его дрогнуло, и приготовленные слова о разводе так и не были сказаны.

– Нет, – замялся он, – адвокат пока не нужен... я как раз хотел сказать... в этом году, вероятно, с разводом ничего не получится. Простите, слишком занят. Надеюсь, я не очень нарушаю ваши планы?

Не ответив, Скарлетт прошла в кабинет, чтобы скрыть волнение.

– Можно остановиться здесь или в комнате мальчиков, – предложила она.

Ему понравился небольшой уютный кабинет, где все располагало к работе. Кожаный диван у стены вполне мог заменить кровать.

– Лучше здесь, если позволите.

– Я сейчас уберу свои бумаги, – почти прошептала она.

– Оставьте, не стоит из-за нескольких дней менять заведенный порядок, я вам не мешаю.

– Батюшки, мистер Ретт! Что ж вы мимо старого Порка? – запричитал слуга, вбегая в комнату, и тут же опомнился, сообразив, что не следует напоминать, да еще в присутствии мисс Скарлетт, как он укладывал спать пьяного хозяина. – Пойдемте, проведу в вашу комнату.

– Не надо, я здесь поживу.

Порк понимающе посмотрел на него. Кабинет дверь в дверь располагался со спальней хозяйки.

– Ну, так и быть тому, пойду, обрадую Дилси. Сейчас обедать будем, мы сегодня припозднились, будто знали, что вы прибудете.

К обеду все собрались в недавно отстроенной столовой. Ретт еще не успел осмотреться, но отметил отсутствие помпезности в убранстве, как и в самой хозяйке. Она переоделась в другое платье, тоже темное, и вряд ли оно пришлось бы ему по душе в прежние времена, но теперь пусть об этом думает тот, ради которого она изменила свой облик. Тем не менее он вышел ей навстречу, предложил руку, как истинный джентльмен, и проводил к столу.

Когда перешли в гостиную после обеда, Уэйд забыл свои намерения вести себя, как подобает взрослому, и затеял с отчимом тихую возню, кто сильнее. Бо и Бен не остались в стороне, и вскоре вокруг кресла, куда усадили Батлера, образовалась всеобщая свалка. Скарлетт было сделала попытку пресечь буйство и отправить всех в игровую комнату, но Уилл остановил её. Ему хотелось понаблюдать за Батлером. Мисс Уилкс горячо его поддержала, по-видимому, по той же причине. Вскоре в гостиной поднялся такой гвалт, что Порк, неодобрительно покачивая головой, ушел на кухню. Девочки визжали, «болея» за папочку, а мальчишки, издавая воинственные крики, махали саблями, целились из ружей, доставленных из детской. Закончилось веселье тем, что поверженный Ретт был связан по рукам и ногам как Гулливер. Элла обвила его шею тонкими ручками, жалея и приговаривая, что непременно спасет его.

Мистер Уилкс бросал ревнивые взгляды на соперника, понимая, что тот покорила не только сердца детей. Какая женщина сможет устоять перед его обаянием? Скарлетт почему-то было приятно, что Эшли не умеет так играть с детьми. В глазах Индии стояли слезы, вроде бы от смеха. На самом деле, Батлер, такой же высокий как Стюарт, напомнил ей погибшего жениха. Когда-нибудь он вот так же играл бы с их детьми, а она, замирая от счастья, любовалась бы ими. Сьюлин снова начала завидовать сестре, а Уилл, внимательно наблюдавший за всеми, не находил подтверждения словам мисс О'Хара, когда-то назвавшей Батлера мерзавцем, каких свет не видывал. Зато убедился в правоте старого камердинера: доброта мистера Ретта к детям и снисходительность к их шалостям были безграничны. С одного взгляда на Батлера стало ясно, что только такой мужчина и мог заставить страдать неукротимую мисс О'Хара: умный, ироничный, независимый. Но как бы там ни было, зла он ей не причинит.

– Вот уж кому светского лоска не занимать, да и породы тоже! – слегка позавидовал мистер Бентин. – Сдается мне, за него она вышла совсем не из-за денег.

Батлер за один вечер очаровал всех, ничего для этого специально не предпринимая.

Ретт долго не мог заснуть в эту ночь, пытаясь разобраться в своих очень противоречивых впечатлениях от первого дня в Атланте. Его удивили изменения во внешности и поведении жены. Все, что угодно можно было ожидать от нее: любовников, ярких нарядов, пьянства, скандалов, злобы на него и на всех, но только не кротости. Между тем присутствующие не замечали в ней ничего необычного, значит, для них новый образ строгой, можно сказать, скорбной Скарлетт, стал привычным. Ничто не ускользнуло от его внимательного взгляда: ни нежность в глазах соперника, ни расположение Индии к женщине, которую она всегда ненавидела и презирала, ни явная любовь Бо. Время от времени мальчик подходил к мисс Скарлетт, садился рядом и, уткнувшись ей в плечо, ждал, когда она его поцелует или погладит по головке.

– Это как раз объяснимо, ребенок скучает по матери, и ближе всех ему самая молодая из женщин, которую так искренне любила Мелани. Что ж, все устраивается как нельзя лучше, родственники не прочь назвать Скарлетт своей невесткой! Только сдается мне, что женщина, обретшая, наконец, счастье в любви, должна выглядеть иначе.

Ее лицо было спокойно, казалось, она смирилась со всеми утратами, печально холодные глаза теплели лишь при обращении к сыну. Батлера несколько задело, что она не пытается преследовать его как Эшли.

– Скоро же прошла ее любовь... Да и была ли? Так, почудилось что-то на мгновение... Вон уже и новое гнездышко обустроила, и с каким вкусом! Всё постаралась подобрать под цвет его глаз, – ревниво заключил Ретт, приходя в ярость.

Закурив сигару, он постарался придать легкость и беззаботность своим размышлениям.

– Какого дьявола, сэр, остыньте! Разве вам не наплевать, кто взойдет на это ложе? Или Лиззи слишком переусердствовала, вернув уверенность в вашей неотразимости, хочется подтверждения? Ну так нет проблем, после праздников закатитесь, как в былые времена, в Новый Орлеан, там и убедитесь в своих силах с какой-нибудь квартероночкой!

Но что-то помимо его воли вторгалось в сердце, бередило душу, ломало его намерения, и он никак не мог понять что.

XV

На следующий день он отправился с визитами, посетил свой банк, проверил счета, и уж совсем было собрался к Красотке, чтобы узнать все новости, как встретил мистера Гамильтона и счел необходимым пригласить его на обед. Всегда сдержанный на язык дядя Генри после нескольких рюмочек коньяка вдруг разговорился.

– Заранее прошу простить старика, что вмешиваюсь, это не в моих правилах, но мы как-то сроднились в последние годы, и мне совсем не безразлично, как сложится ваша семейная жизнь. Надеюсь, вы не поверили в сплетню о мисс Скарлетт?

– Ни в коем случае, я хорошо знаю, на что способна моя жена, – с иронией ответил Ретт. – Неужели о них все еще говорят?

– Да, но более говорят о вас, – начал адвокат и остановился, заметив предостерегающий жест Батлера, нежелающего ничего слушать.

– Вам все равно расскажут, – мягко настаивал мистер Гамильтон, – но я, смею надеяться, точнее изложу некоторые недавно открывшиеся для всех факты, хотя, возможно, вам они известны давно.

– Не хватало еще, чтобы он поведал мне историю любви моей жены к мистеру Уилксу, – подумал Ретт.

– Начать надо с того, что мисс Индия признала свою вину, она оговорила вашу супругу, хотя и не злонамеренно, а поэтому постаралась не только сдружиться с нею, но и повлиять на мнение своих сторонниц.

– Еще бы ей не стараться ратовать за честь будущей невестки, – несколько не удивился Ретт, а вслух сухо заметил, – ее раскаяние заслуживает уважения, но она не сможет заменить мисс Мелани. Никто не сможет заменить Мелли.

Неподдельная скорбь появилась на его всегда невозмутимом лице. Дядя Генри понял, что Индия докопалась до истины.

– Я вижу, вам была дорога эта святая женщина. По всему выходит, что наши почтенные матроны правы, утверждая, что вы любили её, и на Скарлетт женились, чтобы быть ближе к Мелани. Когда её не стало, вы покинули жену. Это и есть главная новость, которая занимает всех – легенда о высокой, очищающей любви, превратившей грешника в праведника. Боюсь, что она надолго останется в нашем городе в назидание потомкам.

– Силы небесные! – Ретт в изумлении приподнялся со стула. – Я действительно любил миссис Уилкс, но совсем не так, как полагают. И уж никак не могу претендовать, хотя бы отдаленно, на некоторую идеализацию своей персоны, ибо моя прежняя репутация намного ближе к истине. Боюсь, что все будут сильно разочарованы.

Батлер даже не пытался скрыть удрученности своего состояния.

– Вы встречались с Мелани наедине? – поинтересовался дядюшка.

– Конечно, и не раз, нас связывали очень теплые доверительные отношения.

– Вот и прекрасно, этого вполне достаточно. У вас есть все основания не лишать наших дам веры, что вы способны на чистое светлое чувство, тем более, что это правда. Видите, как много любопытного вы узнали о себе, а еще не хотели слушать, – пошутил мистер Генри.

– Кто же это все выдумал?

– Полагаю, коллективное творчество: Индия нашла какие-то старые письма, что-то услышал доктор Мид во время прощания Мелани со Скарлетт и шепнул своей насадке. Естественно, весь курятник кудахчет об этом до сих пор. Теперь вы представляете, каково положение вашей жены? Многие сочувствуют ей, обвиняя вас в равнодушии, неверности, пренебрежении супружескими обязанностями, ведь всем известно, что вы были частым гостем мисс Уотлинг, если не сказать больше. Но вам даже это прощают.

– Да, мисс О’Хара не повезло, муж из меня не получился, но она еще молода и может найти более достойного претендента.

– Именно так я посоветовал ей поступить. Беда в том, что кроме вас ей никто не нужен, а потому настоятельно рекомендую – забудьте Красотку и объедините ваши спальни, – неожиданно резко ответил мистер Гамильтон.

Ретт опешил и решил подурочить адвоката.

– В отдельных спальнях есть определенный смысл, мистер Генри. – Когда супруги спят вместе, теряется новизна ощущений, ведь недаром монархи лишь изредка остаются в покоях жен.

Дядя Генри усмехнулся и, окинув взглядом крепкую фигуру Батлера, отбросил дипломатию.

– Послушай, мальчик, я, конечно, в ощущениях не сильно разбираюсь, но хорошо знаю, в Атланте королевские забавы не в почете. И если для твоих достоинств одной женщины мало, постарайся, чтобы жена ни о чем даже не догадывалась. Она мне не чужая.

– Ишь, разошелся, старый козел, – думал Ретт, направляясь к дому пешком. – Знай правду, по-другому бы заговорил. А ведь не дурно придумано: любящая жена, беспутный муж, пренебрегающий ею. Кто же здесь такой хитроумный нашелся? Скарлетт слишком прямолинейна для интриг, неужели мисс Уилкс?

Захотелось послать всех к черту и залечь до утра у Красотки, все равно при разводе всю вину придется брать на себя, одним грехом больше, одним меньше...

Мисс Уотлинг еще вчера узнала о его приезде из первых рук: пьяный Эшли, едва держась на ногах, сообщил, что прибыл Батлер. Она постаралась выдворить незадачливого любовника, но не тут-то было. Тот жаждал любви и начал грубить:

– Что засуетилась, хозяин приехал? Думаешь, прямо к тебе сорвется? Как же! Видела бы ты, как он на неё смотрел! Ну, что мне его убить что ли?

– Вы – то здесь причем?

– Может, и не причем, – безропотно согласился Эшли, – а мог бы оказаться и причем.

Лицо его было таким несчастным, что Красотка смилостивилась и принялась его раздевать.

– Получит свое, скорее уберется.

Он ушел только утром, и она не стала отбирать у него ключ. Призвав Хлою, Бель приказала приготовить ванну и благовония, а горничную заставила вычистить спальню так, чтобы все сверкало и благоухало.

Весь день она бегала от окна к окну в ожидании Батлера. Он появился, когда уже смеркалось, трезвый, помолодевший и очень чем-то озабоченный, что не сулило ничего приятного. Поэтому она сразу начала разговор о деньгах, заведение процветало, и прибыль была немалая. Но он взял лишь ту сумму, которую когда-то ей ссудил.

– Возьми хотя бы проценты.

– Оставь себе, пригодятся, я уже не смогу помочь в случае чего.

– Не иначе, как миссис Батлер запретила?

– Разве мне можно что-нибудь запретить? – ответил он вопросом на вопрос, не проявляя никаких эмоций. Однако упоминание жены оказалось неприятным Ретту. Не потому, что он не хотел о ней слышать, не потому, что это делало ему больно, а просто это показалось совершенно неуместным и к этой обстановке, и к его настроению.

– Похоже, что была особа, которой ты ни в чем не отказывал, – вздохнула Красотка, разливая вино в бокалы. – Ловко же ты скрывал свою любовь. Наверно, и вправду была дорога? Любой я бы глаза выцарапала, но не миссис Уилкс.

– Легенда действительно известна всем, – отметил про себя Ретт, но вслух ничего не сказал.

– Давай хоть выпьем вместе! – предложила она.

– Сегодня я хочу быть трезвым.

– У-у-у, какие мы стали недоступные, – пыталась кокетничать мисс Уотлинг, что выглядело довольно смешно в ее возрасте.

Она осушила свой бокал, наполнила его снова, выпила второй и захохотала, сотрясаясь всем телом.

– Значит, с нею ты был душой, со мной – телом, а твоей дурочке жене не досталось ничего! Мне даже жаль её! – говорила она, все сильнее напирая на него грудью.

Ретт отодвинулся. Он вдруг почувствовал, что ему неприятно общение с этой женщиной. В свое время она была красива и любила его, пусть и не бескорыстно. Сейчас перед ним стояла совершенно чужая женщина. Как он мог хотеть прийти сюда? Время ушло безвозвратно, и многое изменилось, а она, кажется, этого не понимает.

Бель, конечно, понимала, что все кончено, ей не удержать его. Но смириться с этим было тяжело. Все ее действия казались ей совершенно идиотскими, но остановиться она уже не могла. По лицу и шее пошли красные пятна, глаза заметали молнии.

– Да плевать мне на тебя! – прошипела Красотка, – захочу и завтра же стану второй миссис Уилкс.

– Каким образом? Разве мистер Уилкс бывает здесь?

– Бывает, ха-ха-ха! – смеялась она. – Он живет здесь! Утром только ушел.

Она подскочила к шифоньеру, открыла дверцу и начала выкидывать мужские рубашки.

– А это ты видел?

– Значит, со Скарлетт его ничего не связывает – почему-то обрадовался Ретт и тут же огорчился, – не в том ли и сокрыта истинная причина ее печали?

– Присядь, Бель, успокойся! Я рад за тебя, он хороший человек, не чета мне. – Голос Батлера звучал спокойно и отчужденно. Ему совсем не хотелось поддерживать скандальный настрой Красотки. В конце концов она была не виновата в том, что он изменился. И он добавил уже более миролюбиво, – Надеюсь, вы будете счастливы.

– Чепуха, он суший ребенок! – Белль вдруг резко остыла и добавила устало, – И никогда не сможет заменить мне тебя.

– Я уезжаю далеко и надолго, – Ретт как будто не слышал ее последней фразы, – давай все-таки выпьем на прощание.

Он налил ей вина и поднял свой бокал. В ушах еще стоял легкий звон хрусталя от соприкосновения их бокалов, когда он, положив ключ на стол, молча удалился.

– Прощай, – махнула она рукой, не глядя ему вслед.

Батлер явился домой лишь к концу ужина, сообщил, что их обед с мистером Гамильтоном затянулся, он только что из-за стола, а потому просит извинить его, и ушел к себе. Гости приуныли, хозяйка явно занервничала, но сумела взять себя в руки. После ужина они, как и в предыдущие вечера, занялись костюмами к Рождественскому балу, до которого оставалась одна неделя. Дядя Генри обещал, что все её гости получают приглашения, поэтому миссис Батлер принимала самое деятельное участие в подготовке к балу.

Ретт, конечно, понимал, что поступил неучтиво, но ему просто необходимо было побыть одному, чтобы прийти в себя, настолько его сбили с толку неожиданные перемены в доме, гости, слухи...

Утром хозяин попросил Порка проводить его через старую кухню, принадлежащую отелю, к мистеру Телфорду. Тот расположился в бывшей спальне Скарлетт и хотел показать

хозяину проведенные преобразования, но Ретт, дойдя до порога своей бывшей комнаты, остановился, находиться здесь ему было невыносимо.

– Я уже никогда не смогу бывать в этой комнате. Так что, если у вас нет предубеждений, занимайте её под свой кабинет, а детскую оставьте, как есть.

Там будто сохранились голоса детей, приятные воспоминания о них обступили его, слились со вчерашними играми.

– Правильно она сделала, что сдала дом, – одобрил Ретт действия жены, – значит ей тоже тяжело, только в отличие от меня ехать некуда.

Они вместе позавтракали с англичанином, почти не разговаривая. Мистер Уильям понимал, что хозяину дома сейчас не до любезностей, он собирался съездить на кладбище.

День выдался пасмурный, так же было и на душе. Смотритель вызвался проводить его, сразу определив, что джентльмен пришел впервые.

– Вот, как всё обернулось, мисс Мелли, вы мечтали о дочке, и теперь она у вас есть. Никому я не смог бы доверить свое дитя, только вам, – думал Батлер, стоя перед их ухоженными могилками.

Он подошел ближе, зажег свечу в лампадке, положил цветы рядом с маленькой елочкой, наряженной детскими игрушками. Кто-то позаботился о его девочке.

– Вы часто здесь бываете? – спросил Ретт пожилую негритянку, сидевшую на скамеечке невдалеке.

– Почитай, каждый день, масса.

– Может, знаете, кто следит за этими могилками?

– Много народу приходит, но чаще других мама этой девочки, когда одна, а то вот с мальчиками была, они елочку поставили. Мэм приходится сестрой миссис Уилкс. Тяжело ей было потерять сразу двоих, по себе знаю.

Батлер дал бедной женщине серебряную монетку и не спеша отправился восвояси, думая о жене. Он до сих пор считал, что ей все нипочем, что у неё нет сердца, что она равнодушна к своим детям. Между тем Скарлетт, ни на кого не полагаясь, в одиночестве несла свою скорбь, в то время, как он, равнодушный и любящий, уехал, оставив на ее попечение и детей, и эти могилы. А ведь клялся на кресте: и в радости, и в горе...

Вечером он опять не вышел к ужину: не хотелось никого видеть, разговаривать, быть любезным. Он поднялся с дивана, откупорил бутылку коньяку, прихваченную с собой из Чарльстона, и, глотнув прямо из горлышка, вдруг смутился. Вспомнились чистые, как у ребенка, глаза Мелани.

– Может, я и вправду любил её, – озадачился Ретт, – или чересчур проникся собственным светлым образом, придуманным матронами? Как бы то ни было, в любом случае мое поведение должно быть достойно её памяти, раз уж наши имена соединили.

Он снова лег на диван, накрылся с головой пледом и не услышал легкого стука в дверь. То был Порк с ужином. Не дождавшись ответа, он пошел обратно на кухню и в коридоре встретил Уилла.

– Капитан Батлер ездил сегодня на кладбище, как бы опять не запил, – высказал он ему свои опасения.

– Оставь поднос, старина, пусть мисс Скарлетт отнесет, – посоветовал Бентин и пошел за свояченицей.

– Возможно, ему неприятно мое присутствие, – колебалась она, но все-таки отправилась в кабинет, молча поставила на столик поднос, на котором аппетитно дымилось жаркое с овощами, а в хрустальном графинчике искрилось вино, и откинула плед.

– Простите, – как хозяйка, не могу допустить, чтобы кто-то умер с голоду в моем доме.

Оказалось, что он действительно проголодался.

– Выпьете со мной? – спросил Ретт, вставая с дивана, чтобы принести второй бокал.

Скарлетт жестом остановила его. Когда же он, отпив немного, поставил бокал, она тоже сделала несколько глотков, он допил остатки.

– Я сегодня ездил к ним.

Она осторожно коснулась его руки. Он не заметил, погруженный в свои мысли.

– Я думал никогда не смогу произнести вслух имя дочери, никогда не смогу разговаривать с вами, с другими детьми, пить вино, ухаживать за женщинами. Но оказывается можно жить, потеряв все. Вас это не удивляет?

– Нет, со мною ведь это происходит не в первый раз.

Он посмотрел в ее печальные глаза, и ему нестерпимо захотелось прижать эту темноволосяную головку, так похожую на Бонни, к своей груди. Почему-то раньше он не замечал их сходства, может потому, что взгляд жены редко был обращен к нему, а может быть тоска по дочери, желание увидеть родные черты заставили по-иному посмотреть на Скарлетт. Ведь если девочка вышла из ее плоти, значит и в ней должно сохраниться что-то от дочери. Он вдруг впервые почувствовал, что она единственная женщина на свете, которая может и не всецело, но чем-то очень важным принадлежит только ему. И никуда от этого не уйти. Да и нужно ли уходить?

Ему казалось, что, расставшись, будет легче, но легче было сейчас, рядом с нею, погрузившись в тяжкие воспоминания. Они тонули, растворялись в то ли растущей волне нежности, то ли жалости к этой тонкой шейке, которую еще недавно ему так хотелось свернуть своими руками. Поднятые вверх пряди волос делали ее юной, беззащитной, трогательной. Тихий голос успокаивал, маленькая ручка нежно гладила его руку.

– Я подумал, что надо быть очень осторожными со словами. Помните, как вы возмущались, что беременны, а я посоветовал отдать ребенка мисс Мелли... И вот теперь они там вместе... А уж с последним... я сам... сам погубил своих детей.

Ретт говорил сбивчиво, сначала медленно, потом все быстрее, словно опасаясь, что не сможет сказать всего, или, что она не захочет слушать.

– Это был первый ребенок, которого я действительно очень хотела, – со слезами на глазах промолвила Скарлетт.

– Я столько причинил вам горя, простите ли вы меня когда-нибудь? – спросил он.

– Будет вам... будет... я ни в чем не виню вас... и тогда сказала страшные слова в запальчивости, а совсем не потому, что так думала... Так уж получилось... такая наша с вами доля... может наказание божье за то, что весело жили, думая только о себе. Хотя ведь вы много отдали сил и денег этой Конфедерации, а я, как вы говорите, белому слону в графстве Клейтон. Но видно, что-то не так делали, если Бог покарал нас...

Общее горе изменило их обоих, сблизило, заставило забыть гордость и покаяться друг другу. У себя в спальне она еще долго сидела с глазами, полными слез, пытаясь сохранить очарование только что испытанного сопереживания, душевного единения. И с кем? С Реттом, который в жизни не сознался бы, что нуждается в её участии.

– Вдруг он завтра пожалеет об этой минуте откровенности и возненавидит меня, свидетеля своей слабости? – испугалась Скарлетт и с утра ушла в лавку.

Однако вечер прошел на редкость мило. Супруг не уделял ей особенного внимания, но когда их взгляды встречались, не делал вида, что забыл вчерашний разговор. За ужином посторонних не было, мистера Телфорда в доме считали своим человеком. От того всё было просто, по-домашнему: дети сидели за столом вместе со взрослыми, и даже Сьюлин перестала подчеркивать свою благовоспитанность. Девушки Тарлтон поначалу смущались присутствия мистера Батлера, прыскали от смеха по самому незначительному поводу, стесняясь смеяться громко.

Но уже после ужина, наравне с детьми, старались привлечь его внимание. Им очень хотелось знать, понравятся ли присутствующим джентльменам их карнавальные костюмы.

Предполагалось, что бал будет костюмированным. На самом деле, солидные мужчины, как и в прошлые годы, будут во фраках и в лучшем случае лишь закроют лица масками, что ни есть, самыми дурацкими, или чудовищно пугающими; матроны же, напротив, все как одна, выберут маски прекрасных дам. И только молодежь даст волю своей фантазии, представ в самых невероятных костюмах.

Девушки, не сговариваясь, выбрали по журналу одинаковые наряды лесных фей. Это были очень красивые бальные платья из легкой ткани с необычными украшениями из блесков, гирлянд, зелени и цветов, доставившими всем немало хлопот. Они очень долго подбирали тон материи, который подходил бы к их ярким волосам. В конце концов, остановились на бледном сиреневом для Камиллы и бирюзовом – для Рэнды.

– Вы будете самыми красивыми феями на этом бале! – заверил их Ретт и тут же дал несколько ценных советов, как добиться этого.

– А какой у вас будет костюм, миссис Батлер? – спросил полковник, желая втянуть ее в общий разговор.

– Что-то вроде ночи, я еще не совсем придумала, – ответила Скарлетт.

– Ваша жена даже в своей печали – прелестнейшая из женщин, – тихо прошептал мистер Телфорд, наклонившись к плечу Батлера, – впрочем, у такого мужчины другой и не могло быть.

– Да уж, – подумал про себя Ретт, – принцесса и орангутанг, что может быть лучше?

Ему всегда приходило в голову это сравнение, когда в первый год их брака он видел в зеркале ее бело-розовое личико на фоне своей волосатой груди. Правда, Лиззи говорила, что мужчин украшает такая растительность и возбуждает в женщинах особые ощущения. Очевидно, не во всех женщинах...

XVI

Жизнь в особнячке, так они называли новый дом, текла своим чередом.

Днем Скарлетт старалась быть в лавке, а вечерами всеобщее внимание привлекали сестры Тарлтон с их непревзойденной способностью веселиться от души. Девочки тихо играли в куклы в уголке за диваном, мальчики уходили шуметь в детскую.

Когда приходил мистер Телфорд, Камилла садилась за фортепиано, и они пели вдвоем, либо он, сам себе аккомпанируя, напевал приятным голосом старинные английские и шотландские баллады. Мистер Уильям принадлежал к тому счастливому типу джентльменов, которые умеют поухаживать за женщиной, но при этом никто не возомнит, что он волочится за нею.

– Пожалуй, от такого зятя отказываться не стоит, – с интересом наблюдал за ним Ретт. – Надо написать Элоизе, чтобы поторопила Розмари с решением.

Скарлетт вспоминались другие вечера, в доме тети Питипэт, когда на фортепиано играла она, Ретт подпевал ей, а потом маленький Уэйд засыпал у него на руках.

Батлер и сейчас охотно занимался детьми: посещал с ними детские праздники, катал в коляске по Атланте, при этом кланялся знакомым матронам, которые останавливались и одобрительно смотрели им вслед. Забота об Уилксе-младшем не оставила сомнений в его любви к Мелани даже у самых недоверчивых из них, а изменения в поведении Скарлетт многие стали принимать за ее желание быть похожей на подругу с тем, чтобы завоевать сердце своего мужа.

Мисс Уилкс распирало чувство гордости от того, как она сумела разгадать тайну взаимоотношений Батлеров и Уилксов. Эшли больше не появлялся в доме, Бо приводила Индия, иногда с ночевкой, мальчик уходить не хотел. Мистер Батлер против этого не возражал – нельзя лишать ребенка семьи, в которой ему нравится пребывать. Осенью они с Уэйдом вместе пойдут в школу, пусть привыкают друг к другу.

Ретт с облегчением видел, что Скарлетт занимается детьми, они привыкли жить здесь, и ни в чем не нуждаются, разве что в присутствии отца.

– Стало быть, надо приезжать чаще, но на правах кого, если мы разведемся? Потерпит ли мистер Уилкс, чтобы дети почитали отцом предыдущего мужа?

– Па, ты останешься до моего дня рождения? – как-то спросил Уэйд и замолчал, вопрошающе глядя ему в глаза.

Про себя и с друзьями он уже давно так называл отчима, но вслух произнес впервые, и теперь хотел понять, не против ли этого Батлер. Ретт был тронут до глубины души, но постарался не смущать мальчика излишними восторгами.

– Непременно, сынок, останусь, я для того и приехал. Тебе исполнится двенадцать лет, и нам надо всерьез подумать о твоём обучении.

В те годы отсутствовала единая система образования не только на Юге, по всей стране. Городские школы не работали, а учреждение частных школ, колледжей и университетов осуществлялось по инициативе общественных организаций – городского совета или совета графства, конгресса, сената штата. Школьная программа обычно включала арифметику, чистописание и письмо, древнюю историю, географию, рисование, природоведение, литературу. Строгая дисциплина отчасти поддерживалась с помощью розог, а хорошие знания полностью зависели от образованности самого учителя.

Проконсультировавшись с миссис Мид по поводу частных школ, он наведалься в городской совет, где ему порекомендовали школу миссис Харпер, имеющую прекрасную репутацию. Директриса, она же учительница, являлась дипломированным педагогом. Батлер счел необходимым встретиться и с ней.

Миссис Харпер оказалась высокой властной дамой лет сорока, довольно приятной наружности. Она не стала скрывать, что окончив престижную женскую семинарию, вспомнила о своем образовании, лишь, когда осталась вдовой. Надо было на что-то жить, и ей удалось открыть школу на первом этаже своего двухэтажного дома.

– Класс у нас один, комната – большая, детей немного – не более двух десятков. Мальчики и девочки, в возрасте от восьми до шестнадцати лет, занимаются вместе, – рассказывала директриса, с интересом наблюдая за собеседником. – Безусловно, к поступлению в университет нужно готовиться отдельно, но развитию грамотности я уделяю достаточное внимание. Мы пишем много диктантов, много читаем, хотя не выходим за рамки списка писателей, рекомендованных попечительским советом штата, много бываем на природе. Весной, осенью и летом ходим на экскурсии в поле и леса, собираем гербарии, изучаем повадки зверей и птиц. С младшими детьми мне помогает миссис Мид, она тоже любит природу. Вы не поверите, но об этих походах иные питомцы помнят всю жизнь.

– Ну почему же? Верю. Я тоже учился в школе, потому и решил с вами познакомиться, зная какое влияние может оказать на ученика его наставник. Не обязательно обладать незаурядным педагогическим талантом, достаточно быть добрым человеком, чтобы ученики сохранили самые теплые воспоминания о своем первом учителе.

– Я с вами согласна, не обязательно учителю хорошо рисовать, чтобы способствовать развитию художественных способностей учеников.

Они произвели друг на друга благоприятное впечатление: она своей обходительностью, а он тем, что никогда не оставляло женщин равнодушными – своей мужественностью. Разумеется, она слышала о нем, но не показала виду, он отнюдь не разочаровал её. Мистер Батлер поцеловал ей руку на прощание, пообещал, что Уэйд Гамильтон и Борегар Уилкс приступят к занятиям с осени, и пожелал, чтобы её питомцы стали уважаемыми членами общества: учителями, врачами, судьями...

В былые времена такое пожелание из его уст было бы принято за насмешку, прежде всего им самим. Но миссис Харпер отнеслась к нему вполне серьезно, да и Ретт не заметил в себе фальши. Все изменилось – дом, жена, город, и он сам.

Накануне бала, когда шли последние приготовления, Уилл, наблюдая женскую суету, как бы случайно, присел возле Батлера на диван и попытался навести разговор на свояченицу.

– Однажды в Таре женщины шили платье из бархатных портьер, больше не из чего было, а волновались вот как сейчас, словно собирались на бал, и мисс Мелли, и Мамушка. – Мы полагали, что мисс О'Хара едет к вам, а она возьми да выйди замуж за мистера Кеннеди. А все-таки, от судьбы не уйдешь, вы вместе!

– Да, – согласился мистер Батлер, и по его тону Уилл не понял, рад ли он этому, и каковы его намерения в будущем.

Ретт хорошо помнил то платье, их свидание в тюрьме, и ее руки в мозолях. Каким чудовищем надо быть, чтобы посмеяться над девочкой, доведенной до крайности? Конечно, он был оскорблен ее обманом, тем, что не сочувствие, а деньги заставили Скарлетт прийти к нему, и действительно ничего не мог сделать в той ситуации. Страшно подумать, что могло произойти, не окажись старина Фрэнк на её пути...

– Так ли уж не было выхода? – задумался Батлер. – Был, и очень простой, всего лишь заставить Красотку выплатить часть его прибыли, вряд ли прежняя Скарлетт отказалась бы принять деньги из её рук. А вот теперешняя Скарлетт неизвестно как бы поступила. Это уже не та девочка, которую можно было читать как книгу.

Его настороженно-внимательный взгляд против воли все чаще обращался к жене. Темное платье придавало ей совсем юный и в то же время строгий вид. Небольшой трапецеидальный вырез на платье открывал стройную шею, подчеркивал округло нежную линию подбородка,

горделивую посадку головки, красиво обрамленной мягкими волнами темных прекрасных волос, курчавившихся на висках.

Он всегда видел только ее глаза, поражавшие, как выразился тогда Эшли, неумной жаждой жизни, и почему-то не обращал внимания на брови, роскошные, удивительно красивого очертания. От переносицы волоски направлялись вертикально вверх, потом собравшись вместе, ровной длинной линией с едва заметным изломом книзу где-то на уровне внешнего уголка глаза, почти не утончаясь, убегали к вискам.

– А ведь именно брови более всего отражают её характер, или скорее, мои представления о нем, – заключил Ретт. – Начало говорит об упрямстве, решимости идти напролом, середина – об умении собраться в нужный момент, излом, – о способности круто изменить свою судьбу, а окончание – предсказывает успех. Только что считать успехом? Если количество денег, то она преуспела. Тогда что же её мучает? Опять безответная любовь? Не помню, чтобы раньше это мешало ей наслаждаться жизнью. И он с ещё большим вниманием вглядывался в лицо жены, будто видел его впервые.

Скарлетт чувствовала его взгляд, густые темные ресницы трепетали от смущения и... затаенной страсти. К ней вернулось то волнение, которое она испытывала в его присутствии до брака. Теперь она знала, что оно означает, но в его взгляде не было и намека на страстное желание, лишь теплота и участие. Да и эти чувства относились не к ней, а к памяти об их общей потере. Она очень хорошо понимала – это единственное, что их связывает. И если она хочет сохранить, хотя бы то малое, что осталось, не надо напоминать ему ни об их браке, ни уж тем более о своей любви.

Он стал другим, судя по их беседам с полковником, снова безупречно одет, подтянут и совсем ничего не пьет. Манеры тоже изменились: исчезла нарочитая вежливость поклонов, язвительность слов, и даже его поганая ухмылочка. Он нисколько не уступает мистеру Телфорду, а уж тот истинный английский джентльмен. Должно быть, и женщины ему нравятся теперь тоже другие.

– Как он тогда сказал про Атланту – слишком неотёсанна, слишком молода? Так же, наверное, он думает и обо мне.

Скарлетт почувствовала себя серой мышкой: ростом она для него мала, да не так уж и красива. Это молодых ребят привлекали ее бойкость и задор. А что может покорить Ретта? Красота, ум, благородство – то, что было в её матери и чего совсем нет в ней. Может, все это он уже нашел в какой-нибудь знатной даме? Леди Чайзвик, к примеру, о которой они так часто упоминают с мистером Уильямом.

Когда-то, очень давно, она уже слышала это имя, кажется, у тети Полин на плантации. Якобы отец англичанки приходился по материнской линии кузеном самому Джону Леонарду Батлеру, хотя наверняка этого никто не знал. Тетушке не очень нравилось, что на правах родственницы, она близко сошлась с семейством Батлеров. В голосе мужа Скарлетт уловила нотки, заронившие в ней сомнение, что его связывают с этой женщиной только родственные отношения.

– Да ведь она должно быть не так уж молода, зато настоящая леди и, возможно, сумела стать для него тем бальзамом, который вернул ему душевное спокойствие.

Чтобы не выдать своих мыслей, она прятала глаза и от Ретта, и от всех вообще, чем немало озадачивала его.

– Что же она скрывает? Эта печаль, эта трепетность – не тонкая ли игра опытной кокетки? – гадал он, как и в первый вечер приезда, и тут же гнал прочь сомнения, не желая нарушать гармонию, которая установилась в его душе.

Мысленно он уже расстался с нею, как с женой; годы брака будто выпали из его памяти, растворились в пьяном угаре, и он мог позволить себе спокойно созерцать своеобразие этого оборожительно-нежного создания, вызывающего в нем щемящее чувство жалости, нежности и умиления. Что-то подобное он испытывал к Бонни, но не только это. В тонких чертах лица Скарлетт появилась особая прелесть, печальная одухотворенность... хотелось укрыть ее от всех бед.

– Может быть, Мелли специально оставила какие-то записи, чтобы защитить любимую подругу? – неожиданно подумал Ретт. – Не понадеялась на меня, решила и после смерти прикрыть её крыльями своей безупречной репутации. Все правильно, какую защиту мог обеспечить человек, решивший выпить все виски на свете и находившийся почти в бессознательном состоянии? Но теперь, дорогая миссис Уилкс, в память о вашем милосердии, я готов заботиться даже о вашем супруге, не то, что о своей бывшей жене. Я поддержу любую её игру, если это поможет ей занять достойное место в обществе.

XVII

Наконец наступил заветный вечер рождественского бала, которого все так ждали. Потому как Скарлетт долго наряжала девушек, особенно Камиллу, Уилл понял, насколько ей хочется устроить их судьбу. И его не удивило, зато мисс Сьюлин привело в крайнее изумление.

– Не припомню, чтобы сестра в ком-нибудь принимала такое участие, тем более в привлекательных девушках моложе себя, – отметила она.

По летам девицы Тарлтон были не на много моложе, но жизненный опыт, который Скарлетт приобрела на своем нелегком пути, заставлял её чувствовать себя бабушкой Фонтейн рядом со своими сверстницами. Она уже никогда не сможет вот так волноваться, собираясь на бал в ожидании чуда. Но, оказывается, помогать другим испытывать такие чувства – тоже приятно!

– Скарлетт пришлось нелегко с нашими украшениями, – сообщила Рэнда, когда девушки спустились в холл, где их ждал Уилл, – но вроде все держится крепко.

Камилла для убедительности тряхнула головой, и не одна блеска не отвалилась.

Сама хозяйка очень быстро облачилась в костюм ночи – черное платье из тонкой ткани с серебряными прожилками, воланы из легкой дымки всех оттенков серого цвета, переходящего в белый, легким облачком окружали ее гибкий стан. При движении они напоминали клубящийся туман. Из украшений она позволила себе лишь старинный серебряный медальон в виде сердечка, первый подарок Ретта после свадьбы. Она никогда не надевала его, считая слишком дешевым украшением, теперь же подивилась тонкости работы и заметила на тыльной стороне медальона слова на непонятном языке, выгравированные затейливой вязью.

– А ведь это талисман, хорошо бы узнать, что там написано! – подумала Скарлетт, завершая свой наряд черной с серебром полумаской, отороченной по нижнему краю кружевной оборкой.

Пока девушки размещались в карете, к воротам подъехала коляска мисс Питтипэт. Сьюлин, опасаясь, что неумные сестры Тарлтон помнут её платье, изъявила желание поехать с Индией.

– Дольше усаживаются, чем ехать, – посетовал дядюшка Питер, всегда все знавший.

Действительно, ехать было недалеко, бал проходил в доме губернатора, располагавшемся по – соседству. В наступающем году предстояли выборы, и глава штата, надеясь на переизбрание, устроил небольшой прием перед вечером для самых активных своих сторонников, немало сделавших для прихода к власти демократов. Здесь были не только «старая гвардия», но и северяне – выходцы из богатых семей, привлеченные деловой жизнью Атланты, и даже некоторые бывшие офицеры-янки, которые после отставки решили стать южанами.

Ретт тоже присутствовал. Губернатор слышал о несчастье, постигшем Батлера, и уже не надеялся, как и другие, увидеть его прежним – энергичным, рассудительным и самым осведомленным из своих советчиков. Когда же ему доложили, что Батлер в городе, он поспешил отправить приглашение, с нетерпением ожидая встречи. И не зря – тот, как никто более, был в курсе событий, вызванных кризисом. Всем собравшимся было интересно послушать его мнение. Власть по всему Югу установилась демократическая, но жизнь не стала легче. Толпы белой и черной рвани со всего мира стекались в Джорджию. Батлер подтвердил, что в Нью-Йорке то же самое, да наверняка и по всей стране.

– Население США выросло за эти годы в четырнадцать раз за счет мигрантов. Может, мы и стоим на пороге экономического скачка в своем развитии, но и проблем будет немало с толпами голодных людей, – заметил он. – Тем не менее, не будем вечером огорчать наших дам грустными разговорами о кризисе.

Джентльмены согласились. Некоторым не терпелось обрядиться, хотя бы на время танцев, в атласные домино, чтобы сохранить интригу маскарада, предоставляющего большую свободу поведения, где можно не только развлекать своих жен и их вдовых подруг, но и не оставить без внимания понравившуюся незнакомую маску. Теперь, правда, молодым женщинам, и замужним и вдовам, разрешалось и без маски танцевать с друзьями семьи, и не только, если получится. В послевоенные годы традиции стали не столь крепки. Нельзя постоянно жить в трауре, его и так было слишком много. Толика радости на бале никому не помешает – это стали признавать даже матроны, особенно те, чьи дочери остались вдовами. Терпимее относились и к бракам с янки: все чаще, южанки, боясь остаться в старых девах, заключали ненавистные союзы, рождались дети, и противоречия сглаживались.

К прибытию дам мужчины, возглавляемые губернатором, уже толпились у входа в балльную залу, встречая приглашенных, оценивая их наряды и намеренно делая вид, что незнакомы, даже если кого-то узнали сразу. У кавалеров глаза разбегались от обилия цветов, лент, кружев, загадочных масок, чье внимание им особенно хотелось привлечь.

Женское общество как обычно разделилось: девушки и молодые замужние дамы, которых еще волновала музыка и веселье, держались на виду с тем, чтобы не остаться без приглашений на танцы. Пожилые дамы, которых в своей жизни уже ничего не волновало, и они питали себя сплетнями о чужих жизнях, восседали в беседках, устроенных в нишах между колоннами, поддерживающими галерею верхнего этажа. Здесь были почтенные матроны, представительницы разных комитетов, дамы-попечительницы.

В правом от елки углу располагалась самая большая беседка, в которую Индия и препроводила тетю Питти, где уже собрались её приятельницы. Они тут же принялись расспрашивать мисс Уилкс о Батлерах, это было их первое появление на людях после всех печальных событий уходящего года. Все отметили, как помолодел Батлер после своей поездки, никто не знал куда.

– Он был в Нью-Йорке, а потом заехал к матери, – сообщила Индия. – Очевидно, сейчас мужчины расспрашивают его о последствиях кризиса.

– Мне писали из Чарльстона, там все от него без ума, – похвасталась своей осведомленностью миссис Мерриуэзер.

– Мистер Батлер – замечательный человек, не любить его невозможно, – грустно произнесла Индия, – достаточно хотя бы раз увидеть, как он играет с детьми.

– Смотри сама не влюбись, – всполошилась тетя Питти.

– Завоевать его любовь даже Скарлетт не просто, куда уж мне-то, тетушка, опомнитесь.

Дамы задумались, а затем начали обсуждать все изменения в Скарлетт, не ускользнувшие от их жадного внимания, хотя видели они ее редко, неизменно в темном одеянии, почти как в трауре.

– Неужели она так любила Мелани или грехи замаливает? – обратилась миссис Мерриуэзер к Индии.

– Я часто бываю у них и убедилась, какой преданной и бескорыстной подругой может быть Скарлетт. У нее сейчас гостят девушки, которые могли бы стать моими золовками. Она заботится о них в память о дружбе семейств О'Хара и Тарлтонов. Как старательно она собирала их на бал! Впрочем, сами увидите.

Миссис Боннэл приложила платочек к глазам, вспомнив Эллин Робийяр, дамы стали ее успокаивать, а Индия постаралась незаметно выскользнуть из беседки. Её очень беспокоил брат. После приема у губернатора он уже был хорошо навеселе и, забыв свои благие намерения не компрометировать миссис Батлер, не отходил от неё ни на шаг. Хью Элсинг, всегда боявшийся, что его выбор не понравится матери, глядя на друга, тоже осмелел и пригласил Рэнду сразу на все танцы. Она больше, чем сестра, подходила ему по росту.

– Большая кадрили много значит, потому не обещайте ничего первому, кто подойдет, – наставляла Скарлетт, – ну, да ладно, Рэнда, не огорчайся, мистер Элсинг – подходящий кавалер.

– А если вообще никто не пригласит? – заволновалась Камилла.

– В крайнем случае, у нас есть мистер Батлер.

– С кем же ты будешь танцевать?

– Я свое оттанцевала, лучше полюбуюсь вами.

Впервые в жизни она отказывалась от танцев, несмотря на вполне праздничное настроение. Уж очень хотелось выдать подруг замуж. Хотя она была уверена, что в браке мало бывает хорошего, но все же лучше, чем остаться одинокой, как бедная Индия, или уйти в монастырь, как Кэррин.

Мистер Телфорд, принимавший участие в оформлении зала, каким-то образом догадался, что мисс Скарлетт не захочет присоединиться ни к одному из составившихся кружков, и позаботился оставить места для Батлеров в ближайшей к выходу самой уютной беседке. Отсюда весь зал, украшенный сосновыми ветками, гирляндами и флажками, был как на ладони. Возле окон сверкала огнями рождественская елка. Слева от неё соорудили небольшую сцену, где приглашенные актеры развлекали публику, постепенно заполнявшую зал, смешными сценками, играми, песнями и фольклорными танцами. Им потихоньку подыгрывал оркестр, разместившийся на хорах.

Распорядителем бала уже не первый год был актер местного театра. Его хорошо знали и любили – красивый, еще не старый добродушный холостяк, мгновенно влюблявшийся в каждую хорошенькую женщину. Скарлетт еще у двери была замечена героем-любовником и приняла его приглашение на большую кадрили, надеясь, что к началу бала он про неё забудет. Она старалась не смотреть в сторону важных персон, среди которых находился ее муж, но не думать о нем было трудно, тем более, когда за её спиной женский голос довольно кокетливо произнес:

– Какой все-таки интересный мужчина этот мистер Батлер!

После церемонии встречи едва они с губернатором на несколько минут уединились у окна, как их тут же обступили сторонники-демократы, оживленно о чем-то беседуя. Некоторых из них Скарлетт хорошо знала, многих видела впервые.

Пары уже начали собираться в центре зала, готовясь к большой кадрили, а Батлер все еще не мог отделаться от любителей поговорить. Вопросы не только не прекращались, но начали перерастать в дебаты.

– Друзья, наши дамы не простят мне, что я оставил их без кавалеров на рождественском балу, – отшутился он, и молодые служащие его горячо поддержали.

Они уже давно с нетерпением ожидали удобного случая, чтобы отправиться приглашать девушек. Но один из них остался возле Батлера. Это был новый секретарь губернатора – Джеймс Дормонд из Бостона.

– Я прибыл недавно и никого еще здесь не знаю. Боюсь, что танцевать мне будет не с кем.

– Идемте, я представлю вас одной фее.

– Идите, юноша, Батлеру можно доверять и в этом вопросе, – посоветовал губернатор, который решил лично пройтись в большой кадрили, открывая бал.

Камилла все еще ждала приглашения, когда перед ней предстал мистер Батлер, а рядом с ним высокий темноволосый юноша. Безмятежно-правильные черты лица его казались невыразительными, но в улыбке пряталась ирония, а при взгляде на девушку затеплился огонек.

– Мисс Тарлтон, позвольте представить вам моего протеже – мистер Дормонд. Не найдется ли у вас свободного танца для него?

– Большая кадрили – ваша! – пообещала девушка, восхитившись про себя предусмотрительностью подруги, та словно знала, что появится кто-то особенный!

Нескольких минут рядом с Батлером оказалось достаточно, чтобы Камиллу заметили и оценили её красоту. Высокая девушка с золотисто-рыжими волосами была ему под стать. Вырез платья открывал белоснежную крепкую шею, а в улыбке сквозили теплота и радость. Приглашения последовали одно за другим, и она распределяла их по порядку – вальс, короткая кадрили, полька, третья кадрили, мазурка...

Скарлетт не слышала, что Ретт говорил Камилле, лишь отметила, как она подходит ему, но ревность не шевельнулась в ее душе. Что ревновать того, кто тебе уже не принадлежит. Вопреки ожиданиям распорядитель не забыл о ней, и они первой парой повели большую кадрили. Он успел объяснить за время танца, предложить руку и сердце и, узнав, что она замужем, больше не приглашал. Не обнаружив Батлера среди танцующих, Скарлетт удалилась в беседку, где без помех могла наблюдать за танцующими. Сами собой в памяти предательски всплывали картины благотворительного бала во время войны.

– Ваши глаза – как два драгоценных сосуда, наполненных до краев прозрачной зеленоватой влагой, – будто услышала она голос Ретта.

– Вы танцуете божественно. Мне еще не доводилось танцевать с такой великолепной партнершей.

– Не прижимайте меня к себе так крепко, капитан Батлер. Все на нас смотрят.

– А если бы никто не смотрел, тогда бы вы не стали возражать?

– Вы забываетесь, капитан Батлер.

– Вот уж нет. Разве это возможно, когда я держу вас в объятиях?..

Память возвращала ей слова, когда-то сказанные им...

Батлер не собирался сегодня быть обходительным кавалером и развлекать дам. Он отправился в соседнюю комнату, где были приготовлены столы для покера, но, заметив там мистера Гамильтона, вернулся в зал.

– Ради соблюдения приличий, придется, наверное, пройти с супругой в туре вальса. О-о-о, да она, кажется, заполучила свою луну!

Мистер Уилкс, рискуя разрушить удобную легенду, занял место рядом с его женой. Не обращая внимания на Уилла, он принялся убеждать Скарлетт, что они взрослые люди, что все равно будут вместе, так зачем ждать окончания траура? Ответа он не получил. Погруженная в свои мысли, Скарлетт не услышала его слов, как не заметила и того, что Ретт давно наблюдает за нею.

– Почему-то надела мой медальон, впервые и именно сегодня, – удивился он.

Ретт купил его ещё в блокаду на Кубе, у старой испанки. Как сейчас слышался ее глухой голос:

«... вещичка не простая... с наговором, сила любви в нем, смотри не дари случайной женщине, не отвяжешься... подари той, что будет тебе дороже жизни...».

Он уже знал тогда, кому его подарить.

– Возьми мое сердце, дорогая! – пафосно произнес он после первой брачной ночи, со своей обычной саркастической улыбкой, которой прикрывал ожидание и надежду на ответное чувство.

Любимая даже не сочла нужным скрывать своего разочарования от такого подарка, приняв его за очередную насмешку над ее вкусом. Ей было невдомек, что на самом деле подразумевал супруг под этим кусочком серебра, возведя его в символ неистового желания принадлежать ей одной. Он хотел отдать ей свое сердце, свою любовь, свою жизнь. Сколько женщин добивалось этого, а ей оказалось ненужным. Тогда он посчитал, что блеск золота ей дороже, и сейчас давняя обида вроде шевельнулась в сердце, но разум заглушил ее. Откуда девочке было знать о его фантазиях? Разве он признавался ей в чем-либо или, шутя и насмешничая,

хотел, чтобы она воспринимала его слова и поступки серьезно, с полной ответственностью? Так не бывает.

Ретту вспомнилась прежняя неукротимая, бесшабашно сражающаяся с ним, искренняя, забавная зеленоглазая девчонка, не побоявшаяся выйти замуж за человека сомнительной репутации. Ему захотелось хоть на миг вернуться к тому балу, с которого начались первые ухаживания за миссис Гамильтон, и не было ещё горестных лет их брака, а только легкий флирт, улыбки, взгляды, касание руки и ожидание чего-то большего. Он поднялся на хоры и попросил сыграть старый вальс «В час победы нашей».

При первых звуках незабываемого вальса слезы навернулись на глаза Скарлетт, а губы сами прошептали слова:

Милый, помнишь нашу встречу?

Ты у ног моих

Мне в своей любви признался...

Помнишь этот миг?

– Прекрасная Незнакомка, окажите мне честь, потанцуйте со мной! – словно по волшебству раздался чарующий голос, и Ретт склонился перед ней, приглашая на вальс.

Его рука уверенно легла на талию, сердце её замерло, и она как бы случайно чуть ближе и чуть крепче, чем положено, прижалась к нему.

– Все бы отдала, чтобы остаться с ним наедине сейчас, – думала Скарлетт.

– Вы танцуете божественно, но не прижимайтесь ко мне так крепко, прекрасная маска. Все на нас смотрят, – притворно испуганно произнес Ретт.

Скарлетт залилась краской и отпрянула от него, но не продвинулась ни на дюйм. Он держал её так плотно, что она чувствовала тепло его мускулистого тела. Подняв на него глаза, она поняла, что он поддразнивает её, как прежде, раззадоривает, ждет от неё ответных дерзостей.

– А если бы никто не смотрел, тогда бы вы не стали возражать? – ответила она с вызовом.

– Это легко проверить, – и он коснулся губами ее виска.

Одна мелодия сменяла другую, а они не расставались, и туман ее платья клубился вокруг них. Эшли видел, как их тела слились в танце, физически ощущая их тягу друг к другу. Как ему хотелось быть на месте Батлера! Глаза Ретта недобро сверкнули, перехватив ревнивый взгляд соперника.

– Идемте, – повелительно сказал он, едва оркестр смолк.

– Куда он её повел? – вскочил мистер Уилкс, но Уилл крепко ухватил его за локоть.

– Не мешайте им, она его жена, не так ли?

Они пришли в зимний сад, где за пальмами стояли укромные скамеечки, и на многих из них восседали парочки. Ретт взял ее руку, он чувствовал, как трепещут ее пальцы, но лицо оставалось невозмутимым.

– Вы уроженка северных широт, – спросил он, – там, где бывают белые ночи?

Она решила поддержать его игру в только что познакомившихся людей.

– Это не белая ночь, туманная. Мне часто снился один сон, что я кого-то ищу в тумане, а потом поняла, туман – это моя любовь, я искала ее, но не нашла. Кажется, вот она, рядом, протяни только руку, а туман проскользнул, рассеялся и нет ничего.

– Ваш медальон утверждает другое: «Сильна как смерть – любовь!»

Он повернул медальон тыльной стороной и погладил надпись большим пальцем, коснувшись при этом её груди.

– Поцелуйте меня! – прошептала она уже не в силах сопротивляться охватившему её желанию.

Он молча встал, взял её за руку и быстро повел к выходу.

– Я же знала, что не надо говорить о своих чувствах, я все испортила, – чуть не плакала Скарлетт.

Также быстро они прошли каким-то коридором и остановились перед дверью. Ретт достал из кармана ключ, открыл дверь и увлек ее в комнату, освещенную лишь уличным фонарем. Отбросив в нетерпении маску, Скарлетт надолго приникла к его губам, руки сами обвились вокруг его шеи... Она подумала, что грезит наяву, почувствовав в его объятиях такое же нетерпение.

– Вы хотите прямо здесь... сейчас? – растерялась она.

– Не все ли равно, где и когда, – ответил он, легко поднимая ее.

Все случилось так неожиданно. Еще вчера не было и намека на страсть, они не испытывали друг к другу ничего, кроме желания разделить общую боль, преодолеть её, найти что-то в жизни, за что зацепиться, чтобы идти дальше, причем каждый своим путем. Легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы вспыхнуло пламя...

Когда во время кадрили Джеймс сообщил, что он из Бостона, сердце Камиллы оборвалось – «саквояжник», мать убьет ее, если узнает, с кем она танцевала. Но юноша настолько смутил её покой, что оба свободных танца – первый и последний вальсы, были отданы ему.

– Если бы не предусмотрительность Скарлетт, не осталось бы и этих, – пожалела Камилла, что так щедро раздала все танцы.

Она уходила с очередным кавалером, а симпатичный юноша коротал время с Уиллом в беседке. Как только музыка смолкала, Камилла поспешно возвращалась, пока мистер Бентин не предложил им погулять в зимнем саду.

– Как же быть с приглашениями?

– Мисс Сьюлин заменит вас.

Наконец, молодые люди смогли поговорить без помех. Он немного рассказал ей о себе. В английских аристократических семьях издавна существовала традиция посылать молодых людей в колонии, дабы пройти жизненную школу, необходимую для представителей правящего класса. А поскольку его мать была англичанкой, Джеймс был послан в Южную Африку, где были открыты алмазные россыпи. Ему пришлось побывать среди негритянских племен, познакомиться с их обычаями, прежде чем он оказался секретарем губернатора в Атланте.

Она, в свою очередь сообщила, что работает в сельской школе, но возможно переедет в Атланту.

– Миссис Батлер приглашает меня к себе гувернанткой.

– Вы в родстве с ними?

– Нет, мы – соседи: Уилксы, Тарлтоны, О'Хара. Нас всех связывает многолетняя дружба еще наших родителей, отцов-плантаторов. До войны у нас было огромное поместье, сотня негров, конезавод.

– Вам удалось что-нибудь сохранить?

– Нет, землю отобрали, рабов освободили, работать некому, дом сожгли янки, братья погибли, мы с Рэндой учительствуем, сестры – старшая и младшая с мужем – пытаются растить хлопок, едва справляемся с налогами. Так и живем.

Джеймсу понравилось, что девушка откровенна, искренна, не пытается скрыть свое бедственное положение и не унывает. Немного смущаясь, он позволил себе взять её за руку. Руку она не отняла, но предложила вернуться в зал. Очередной кавалер понял, что выбор девушка уже сделала, и уступил свой танец Дормонду.

Поначалу немногочисленная группа гостей, собиравшихся у беседки, все более разрасталась – кто-то поджидал мистера Батлера, кому-то надо было поговорить с мистером Телфордом, а некоторым хотелось лучше рассмотреть ослепительные наряды двух девушек. Сьюлин тоже не отставала от них, матроны даже приняли её за миссис Батлер из-за пышности наряда

и опять призвали мисс Уилкс, чтобы она рассказала все обстоятельнее. Дамы были разочарованы скромным одеянием Скарлетт и отсутствием драгоценностей.

– Чем же она собирается покорять мужа?

Дамы загалдели, обсуждая, что надо предпринять Скарлетт, в итоге мисс Уилкс увела в свой кружок Пикаров и Фэнни, которым надоело слушать старух. Миссис Элсинг в душе одобрила дочь, которая все еще оставалась вдовой, а там были очень завидные женихи – Уилкс и Телфорд. Индии тоже куда приятнее было их общество.

После отъезда официальных лиц бутылки на столиках быстро опустели, разговоры стали оживленнее, игры веселее, шарады откровеннее. Пары уже определились, и когда возле елки появился настоящий индеец, с копьем и томагавком, с перьями в длинных черных волосах, нарочно придававший свирепость своему разрисованному лицу, дамы, дрожа от ужаса и восторга, поспешили прижаться к груди своих избранников, наполняя их гордостью и мужеством. Фэнни стояла рядом с Эшли, но он видел лишь одну женщину, прильнувшую, словно гибкая лиана, к могучему стволу. Батлер смотрел на него в упор, задиристо, с прищуром, на лице его после прогулки с женой появилось какое-то особенно молодцеватое выражение торжества, которого не было на приеме у губернатора.

– Дерзкий малый, – подумал про себя Эшли, – годы и несчастья не изменили его, не согнули, да и выглядит он так же молодо и уверенно, как двенадцать лет назад.

– Пригласи Фэнни на вальс, – шепнула Индия брату, понимая горечь его состояния, – тебя никто не осудит, доставь радость тому, кто в ней нуждается.

Мисс Уилкс еще никогда не была так довольна вечером, как сегодня, её тоже приглашали, чаще кто-нибудь из «старой гвардии», но два раза она танцевала с мистером Телфордом. Однако больше всего её обрадовало замечание дяди Генри, долго наблюдавшего за Батлерами:

– А ведь ты оказалась глазастее всех, племянница.

Зато для миссис Мерриуэзер бал был испорчен окончательно – свекор вел себя возмутительно. Нацепив маску страшного рогатого животного, он скакал по залу, как козел, хватал женщин за что придется, пока Рене Пикар и мистер Гамильтон не увели его в заднюю комнату, выпили с ним еще пару рюмок бренди, и только после этого дедушка мирно заснул. Его невестка долго не могла прийти в себя от такого позора, грудь её вздымалась, как кузнечные меха, а на глазах блестели слезы.

– Чего доброго еще и женится!

Подруги её успокаивали, радуясь, что у них в доме нет такого дедушки.

Одним словом, маскарад удался. Все горести жизни каждый постарался запрятать глубоко в сердце и быть счастливым хотя бы ненадолго.

XVIII

После бала ничего не изменилось в отношениях Скарлетт с мужем. В спальню он не заходил, днем занимался детьми, вечерами беседовал с мистером Телфордом или с мистером Дормондом, который стал часто бывать в гостиной Батлеров, как и Хью Элсинг. Наедине с секретарем они говорили о чем-то серьезном, Ретт часто рисовал на листе бумаги какие-то непонятные знаки, что-то объяснял молодому человеку. Иногда всей компанией ходили гулять. Ретт держал жену под руку, и она чувствовала, что влечения к ней он не испытывает.

– То, что произошло на балу, очевидно, случайность, всего лишь привычный флирт с незнакомкой, которая не отказала ему. Не будь моё лицо скрыто маской, скорее всего, ничего бы и не было. Ненадолго же хватило моей решимости закрыть сердце для Ретта Батлера! Хоть бы скорее уехал что ли, – его присутствие становилось слишком мучительным для неё.

– Что-то тетя Питти не заходит к нам? – как-то спросил Ретт и не преминул навестить её вместе с женой.

Они подарили ей новую «обморочную» бутылочку и коробку конфет. Гостиная опять наполнилась воспоминаниями о приятных прежних застольях. Под болтовню тетушки, которую не смущало их молчание, Батлеры ласкали взглядами друг друга. Индия поняла, что им просто хочется побыть в этом доме, где зарождались их чувства, не случайно они пришли одни, без Бентинов. К счастью Эшли еще утром предупредил, что ночевать не придет.

– Нам прислали новые книги, не хотите взглянуть? – предложила она.

– С удовольствием, – согласился Ретт.

– А мы с тетушкой пока посмотрим, что делается на кухне, – попридержала Индия тетю Питти, последовавшую было за гостями, давая понять им, что они могут задержаться в библиотеке.

Скарлетт подошла к стеллажу и провела рукой по книжным корешкам. Ретт поймал её руку, приложил к своей щеке, губам, взволновал, лаская, и в лучших традициях прежних времен вдруг спокойно взял какую-то книгу и уселся на диван. Скарлетт, задышавшись, прошептала:

– Почему вы не делаете этого дома?

– Дома я тоже читаю, – невозмутимо ответил Ретт.

– Я не об этом, вы знаете, о чем я говорю, почему вы не приходите ко мне в спальню?

– Разве наши супружеские отношения не исчерпали себя? – удивился он, мы же с вами обо всем договорились или вы, миссис Гамильтон, теперь согласны стать моей любовницей? Вы правы, дорогая, это гораздо интереснее – ни один мужчина свою жену не ласкает так, как любовницу. Вот посмотрите.

Он показал ей иллюстрацию, на которой были изображены мужчина и женщина, причем рука джентльмена терялась где-то под юбками дамы.

– Как же можно такое печатать в книге? – глаза Скарлетт округлились.

Уголок его рта пополз вниз – он наслаждался её изумлением.

– Бывают и более откровенные картины, многим нравится их рассматривать, чтобы потом доставить кому-то незабываемое удовольствие. Я, правда, не предполагал, что мистер Уилкс развлекается подобным образом. Наверное, рано или поздно, образцовые джентльмены тоже вынуждены прибегнуть к опыту авантюриста Казановы, признанного во всем мире величайшим любовником.

Имя Красотки чуть не сорвалось с его губ, но он успел вовремя остановиться. Пусть узнает об их связи от кого угодно, только не от него.

– Вы тоже учились у Казановы... брать женщин на бордаж? – съехидничала миссис Батлер.

– Вам понравилось? – осклабился Ретт. – Я польщен.

Скарлетт пришла в ярость, глаза запылали зеленым огнем. Батлер был доволен – перед ним стояла та, которую он любил много лет, в полной готовности запустить в него самую увесистую книгу. Поостыв, она начала анализировать поведение мужа. Он вернулся в разговорах с нею к тону легкого подтрунивания и поддразнивания, который доставлял ему прямо-таки мальчишеское удовольствие еще на их первом бале. Да и танцевали они под старые мелодии, звучавшие на том вечере! И, наверное, неслучайно он назвал ее миссис Гамильтон. Создавалось впечатление, что он хочет вернуться в то время, зачем? Неужели посмотреть, как могли бы сложиться их отношения, начни они сначала.

– Что ж и мне любопытно узнать, чем все закончится.

После дня рождения Уэйда Бентины забрали детей и уехали домой. Уилл понимал, что Скарлетт надо побыть с мужем наедине, что-то у них не ладится. Тарлтоны тоже решили уехать, хотя Скарлетт предложила им остаться пожить в Атланте. Но они были так переполнены впечатлениями, им так хотелось рассказать матери обо всем увиденном, что собрав вещи и пообещав вернуться, уехали вслед за Уиллом.

Когда все собрались – и Хэтти, и Джинси, и даже мистер Тарлтон, Камилла с Рэндой начали рассказывать, перебивая друг друга.

– Ах, мама, какая Скарлетт счастливая! Муж – красавец, сама – красавица, двое детей. Дом – шикарный, большой, четырехэтажный, с цветными стеклами. Какие там ковры, какая лестница, а кресла такие гладкие, что можно упасть. Непонятно только, зачем она его сдала?

– Время тяжелое, много денег надо, чтобы его содержать.

– Это точно. А сколько она на нас потратила, чтобы собрать на бал!

– Не зря хотя бы? Танцевать – то приглашали?

– Ну, да, ни одного танца не пропустили. Рэнда присмотрела себе жениха, приятеля Эшли Уилкса, не отходил от нее весь вечер.

– А ты что же растерялась? – золотисто-карие глаза миссис Тарлтон насмешливо округлились.

– Много очень кавалеров было, не смогла выбрать, – ответила Камилла, не глядя на мать.

– Ничего она не растерялась, боится говорить, – выдала сестру Рэнда, – Джинси, хоть бы ты погадала нам, чем дело закончится.

– Известно, чем у всех кончается, то и вас ждет, – приговаривала Джинси, раскладывая карты. – Молодой король падает, с дальней стороны прибыл, уж не янки ли, мисс Камилла?

– Там есть янки, которые не воевали.

– Ты что говоришь – то?! – рассердилась Беатриса, – за янки не отдадим, лучше в старых девах остаться.

– Как же, послушает она вас, откажется от такого красавчика, почти как мистер Батлер, – бормотала Рэнда.

– Хорошо, ма, тебе так говорить, когда с тобой рядом папа и дочери, – неожиданно поддержала сестру Хэтти, – лучше подумайте о том, чтобы он от нее не отказался. На что ему не очень юная и небогатая невеста?

Мисс Беатриса помолчала и перевела разговор на платье.

– Ой, у Скарлетт столько платьев. Она нам целый сундук отдала.

И девушки начали примерять наряды, рассказывать, как были одеты на балу.

Уж этого старый Тарлтон выдержать не мог и ушел спать.

Едва гости разъехались, как Ретт не пришел домой ночевать. Скарлетт не знала, что и думать.

– Уехал, даже не попрощавшись со мной!

Она прошла в кабинет. Саквояж был на месте, в шкафу висел парадный костюм, под ним стояли лакированные ботинки. Халат лежал на диване, она уткнулась в него лицом. До боли, до крика захотелось, чтобы муж был рядом. Уже уходя, она заметила на столе лист бумаги, прижатый папье-маше. На нем было написано: «Вернусь через пару дней» без подписи и объяснений. Теперь было все ясно.

– Паршивый лицемер! Изображал джентльмена, любящего жену, детей. Только они за дверь, как он за старое! Не иначе как отправился к Красотке!

Она нашла его бутылку с коньяком, выпила две рюмки, но не почувствовав желанного тепла, завернулась в его халат и провела ночь на диване.

Батлер отсутствовал два дня и три ночи. Утром она услышала его шаги и негромкое приказание Порку приготовить ванну. Скарлетт посмотрела в зеркало, ужаснулась своему виду, быстро собралась и ушла в лавку, надеясь, что когда она вернется, он уже уедет.

Порк ухаживал за хозяином, ничего не спрашивая и не рассказывая, тот проспал до полудня, потом пообедал и удивился, что в доме никого нет.

– Все уехали в Тару, еще при вас.

– Ну, да, я забыл, а что мисс Скарлетт?

– Была дома, только что-то нехорошо с ней, масса.

– Что ты имеешь в виду?

– Не ела ничего без вас, плакала. Дилси подумала, уж не затяжелела ли она, ведь вы уже здесь целый месяц.

– Так, слуги воссоединили нас, для них оказалось достаточно того, что я иногда курил на галерее её спальни. Теперь надо что-то предпринять, чтобы слухи об общей спальне дошли до мистера Гамильтона. Ему понравится, что его рекомендации выполнены, и этот год траура обойдется без пристального внимания к её особе. Потом пусть сама решает, что делать: прикрываться и дальше моей фамилией, оставаясь в Атланте, или уехать в другой штат, где разводы не являются проблемой. А вот о детях все-таки поговорить надо.

Ретт быстро встал и пошел в спальню. Она была пуста. Он оделся, зашел к Телфорду, но тот сообщил, что уже три дня не видел её.

– Ваша жена – затворница и, не в укор вам будет сказано, виноваты в этом вы. Она скучает без вас и находит утешение в работе.

– Да, таковы мужчины, всегда придумывают себе более важные дела. На этот раз я не смог отказаться от поручения губернатора. Кстати, о вас тоже скучают в Чарльстоне. Теперь я знаю все, леди Чайзвик сочла возможным, наконец, поведать мне правду. Я очень благодарен вам за сестру. И если вас интересует, как она к вам относится, готов выдать тайну.

– Выдавайте, – коротко разрешил полковник.

– Она сказала: или мистер Уильям или никто!

– Значит, как только отель заработает должным образом, поеду за ней.

Они распрощались, и Ретт поспешил в лавку.

– Как я сразу не догадался, что она там?

Но дверь была заперта, жалюзи опущены. Ретт подергал колокольчик, вышел приказчик и на ломаном креольском сказал, что мадам наводит порядок и никого не принимает.

– Меня примет, – уверенно отодвинул его с дороги Батлер.

Это уже была не та лавка, что прежде. Настоящий магазин, в котором был небольшой, с витринами, торговый зал, отделенный тонкой перегородкой от склада, где хранились товары, строго распределенные по отделам. В дни, когда шла бойкая торговля, все должно быть под рукой, чтобы приказчики успевали доставить вещи покупателям, развернуть во всей красе на большом новом прилавке.

Креол проводил его до дверцы в служебное помещение, а сам продолжил что-то разбирать на полках.

Скарлетт сидела за столом, уронив голову на руки. Она была пьяна. Батлер тронул её за плечо.

– Что тебе, я же все объяснила, – устало произнесла она, подняла голову и застыла в недоумении.

– Не ждали? – спросил Ретт.

– Я никогда не жду вас.

– Конечно, я же не Эшли, что меня ждать.

Скарлетт криво улыбнулась.

– Вы же всегда куда-то уезжали. У вас была своя жизнь, и я ничего о ней не знала. И если бы мы не ссорились с вами каждый раз навсегда при расставании, разве можно было бы выдержать все эти разлуки?

– Вы замечали мое отсутствие или с нетерпением ждали очередную коробку конфет? – попытался шутить Батлер.

– Ну, конфеты лишними никогда не бывают, да еще в то время, так что разлука казалась невыносимой, – отвечала она заплетающимся языком.

– Вы ели что-нибудь сегодня?

Она неуверенно пожала плечами. Ретт вышел к приказчику, велел ему все закрыть и отпустил домой. Тот уже понял, кем является грозный господин.

– А завтра приходите?

– Конечно, если работа нужна. Придите с утра, как обычно, открывайте и торгуйте. Мадам должна отдохнуть, вместо нее к вечеру приду я и все проверю.

Порк испугался, когда увидел хозяйку, едва стоявшую на ногах.

– Что с ней? Послать за доктором?

– Пошли и принеси куриный бульон в кабинет.

Ретт заставил жену выпить бульон, уложил ее на своем диване и отправился в спальню.

Доктора Мида Батлер встретил на пороге спальни в бархатном халате, накинутом на тонкую белую рубашку. Врач послушал Ретта, посчитал пульс, пощупал живот, заметив рубец, спросил:

– Пришлось сразиться врукопашную?

– Да, было дело, проявил беспечность. Это еще в блокаду.

– Судьба оказалась милостива к вам, пойдти лезвие не в длину, а чуть в глубину, и нам не пришлось бы встретиться. Что сейчас беспокоит?

– Голова закружилась.

– Не мудрено, – мистер Мид кивнул на кружевную рубашку, лежащую поверх атласного покрывала, – переусердствовали, наверно? Ничего страшного, крепкий кофе пока не пейте, можно граммов 50 коньячку, больше гуляйте, особенно перед сном. Ничем не злоупотребляйте, в том числе и этим.

Доктор кивнул теперь в сторону кресла, куда Батлер сбросил свой халат, его рукава лежали так, будто обнимали, прикрывали собой нечто прозрачное, воздушное, в оборочках и воланчиках. Батлер довольно заулыбался, глаза заблестели, белки отливали синевой.

– Как будто и не пил никогда, – подумал доктор, разглядывая комнату, – будет что рассказать Кэролайн.

Пациент его не торопил, нарочито медленно убирая с подушки что-то розовое, кружевное. Множество милых мелочей в комнате говорило о присутствии молодой женщины. Все дышало свежестью, негой, манило погрузиться в нее. Мистер Мид был посрамлен, поддавшись

очарованию этой неги, созданной руками хозяйки, прелестнейшей из женщин, к которой он, тем не менее, по-прежнему, испытывал неприязнь.

– Пожалуй, наши дамы правы, что только о нем и говорят, редчайший экземпляр мужской породы, – восхищался невысокий сухощавый мистер Мид, делясь с женой своими впечатлениями от визита. – Силен во всем, и никому не рассказывал про свое ранение.

На этот раз любопытство супруги было удовлетворено: доктор заметил и резную кровать с тончайшим пологом, и такой же ткани занавеси с бархатными серо-голубыми портьерами и удобное кресло атласной обивки, и небольшой секретер, изящную шифоньерку, и еще много чего-то нового, мягкого, кружевного, приятно пахнущего, чему он не знал названия. Ему хватило одного посещения алькова, чтобы найти множество подтверждений разошедшейся версии о любви миссис Батлер к неверному мужу.

– Только сдается мне его неверность осталась в прошлом. Ей удалось крепко привязать его к своему уютному гнездышку. Достаточно увидеть, с какой нежностью он прикасается к вещам жены, чтобы понять это.

Миссис Мид была очень удивлена, увидев на лице доктора давно забытое выражение, когда он подступил к ней с игривой улыбкой и произнес:

– Ну и штучка, признаться, эта Скарлетт!..

Проводив доктора, Ретт наведаясь к жене, она еще спала. Он сел рядом в кресло, взял её руку, сердце защемило от чувства вины перед ней. Ведь если бы он не поощрял ее своеволие, не заставлял пренебрегать приличиями и не говорил так часто, что она не леди, может она и не потянулась бы к спиртному.

– Да с чего я взял, что она пьет? По её виду этого не скажешь.

Одухотворенность ее бледного лица говорила о душевных страданиях, но никак не о пристрастии к коньяку, хотя опустевшая чарльстонская бутылка валялась возле дивана. Ретт убрал её и призвал Порка. Расспрашивать слугу не хотелось, но кого же еще?

– Скажи, друг, не употребляла ли без меня миссис Батлер крепких напитков?

– Нет, масса, даже от домашней наливки отказывалась, не до того ей было. Что это вам в голову пришло?

– Её знобит немного, хотел дать рому, чтобы согрелась, да побоялся – с непривычки может навредить. Распорядись лучше насчет ванны и доставь нам ужин в спальню.

Скарлетт так часто представляла себе ту незабываемую ночь, когда Ретт нес ее на руках вверх по лестнице, что, почувствовав его сильные руки, не удивилась, только крепче прижалась к его плечу, не понимая, во сне это происходит или наяву. Утром она не поверила своим глазам – подле неё крепко спал Ретт. Его белая, прямо королевская, рубашка с широкими рукавами, кружевами на манжетах, была распахнута, словно специально, чтобы она могла напоследок полюбоваться им и до конца своих дней сожалеть о том, кого потеряла.

Захотелось вовсе сбросить эту рубашку, она еще не видела своего мужа обнаженным. Работая в госпитале, Скарлетт до того нагляделась на немые, волосатые, искалеченные тела, что долго не могла избавиться от стойкого отвращения к человеческой плоти. Но сейчас она испытывала совсем иные чувства, то вспоминала сон, привидевшийся в Таре, то рождественский бал.

– До чего хорош! – не могла не признать миссис Батлер, вглядываясь в лицо супруга, принявшее снова четкие очертания. – Кто же прошлой ночью созерцал этот профиль, напоминавший если и не молодого языческого вождя, то уж никак не старого опустившегося Цезаря? От Красотки он вроде не таким возвращался.

Ощущение недюжинной силы, исходившее от Ретта, как всегда, взволновало Скарлетт. Она не могла отвести глаз от его рук, его крепких плеч, груди, покрытой черными завитками приятно пахнувших волос. Как красиво они расположены, не скрывая рельефности мышц.

Даже длинный рубец, пересекавший грудь и спускавшийся вниз на мускулистый живот, не портил красоту его тела.

– Как же он выжил с такой раной! – ужаснулась она и, уже не отдавая себе отчета в том, что делает, коснулась шрама губами, потом ниже, еще ниже, ещё...

Ретт глухо застонал и рывком притянул её к себе.

– Кто вас этому научил? – гневно воскликнул он.

– Чему? – испугалась Скарлетт, устремив на него непонимающий взгляд, исполненный отчаяния и тоски. – Разве этому надо учить? Разве это не естественное желание женщины – покрыть поцелуями каждый дюйм тела возлюбленного, которого она так долго ждала?

– Вы никогда не говорили, что вам это нужно, – пробормотал он в растерянности, то ли от неожиданной ласки, то ли от того, что она назвала его возлюбленным.

– Что я могла сказать, когда вы были так холодны со мной, так далеки, и всегда рядом Красотка... – горько упрекнула Скарлетт, пытаясь нащупать рукой пеньюар, но его не оказалось на привычном месте. – Потом это вообще стало невозможным. Ну да ладно, что теперь об этом говорить. Простите, больше этого не повторится.

– Да отчего же не повторится? – горячо зашептал Ретт, снова привлекая ее к себе. – Это вы меня простите, дорогая, я подумал... ах, не важно, что я подумал...

Не дождавшись господ в столовой, Дилси начала собирать поднос.

– Видно и завтрак сегодня придется подать в спальню, – многозначительно сказала она Порку.

– Неужели это не сон, – думала Скарлетт, боясь открыть глаза.

– Не слишком ли ретиво я принялся исполнять рекомендации мистера Гамильтона, – думал Ретт, глядя ее шелковистые волосы, разметающиеся на его груди.

Оба были смущены происшедшим, так не соответствующим их душевному состоянию. Тела жили своей жизнью, нежили и ласкали друг друга, не желая расставаться, а души стыдились слабости человеческой, не способной устоять перед соблазном чувственного земного наслаждения даже в минуты глубокой скорби...

XIX

Не зная, как преодолеть затянувшееся молчание, Скарлетт снова предприняла безуспешные поиски своего пенюяра. Под руку все время попадались вещи, которые никак не должны были здесь находиться. Пообещав сегодня же задать трепку нерадивой Лу, она, наконец, заметила, что Батлер давится от смеха, как нашкодивший мальчишка, который успешно разыграл кого-то.

– Простите, дорогая, ваша горничная ни в чем не виновата. Это я без вашего разрешения воспользовался некоторыми вещами, чтобы создать интимную обстановку в нашей спальне для доктора Мида. Кажется, мне это удалось.

– Зачем вам это? – удивилась Скарлетт.

– Скорее это нужно вам, чем мне.

– Вы полагаете, мне нужно, чтобы мои панталоны обсуждала вся Атланта? – полюбопытствовала она, приподняв очередную вещичку из своего комода.

Ретт от души рассмеялся.

– Прелесть моя, не бойтесь. Он не понял, что это, ведь миссис Мид не носит такие. Доктор расскажет, какая красивая у нас спальня, в каких очаровательных рубашечках спит моя жена, и что ей удалось вырвать заблудшего мужа из цепких рук Красотки.

– Ну что вы, таких смелых целей я перед собой никогда не ставила, куда мне до неё, – насмешливо и в то же время грустно заметила Скарлетт.

– Не скромничайте, вам по силам и более сложные задачи. Не станете же вы утверждать, что не принимали участия в создании этой ловкой выдумки будущих родственников для восстановления вашего положения в обществе; что она не основана на ваших доверительных признаниях, заставивших многих женщин сочувствовать вам?

– О чем вы? Я не делала никаких признаний, не слушаю сплетен и не нуждаюсь в сочувствии.

– Мои уроки не прошли даром, вы действительно стали независимой женщиной, достойной восхищения, и я снимаю перед вами шляпу. Остается только сожалеть, что легенда, полюбившаяся горожанам, не основывается на реальных фактах, а они весьма лестны для меня.

– Перестаньте говорить загадками, если действительно есть что сказать, – решительно оборвала она его.

– Похоже, я был не последним, кто не знал о легенде, – подумал Ретт и пересказал ей все, что услышал от дяди Генри.

– Я думаю, это не выдумка, – помолчав, произнесла Скарлетт, – скорее, догадка умного, наблюдательного человека, проникшего в сущность наших отношений, чего нельзя сказать о нас с вами. Мы не смогли понять, что нам было подарено судьбой, не смогли ценить этого, ни вы с вашим хваленым умением все читать по моему лицу, ни тем более я, никогда не разбиравшаяся не только в чужих душах, но и в своей собственной.

– Но ведь еще не поздно все изменить? – неуверенно спросил он.

– Вряд ли стоит рисковать нашим спокойствием, капитан Батлер.

Она не называла его мистер Батлер, так звали злополучного пони, унесшего жизнь их дочери, хотя Ретт уже перестал вздрагивать, когда к нему так обращались посторонние.

– Может и не стоит, – согласился он, – а все же почему не стоит?

– Ну, хотя бы потому, что вы легко можете исчезнуть, когда вам вздумается. Где вы провели эти ночи?

– В одной известной вам комнате.

– С кем на этот раз?

– С мистером Дормондом.

Стук в дверь прервал их объяснение, Порк доставил завтрак.

– Теперь пока не уничтожим все, что нам приготовили, не скажу ни слова, – заявил Ретт в ответ на её изумленный взгляд.

Она опять стала для него маленькой девочкой, он кормил её чуть ли не с ложечки, в то время как она испытывала к нему совсем другие чувства. Покончив с едой, он произнес страшным голосом сказочного духа:

– Открою вам государственную тайну, и не сносить мне головы, если вы проговоритесь.

– Вас опять арестуют?

– Нет, моя дорогая, пока нет. Скажите, вы играли в детстве в игру, где надо было угадывать слова, один пишет несколько букв, а другой отгадывает все слово? Вот примерно этим мы и занимались с Джеймсом в специально отведенной для этого комнате. В Европе в XVIII веке такие комнаты называли «черными кабинетами». Туда привозили почту, вскрывали письма, читали, наиболее важные копировали, потом конверт опечатывали поддельной печатью и отправляли адресату.

– Разве хорошо читать чужие письма? – спросила Скарлетт и покраснела, вспомнив, как сама тайком читала письма Эшли.

– Нехорошо для обычных людей, а для государственных деятелей это не считается зазорным, поскольку они действуют якобы в интересах государства, которые, правда, частенько совпадают с их собственными интересами. Чтобы никто не узнал об их планах, всю важную переписку зашифровывают. Открываешь конверт, а там криптограмма – странные символы, цифры и никакого смысла. Но некоторые люди умеют читать и такие послания. В них бывает много полезной информации, это, как все равно, вовремя подслушать что-то важное о себе. – Увидев замешательство жены, Ретт продолжил, – вот вам исторический пример: во время Войны за независимость Джордж Вашингтон – наш великий президент – сумел заполучить зашифрованные депеши о планах англичан. Их удалось прочесть и доставить французскому адмиралу графу де Грассу, выступающему на стороне повстанцев. Полученная информация помогла ему заставить английский флот отступить и тем самым приблизить окончательную победу американцев.

– Но сейчас нет войны!

– К сожалению, дорогая, война есть всегда. Если не между народами, то между некоторыми людьми, борьба за власть, богатство, влияние, борьба добра и зла. Возьмем пример ближе к нашему времени, из истории незабвенной Конфедерации, к тому же свидетельствующий о слабой подготовке южан к войне. Им не удалось прочесть ни одного шифрованного сообщения северян, порой даже свои собственные сообщения они не могли правильно расшифровать. А вот трое молодых способных шифровальщиков президента Линкольна смогли прочесть перехваченное сообщение, из которого они узнали, что в Нью-Йорке изготовлены формы для печатания денег южан. Полиция совершила налет, «захватила печатные станки и матрицы, а также уже отпечатанные деньги на сумму в несколько миллионов долларов. Конфедерация лишилась оборудования для изготовления бумажных денег, в которых она остро нуждалась».

– Откуда вы это все знаете?

– Из газет, конфедераты опубликовали несколько шифрованных сообщений с просьбой их дешифровать, расписавшись в своем бессилии. С тех пор, конечно, южане кое-чему научились, оценили важность криптоанализа не только в военном деле, но и политике, опутывающей своими хитросплетениями весь мир.

В распоряжение нашего губернатора тоже периодически поступают криптограммы. Он полагает, что среди них есть такие, которые могут свидетельствовать о покупке республиканцами голосов выборщиков, что имеет существенное значение при очередных выборах.

Поэтому он попросил меня помочь мистеру Дормонду – единственному пока у нас шифровальщику – разобраться с почтой.

– Вы тоже умеете читать секретные сообщения?

– Я же говорил вам, что у меня много талантов. Я хорошо знаю язык – правильный английский, не тот, на котором говорят наши сограждане, латынь, французский язык, военное дело, инженерные фортификации и многое другое, что можно использовать при дешифровании. Обычно тема переписки известна, а каждой теме соответствует определенный набор слов.

Скарлетт слушала его и думала, как же такой мужчина мог увлечься совсем необразованной деревенской девчонкой, если не сказать больше. Может его забавляло мое невежество?

– Когда вы успели все это узнать?

– Задолго до знакомства с вами, прелесть моя. В Вест-Пойнте я входил в десятку лучших курсантов.

– Почему же вас выгнали? Из-за женщин?

– Ну, не без этого, конечно, как без них нарушить режим? Карты, вино, девочки – обычный арсенал для молодых людей хоть в университете, хоть в военной школе. Проблема была в другом. Вы ведь знаете мое свободолюбие, а выпускник Военной академии себе не принадлежит. По окончании он получает степень бакалавра, производится в младшие лейтенанты (Second Lieutenant) и обязуется прослужить в армии пять лет. Уже было понятно, что военная карьера меня не привлекает, поэтому я предпринял все, чтобы меня отчислили с последнего курса. Несколько нарушений дисциплины, и я с позором был изгнан. Зато получил свободу и смог стать коммерсантом средней руки или, как говорят, спекулянтom, но не самым алчным из них. А мог бы стать генералом и стрелять в южан.

– Ах, как бы я хотела увидеть вас в генеральской форме! – мечтательно вздохнула Скарлетт.

– Почему женщины так равнодушны к военной форме, забывая, что стоит за нею? – усмехнулся Ретт. – Давайте, лучше вернемся к шифрам и поговорим о любви.

В глазах миссис Батлер промелькнула заинтересованность, которую Ретт, конечно, заметил и спрятал улыбку, предвкушая её разочарование.

– Эта тема всем хорошо известна и не надо особой проницательности, чтобы предположить, какие слова могут содержаться в любовном послании. Скажите, дорогая, какие слова, прежде всего, вспоминаются вам?

– А это смотря кому писать.

– Гм, я как – то этого не учел, вы всегда мыслите оригинально. Тогда сами назовите объект вашей любви, и что к нему испытываете. Так мы узнаем все ваши тайны.

– Уэйд – жалость, теплота, нежность. Если мама – то восхищение, Мелани – стыд, раскаяние.

– Эшли Уилкс? – спросил Ретт.

– Юность, Тара, Двенадцать Дубов.

– Что же для вас Ретт Батлер?

– Все для меня – экстаз, страсть, огонь, пламя, жестокость, сила, нежность, ласка, близость, поцелуй...

Она подошла к нему, положила руки на плечи, потом провела пальчиком по его губам, потом коснулась их губами.

– Мне трудно оставаться спокойной рядом с вами, да еще говорить о любви, – призналась она.

– В самом деле, дорогая? Даже после довольно бурного утра? – глаза его застыли в ожидании ответа.

– Боже мой, – подумала Скарлетт, – неужели самоуверенный Ретт, который, наверняка, слышал сотни признаний женщин о его неотразимости, как мальчишка, добивается того же и от меня? Неужели все так просто, или он хочет посмеяться надо мной? Не буду думать об этом сейчас.

– Я слишком долго ждала вас, – произнесла она тихо и очень серьезно.

– Нельзя голодному сразу давать много еды, – мягко улыбнулся Ретт. – Я боюсь вас утомить.

– Разве можно утомить любовью? – усмехнулась Скарлетт и отошла от него к окну:

– Так вы и ночью читали телеграммы?

– Ночью было особенно приятно, вы же оставили мне незабываемые воспоминания! Знал бы губернатор, чем занималось его доверенное лицо в секретном кабинете! Там можно находиться несколько дней, никуда не отлучаясь. Все есть и для отдыха, и для питания. Это обычная практика, процесс чтения идет медленно, требует чрезмерного умственного напряжения, необходима полная сосредоточенность и усердие, ничто не должно отвлекать.

– Я всегда чувствовала, что вы человек не простой и уже давно хотела спросить. Скажите, мой дорогой, на кого вы работали во время войны? Не из-за моих же прекрасных глаз или прелестей Красотки вы сидели в Атланте до самого последнего момента?

Ретт внимательно посмотрел на жену.

– Я в любой ситуации работаю на империю – Ретт Батлер.

– Как много я о вас не знаю.

– Могу предоставить вам возможность узнать меня лучше.

– Каким образом?

– Я еду в Новый Орлеан, едем со мной? – внезапно предложил Ретт, сам того не ожидая от себя, напряженно вглядываясь в ее лицо.

– Почему бы и нет! – услышала она свой голос как будто со стороны.

Сделав необходимые распоряжения, они уехали в тот же день.

XX

Оба понимали, что не надо возвращаться в прошлое, и старались не вспоминать о совместной жизни, боясь спугнуть вновь вспыхнувшее желание, которое считали угасшим навсегда. Она засыпала на его руках, не думая жалеет ли он ее, презирает ли, любит ли, только испытывая блаженство от мысли, что утром снова увидит его.

Предположение Дилси о беременности Скарлетт не подтвердилось. Нельзя сказать, что это обрадовало Батлера, он уже не был так категорично настроен против детей, как полгода назад, не желая рисковать своим сердцем. Теперь его сердцу угрожала другая опасность: ласки жены были так горячи, так неистовы, будто она вкладывала в них всю свою неумную жажду жизни. У неё не было опыта Элоизы, но какое умение может заменить природную чувственность молодого тела, естественный интерес и любопытство к тому, что может быть между мужчиной и женщиной.

Скарлетт не замечала взглядов мужчин, оказывающих ей внимание, а видела только взгляды женщин, засматривающихся на ее супруга, и гордилась этим. Она хотела все знать о нем, чувствовать то, что чувствует он, уметь то, что умеет он. Ретт научил ее играть в покер, стрелять из пистолета.

– Пистолет должен стать продолжением руки, – учил он, – сделайте вдох, задержите дыхание и плавно нажимайте на курок.

Он ставил ей руку, показывал, как надо совмещать мишень с мушкой, правильно держать корпус, а она млела от его прикосновений. Ретт осыпал ее украшениями, и она, кажется, начала понимать их изысканность. Если он покупал платье, которое ей казалось чересчур блеклым, она не спорила, ему виднее. И все-таки она знала, что прежних чувств к ней он не испытывает, лишь позволяет себя любить. И она любила его, как только могла.

Гуляя по набережной, он с тоской смотрел в море.

– Эх, пройтись бы сейчас на яхте, – как-то заметил он, – только в море можно почувствовать себя по-настоящему свободным, ощутить силу стихии, опасности, желание испытать себя.

Сердце Скарлетт сжалось от страха – она ему надоела.

– Я пойду с вами.

– Там не просто. Ветер унесет ваше платье и вас вместе с ним.

– Никаких проблем, – заявила решительно Скарлетт, – надену мужской костюм.

Сначала это рассмешило его, а потом понравилось. Они приобрели креольскую охотничью куртку из сурового полотна; брюки из великолепной голубой хлопчатобумажной материи, заканчивающиеся у щиколоток разрезом, украшенным длинным рядом пуговиц, жилет, светло-коричневые башмаки на шнуровке и шляпу с широкими полями, чтобы лицо не обгорело. Когда она все это надела, перед Батлером предстал хорошенький молодой человек.

– Люди подумают, отец и сын вышли в море.

– Для моего отца вы слишком молоды.

Ну, почему, если бы мой первый опыт закончился ребенком, то он мог родиться в тот же год, что и вы.

– Сколько же вам было лет?

– Пятнадцать. Но при моем росте и физическом развитии все могло произойти гораздо раньше. Просто меня это совсем не интересовало.

Скарлетт очень хотелось выведать подробности, но она сдержала себя, потому что был один вопрос, который мучил её гораздо больше, чем его первая женщина.

– Скажите, а тот мальчик, которого вы часто навещали в Новом Орлеане – ваш сын?

Несколько замявшись, Ретт все-таки ответил:

– Нет, но в нем течет кровь Батлеров.

– Я могу его увидеть?

– Он уже окончил школу и живет в Чарльстоне, с матерью.

– Его мать была вашей любовницей?

Лицо Ретта стало жестким, и она поняла, что зря задала этот вопрос.

– Скарлетт, вы любите Бо и заботитесь о нем, значит ли это, что мистер Уилкс был вашим любовником?

– Вы же знаете, что нет, – растерянно прошептала она.

– Не уверен, что знаю. Вы так долго жили с ним под одной крышей. Его жена была больна, а рядом молодая темпераментная женщина...

– И еще Мамушка, Уилл, Сьюлин, дети, куча ртов, ждущих от темпераментной женщины всего лишь еды. Вы помните мои руки? Так вот добавьте к ним рваные туфли, застиранное ситцевое платье, холод, голод – все это как-то не располагало к романтическим отношениям.

– Простите, дорогая, я не хотел напоминать вам о тех лишениях, – склонился Ретт, целуя ее руки.

Яхта была небольшая, очень подвижная, все время уходила из-под ног. Ретт усадил жену на скамейку, поднял паруса, отвязал канат, и ветер сразу подхватил их суденышко. Где-то дальше двигались шлюпы, еще дальше шел пароход. Они, то взлетали на гребень волны, то опускались, казалось, под волну. Соленые брызги обдавали лицо, над головой летали чайки, ветер гудел в парусах.

Давно капитан Батлер не чувствовал себя таким счастливым. Он был в море и рядом та, что дороже жизни. Он снова видел дерзкую юную Скарлетт, и ямочки играли на ее щеках. С растрепанными волосами, в шляпе, в толстом вязаном пуловере и мужской куртке она выглядела смешной, но никогда не была такой привлекательной, как теперь. Лицо разрумянилось от ветра и солнца, глаза светились радостью. Еще бы, она была влюблена в этого сильного, непокорного мужчину!

– Никто не может сравниться с ним, он так же неукротим как эти волны, – думала Скарлетт, не отводя от него восхищенного взгляда.

– Для первого раза достаточно, мой капитан, идем обратно, – сказал Ретт, и впервые за последние годы в его глазах мелькнули отблески бывшего пламени любви.

Восторг охватил ее душу – она сумела вернуть его любовь! На мгновение вспыхнул победный блеск в ее глазах, но лишь на мгновение, большего подруга капитана Батлера не должна себе позволять. Она теперь знала, какой он хочет ее видеть.

Почти каждый день они ходили в море. Дни стояли ясные, дул прохладный бриз, море ласкало, побережье дремало в легкой дымке. Ей понравилось на яхте, как нравилось когда-то лазать по деревьям, скакать на лошади. Он с восхищением смотрел, как этот бесенок ловко спускается по трапу, держит румпель, или сидит рядом, прижавшись к его плечу. Ретт чувствовал ее тепло, ее доверие и понимал, что уже не ниточка связывает их сердца, а крепкий морской узел. Не одной женщине он не позволял так близко вторгнуться в его жизнь.

В последний день перед отъездом, когда они уже шли к берегу, Ретт вдруг завел яхту в маленькую бухточку, и, оглядевшись, зацепил канат за острый выступ прибрежного камня.

– Что вы задумали? – спросила Скарлетт.

– Сейчас узнаете, – ответил он, привлекая её к себе. – Я ввязался в одну авантюру, сулящую большие деньги.

В ее глазах появилось любопытство.

– Когда-нибудь я все расскажу вам, пока еще не время, наберитесь терпения, дорогая. Там, конечно, не война, но риск не сносить головы тоже есть. Перед лицом грядущих опасностей хочу получить то, в чем вы когда-то отказали воину, идущему на смерть.

– Тогда вы меня оставили одну на дороге, а теперь, видимо, хотите бросить здесь среди пустынных вод? – она все еще не понимала, куда он клонит.

– Ну что вы, радость моя, если мы уж и сведем счеты с жизнью на дне этой бухты, то вместе, в миг наивысшего наслаждения, достигнув таким образом вечного блаженства.

– Я бы, конечно, предпочла оставаться вместе с вами на земле, но если это невозможно, то хотя бы в Вечности.

Казалось, время остановилось, и только волны чуть покачивали яхту в такт их движениям. То ли опасность придала остроту, то ли надежда на будущее, ведь он сказал «когда-нибудь все расскажет», значит, не собирается расставаться с нею, только ощущения действительно показались ей особенными.

С легким сердцем Скарлетт собиралась домой, но уже в поезде стало ясно, что торжествовать ей рано. Чем ближе к Атланте, тем более сдержанным и задумчивым становился Ретт.

– Слишком поздно, – думал он, – мне уже нечем ответить на ее любовь. Да и любовь ли это? Скорее всего, она выдумала очередной костюм, который пришелся впору теперь ему. Пусть всего лишь костюм, но как приятно в нем пребывать и совсем не хочется покидать его.

XXI

В Атланте все разговоры вертелись вокруг Батлеров.

– Опять переживают медовый месяц – говорили одни.

– Они что разорились? – интересовались другие, когда появилась вывеска на их доме: Отель «Switzerland».

Никто ничего не знал, а то, что рассказывала Индия, никого не устраивало – ничего скандального. И все с нетерпением ждали их возвращения.

Счастливым вид Скарлетт в сногшибательных нарядах развеял сомнения относительно их финансов и убедил всех, что супруги Батлер воссоединились. За ними тихо наблюдали, но никто не мешал их уединению. Каждый вечер они гуляли в саду, и огонек его сигары весело светился в темноте. Казалось, так будет всегда, однако Скарлетт не покидало предчувствие, что её счастье не продлится долго. Ретт давно все решил для себя и лишь смягчает боль расставания.

На самом деле это было не так. Чарльстонские планы рухнули, и Батлер готов был отказаться от этих чертовых рудников, только бы не оставлять ее одну. Беда была в том, что вместе с любовью вернулась ревность, и он все чаще заводил разговоры об Эшли.

– Даже не стал утруждаться в поисках нового повода для размолвки, – решила Скарлетт, – значит день отъезда близок.

Это было похоже на его старый испытанный способ добиться, чтобы выиграл ее ирландский нрав, и она выгнала бы его, как бывало прежде. Но теперь ее почему-то не раздражали его уловки, и она терпеливо, старательно подбирая не обидные для него слова, в который раз рассказывала о своем детстве, о том, как влюбилась в белокурого принца, как он часто навещал их, сопровождал ее на все праздники, как они ездили верхом...

Упомянув как-то про тропинки, известные только им, Скарлетт испугалась, как бы Ретт не подумал, что у них что-то было с Эшли. Но то, что он произнес, совсем сбilo ее с толку.

– Не волнуйтесь дорогая, я знаю, в то время ваше тело сохранило девственную чистоту, чего нельзя сказать о ваших мыслях и намерениях. Вот тогда образцовому джентльмену надо было думать о чести и не компрометировать вас своими визитами в течение двух лет, если родовая спесь не позволяла ему жениться на девушке не своего круга.

– Почему, Ретт, не своего круга? Моего отца все уважали, никто не отказался бы от родства с нами. – Но тут она вспомнила, как в Чарльстоне тетушки стеснялись ее, считая брак своей сестры мезальянсом.

– Никто, кроме Уилксов, – продолжал Ретт, – поэтому они и женились на кузинах.

– Да и бог с ними, мой отец тоже не горел желанием получить Эшли в зятья, он считал, что я не буду с ним счастлива. А вот вами отец гордился бы, – и она прижалась к плечу мужа.

Ретт слегка отодвинулся и поспешно произнес:

– Не придавайте, Скарлетт, слишком большого значения этой поездке, она у меня не первая, женщины только разные. Страсть проходит быстро.

– В отличие от вас для меня все было впервые. Не старайтесь, дорогой капитан Батлер, вам не удастся разочаровать меня теперь, когда я знаю, какой вы настоящий. Там, на яхте, вы не лгали мне – вы любили. Это останется со мной навсегда, чтобы вы сейчас ни говорили, – шептала Скарлетт, нежно касаясь губами его щек, губ, рук.

А Ретт представлял, как она вот так же нежно будет ласкать Эшли, когда он уедет, и готов был убить обоих. Признания, которых он от нее требовал, несколько не успокоили его, а лишь разбередили старые раны, разожгли муки ревности. Уилкс всегда будет стоять между ними, и вслед за этим сладким мигом страсти неизбежно последуют боль, подозрения, страх потерять ее, опять страдания, скандалы. Это невыносимо!

– Разве этот месяц вдвоем не показал, что она любит тебя, а не его? – спрашивал он и тут же возражал себе.

– Нет, я всего лишь вовремя оказался рядом. Она, наконец, почувствовала себя женщиной, а как южанка и католичка не могла в силу своего воспитания принадлежать никому, кроме того, с кем обвенчана. И что значит месяц по сравнению с годами ее любви к Эшли? Конечно, он уже не тот вальяжный аристократ, каким был прежде, но все еще хорош собой: строен, благороден, загадочен и притягателен для неё своей недоступностью, пока траур не закончится... А тогда воспитание ей все позволит? Возможно, ведь не зря же она так поспешно сменила дом, наладила отношения с родственниками, прикинула на себя образ искренней, доброй, кроткой, сердечной женщины, похожей на Мелани.

Скарлетт не прерывала его размышлений и не стала удерживать, когда он сообщил о своем отъезде. Бессмысленно было надеяться, что они смогут переступить через все пережитое и начать все сначала.

– Я должен работать, дорогая, – уклончиво пояснил Ретт. – Сейчас такое время, что можно все потерять, а у меня, кроме вас с детьми, еще мать, сестра и Диго. Я составил завещание, все документы у мистера Гамильтона. Если вам или детям что-нибудь будет нужно, обратитесь к мистеру Телфорду. Он поможет.

– Не беспокойтесь, я знаю, как мне жить без вас. Развод, так развод, я не должна ни на кого надеяться. Приезжать тоже больше не надо.

– Вы сожалеете о времени, проведенном со мной?

– Ну, что вы, будучи моим мужем, вы так боялись проявить любовь и нежность, дабы не ущемить свою гордость, что я и не предполагала, какое это счастье быть любимой вами, – с подчеркнутой признательностью ответила Скарлетт.

Он не понял, смеется она над ним или действительно так думает. Она сильно изменилась и все чаще озадачивала его своими замечаниями, настолько, что он не всегда мог быстро найти с ответом.

– Возможно, тогда я был не прав, – осторожно признался Ретт, – но изменить уже ничего нельзя в нашей жизни. Я хочу быть свободным, такую же свободу предлагаю вам. Сепарация – раздельное проживание супругов – очень распространено в Европе и поощряется церковью. Вы восхитительно чувственная женщина и можете выбрать того, кого захотите.

– Вот как раз этого-то я и не могу, – усмехнулась про себя Скарлетт, а вслух ехидно спросила:

– Оставаясь при этом миссис Батлер?

– Ну, да, – ответил Ретт.

– Благодарю за великодушие, то есть вы живете где-то, с кем-то, я тоже, а для всех мы семья, – продолжала Скарлетт. Может кому-то удобно такое лицемерие, но у меня другие представления о семье: душа в душу, и все пополам – и радости, и горести. А если этого нет, то и фамилия ваша мне не нужна.

– Я не смогу вам дать то, что вы хотите, если вы действительно этого хотите: семью, детей, любовь, постоянство. Однажды я попытался, но у нас ничего не получилось. Мне уже не вернуть вас в свое старое сердце и очень трудно верить в вашу любовь, ведь вы еще себя не знаете...

– Довольно, капитан Батлер, вы сейчас меня уговариваете или себя? Я согласна на развод. Похоже, единственным храбрецом, встретившимся мне в жизни, был Чарльз Гамильтон. А вы мало чем отличаетесь от незабвенного мистера Уилкса и так же боитесь моей любви. Прощайте, Ретт, надеюсь, вы встретите ту, с которой будете счастливы.

– Как легко она согласилась на развод! – возмутился Батлер и внимательно посмотрел на нее.

Совсем недавно она была так нежна с ним, а сейчас это совсем другая женщина, решительная, гордая и независимая, как та в черном костюме с букетом желтых цветов, которая тоже навсегда осталась в его памяти. Но было и еще что-то в ее лице, новое, чего он не мог понять. То была боль поражения, несостоявшегося счастья, придававшая особую роковую прелесть ее глазам.

Он поцеловал ее руку и растворился в тумане, окутавшем, казалось, весь город. Он добился того, чего хотел – она сама отказалась от него, но... почему же так ноет сердце? Никогда еще разлука не казалась ему столь тягостной, разве что в ту страшную ночь, когда пала Атланта.

Мучительно прошел первый день без Ретта, невыносимо тяжело было не слышать его голоса, смеха, не чувствовать его прикосновений, но еще ужаснее тянулась бессонная ночь. Постель без его объятий казалась жесткой и холодной. Она с трудом сдерживала слезы, пытаясь вернуться в то состояние равновесия, в котором находилась до приезда мужа.

– Лучше бы он совсем не приезжал! – сердито подумала она, – Несносный Змей-искуситель! Разбередил душу и бросил на произвол судьбы.

Расстаться с ним сейчас было еще труднее, чем четыре месяца назад. Теперь, когда она, наконец, узнала, что может испытывать женщина в руках сильного мужчины, умело ведущего ее через лабиринты страсти к наивысшему наслаждению. Как приятно покоряться его воле, быть в его полной власти, снова и снова испытывать ни с чем не сравнимое ощущение...

Совершенно измученная она встала, пошла в гардеробную – парадный костюм Ретта висел на месте, в петличке записка: «Там, куда я еду, танцевать не придется».

– Значит ли это, что возвращаться он собирался сюда? Вряд ли, купит другой костюм, если понадобится, – решила Скарлетт, закуталась в шаль и пошла в кабинет в поисках испытанного средства.

В секретере лежала почти пустая бутылка из-под коньяка, а рядом записка: «Это не выход, дорогая, поверьте моему опыту».

– Как хорошо он ее изучил, предвидел каждый ее шаг, знал паршивец, что буду мучиться. Может хотел, чтобы мучилась, чтобы испытала ту боль, которую причинила ему когда-то, лишив супружеского ложа? Только помнится, он быстро утешился с Красоткой. Наверняка, и во мне не сомневается, уверен, что его место займет Эшли, недаром всю неделю перед отъездом твердил о нем. Может так оно и будет?..

Скарлетт попыталась представить свою жизнь с Эшли, но почему-то ничего не получалось и не потому, что все матроны Атланты ополчились бы против нее. Сразу вспоминался ее брак с Фрэнком Кеннеди, беспричинные вспышки гнева, нежеланная беременность и слова отца: «чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста».

– Что отец имел в виду? Только ли непонятные разглагольствования мистера Уилкса или еще что-то, чего не мог открыть своей юной дочери, и о чем она узнала лишь теперь.

Мысли ее снова обратились к Батлеру. Черные глаза смеялись над ней, а губы обжигали поцелуями и сейчас.

– Заманил мерзавец в сладкую ловушку, знал ведь, что не будем вместе! – негодовала Скарлетт, в глубине души понимая, что никто не заставлял ее принимать приглашение. Она просто не могла не поехать с ним. Более того, вернись он сейчас и позови ее, она опять последует за ним.

Опрокинув бутылку, она набрала полрюмки зелья, выпила, и уже не думая ни о чем, заснула в кресле. Сквозь сон слышала, будто Порк зовет её, но не смогла открыть тяжелые веки. Проснулась она от стука в дверь. Камердинер стоял на пороге.

– Мэм, обед сюда подавать?

– Да, принеси сюда, у меня много работы. Почта уже была?

– Сейчас Бен все доставит.

Она просмотрела почту, отложила в сторону письмо тети Элалии, остальное бросила в ящик стола, раскрыла книгу расходов и принялась за дела, которые были сильно запущены. Но и это не отвлекло её от грустных мыслей.

– А вдруг в письме есть что-нибудь о Ретте? – подумала миссис Батлер и вскрыла конверт.

Тетушка спрашивала, не сможет ли она приехать в Саванну, дед хочет ее увидеть. Скарлетт задумалась, а хорошо бы сейчас уехать. Находиться в Атланте не было сил, но на кого оставить все дела? Ей не хотелось идти к дяде Генри, хотя он всегда относился к ней лучше, чем к другим женщинам. Чтобы избежать объяснений с родственниками, она решила обратиться к мистеру Телфорду, на всякий случай написав письмо мистеру Гамильтону.

Дорогой дядя Генри!

Меня срочно вызвали в Саванну к дедушке Робийяру. Я попросила мистера Телфорда помочь мне с делами, учитывая вашу большую занятость. Но если вы найдете возможность оказывать ему содействие, буду бесконечно вам благодарна. Дядя Генри, я открыла счет на имя Индии Уилкс, этих денег должно хватить на хозяйство и для покупки лошади, Эшли знает, о чем идет речь. Мне пишите, если будет необходимость, в Саванну.

С уважением, ваша Скарлетт

Мистер Телфорд удивился ее грустному виду, еще вчера не было женщины счастливее и красивее. Он решил, что она расстроена из-за деда.

– Сколько же ему лет?

– За 90, точно не знаю.

– Крепкий старик. А мистер Батлер уже отбыл?

– Да, к сожалению, он не знал, что мне тоже придется уехать.

– Вот и я, как Ретт, еду искать свои корни, – подумала Скарлетт, поднимаясь по ступенькам вагона.

Все произошло так быстро, что в Атланте даже не заметили, что они уехали не вместе.

Часть вторая

I

Достигнув преклонного возраста, Пьер Робийяр начал жалеть, что у него нет сына. Полин и Элалия не имели детей, и теперь он все чаще вспоминал о младшей любимой дочери Эллин. Дети были только у нее, вышедшей замуж за этого безродного ирландца, который погубил ее. Он знал от дочерей о смерти Эллин и винил во всем не войну, а Джералда. Впервые ему захотелось увидеть свою внучку, которая жила в Атланте.

– Бог не простит мне гордыни, – размышлял старый Пьер.

И он написал Элалии, чтобы они с Полин непременно привезли Скарлетт.

– Тьфу ты, имечко-то, какое, не произнесешь! – подумал дед, дописывая письмо.

Когда Пьер увидел Скарлетт, ему показалось, что Соланж входит в комнату, та же волнующая походка, только ростом чуть меньше и худее.

– Ваша внучка, отец! – робко представили ее тетушки.

– Слава богу, не похожа на ирландца, – обрадовался дед, а Скарлетт вскипела. Как смеет этот злобный старик оскорблять ее любимого отца?

– Вы правы, внешнего сходства нет, зато мне удалось унаследовать его нрав, чем очень горжусь. Мистер О’Хара был истинным джентльменом, любил детей, боготворил жену, и его все уважали. Если бы не война, мы и сейчас были бы счастливы.

Она старалась говорить спокойно, с достоинством, но глаза ее сверкали, как лезвия ножей. Тетушки, сраженные смелостью племянницы, притихли, они никогда не возражали отцу. Старик тоже молчал, любясь внучкой.

– Моя кровь, – заключил он и пригласил ее в свою комнату перед ужином.

– Сколько тебе лет, Скарлетт? – спросил Пьер скрипучим голосом, когда они остались одни.

– 28, дедушка, – ответила задумчиво Скарлетт.

– У тебя есть дети? Ах да, мальчик, – вспомнил дед, – ты же приезжала с ним.

– Есть и девочка от второго брака.

– Твой второй муж из Чарльстона?

– Нет, он был из Атланты и тоже погиб. Из Чарльстона – мой третий муж, Ретт Батлер.

– Трижды замужем, даже в этом сходство с бабушкой, – оживился дед. – Помнится, я был знаком с какими-то Батлерами, давненько, правда. А почему муж не приехал с тобой?

– Вы его не приглашали.

– Такой гордый, что он богат, образован, из хорошей семьи?

– Да, все так, – коротко ответила Скарлетт, ей не хотелось говорить о Ретте.

– От него у тебя нет детей?

– Теперь уже нет. Прошлой весной наша с ним дочь погибла, а с нею – и наш брак, – призналась Скарлетт, чтобы предотвратить дальнейшие расспросы.

– Вы развелись?

– Пока нет.

– Значит, в Атланте тебя ничего не держит? – продолжал Пьер. – Элалия писала, что у тебя магазин, что ты сама им управляешь.

– Есть еще салун. Были лесопилки, муж заставил продать.

– Скарлетт, я уже не в силах вести свои дела, а передать мне их некому. Я бы хотел, чтобы ими занималась ты. Переезжай в Саванну, и Чарльстон будет ближе к тебе.

Дед действительно нуждался в помощи. Дом был большой и очень красивый, таких и в Новом Орлеане немного найдешь. Жили здесь когда-то богато, и это чувствовалось в солидной обстановке в стиле французского ампира, в сверкании люстр и хрусталя. Но на всем лежала, несмотря на чистоту, печать запустения, отсутствия жизни. Если бы Скарлетт не пережила недавно одиночества в своем богатом доме, она не поняла бы деда, но теперь знала, чего ему не хватает. Ей стало жалко его – живет одинокий старик, никому не нужный; слуги, наверное, обкрадывают его, вон как злобно смотрит на нее камердинер.

– Я подумаю, дедушка, но не будет ли вам в тягость мое присутствие? Вы привыкли жить один, я тоже. Моя самостоятельность может не соответствовать вашим представлениям о поведении женщины.

– У тебя, что, куча любовников?

– Матерь божия! Как вы могли такое подумать? – удивилась Скарлетт. – Конечно, нет.

– В наше время так было принято, – пояснил дед. – Неприлично было не иметь любовников и любить своего мужа.

– Надеюсь, бабушка любила вас?

– Всякое бывало. – Она любила жизнь. А ты что любишь?

– Деньги. После войны мне пришлось работать в поле до кровавых мозолей наравне со слугами, чтобы не умереть с голоду самой и всей семье. Я вышла замуж во второй раз, чтобы получить триста долларов и заплатить налог за Тару. В третий раз мне удалось выйти за самого богатого человека в Атланте. Не испугает ли вас, старого аристократа, все это?

– Я не из пугливых, – ответил дед.

– Дети будут бегать по дому, хотя они у меня тихие и послушные.

– Дети – это всегда хорошо, – призадумался старый Пьер. – Жаль только, что они не носят фамилию Робийяров, ну да это можно исправить.

Скарлетт не очень поняла, что он имел в виду, но уточнять не стала.

На день рождения деда приехали его родственники из Нового Орлеана. Среди них выделялся молодой человек лет двадцати, высокого роста, с длинными темными волосами, благородными чертами лица, удлинённым носом, таким же, как у Пьера, очевидно фамильным. Он напомнил Скарлетт Чарльза Гамильтона восторженными взглядами больших выпуклых карих глаз под темными полукружиями четких бровей, робкими манерами, смущением. Он краснел всякий раз, когда обращался к ней.

Анри Робийяр, так звали молодого человека, родился в Париже в преуспевающей образованной семье. Его отец, Огюст, управлял французским отделением крупного банка, основанного в Италии дедом Рене, братом Пьера Робийяра. Мать Анри была родом из французской семьи, обосновавшейся в Новом Орлеане. Она умерла, когда мальчику было тринадцать лет.

Он с успехом окончил школу, однако, больше всего на свете любил рисовать. Отец не противился занятиям сына живописью, и Анри много времени проводил в Лувре, копируя там работы старых художников. Побывали они и в Италии, где юноша познакомился с работами великих мастеров эпохи Ренессанса. Тихая, спокойная жизнь его была прервана разразившейся в 1870 году Франко-Прусской войной, и отец отправил юного художника к американским родственникам. Потом была Парижская коммуна – Анри пришлось еще задержаться в Новом Орлеане. Теперь, наконец, он возвращался домой, заодно посетив Саванну, чтобы познакомиться с братом своего деда.

Когда тетушки собрались ехать домой, Скарлетт сообщила им, что остается в Саванне. Она уже начала разбираться в делах так, что управляющий не раз вылетал в бешенстве из ее кабинета. Дед только смеялся и поощрял внука во всех ее начинаниях.

Старого Робийяра раздражали старшие дочери своей покорностью и бесцветностью – никто из них не унаследовал характер и темперамент Соланж, которая навсегда осталась для него идеалом женщины. И вот теперь все его надежды были связаны с внучкой.

– Хотя и она вряд ли в бабушку, – сомневался он. – Почти месяц рядом с нею неотлучно находится красивый молодой человек, и они все еще не любовники.

Анри помогал Скарлетт учить язык, его молодость заставила помолодеть и ее, и даже деда, все в доме оживилось. Дни текли весело и беззаботно, как в Таре, как будто она вернулась в свою юность, и смех ее снова звенел, как серебряные колокольчики. Давно она не чувствовала себя такой живой и свободной. Оказывается, она, по-прежнему, может нравиться и радоваться жизни. Анри рисовал ее, особенно хороши были несколько рисунков Скарлетт в национальных ирландских костюмах – ярких юбках и полосатых чулках. Они вместе ходили к ее ирландским родственникам, и она очаровывала всех подряд как в былые времена.

– Я смотрю, молодые люди, вы слишком увлеклись Ирландией, и забыли, что род Робийяров обязан своим происхождением Франции, – напомнил дед. – Попытайся, внученька, сегодня вечером побыть французской аристократкой.

Он позвал свою любимую служанку – мулатку Джаннину, которая давно жила в доме и помнила еще бабушку Соланж.

– Нина, наряди девочку к ужину в платье бабушки, сделай ей высокую прическу по той моде, украшения, а мне приготовь мой мундир.

Скарлетт слегка побаивалась этой служанки, которая вела себя как хозяйка, но надев платье, все-таки взмолилась:

– Не могу же я выйти к столу совсем голая.

Мулатка засмеялась.

– Ваша бабушка выходила и не только к ужину, на бал, так еще и рубашку увлажняла, чтобы лучше прилипала к телу. Вам не надо стесняться, я подобрала рубашку совсем не прозрачную, а грудь прикрою косынкой.

– Как простолюдинка нарядилась, – воскликнул дед, увидев косынку, и сам надел вместо нее тяжелое ожерелье из старинных изумрудов.

– Вот... теперь хоть на бал ко двору, – удовлетворенно крикнул Пьер. – Танцевать умеешь?

– Еще как! – засмеялась Скарлетт и закружилась на узорчатом паркете, – жаль, нет музыки. У кузена О'Хара – музыка есть, и живут они весело.

– Так пригласи их к нам, я думаю, они не только рил пляшут.

С этого вечера дед много говорил о Франции, рассказывал о своем роде, восходившем к средневековым всадникам. Как многие дворяне, они сохранили лишь воспоминания о замках и землях предков, обходясь жалованием от службы королю. Преданность королю, отвага, верность слову – вот, чему учили Робийяры своих сыновей с детства, как и фехтовать, ездить верхом, разбираться во всех видах оружия. Трудно проследить, кто первый в семейной родословной воспользовался благородной статью, чтобы соединить дворянское происхождение с богатством, но уже давно их род служил королям не только шпагой, но и финансами.

К началу революции 1789 года братья Робийяры, Пьер и Жан, оба роялисты и католики, были очень состоятельными. Приверженность королю стоила жизни Жану, а Пьеру пришлось вместе со своей молодой женой и детьми перебраться в Италию. У него было три сына и дочь, старшего по традиции звали, как и отца, Пьером. Он помнил, как толпы людей стекались со всех улиц Парижа и двигались куда-то с криком «Версаль», а мать уводила его от окна и прятала под кроватью от шальной пули.

Это было очень страшное время не только для Франции. Все столетие Европа сотрясала от грохота орудий, войн, революций, погромов и разгульного веселья между этими собы-

тиями. Но именно Французское королевство изменило лицо мира, Людовик XVI, старавшийся быть «просвещенным» монархом и присоединившийся с частью аристократов к революции, закончил свою жизнь на гильотине. Впрочем, как и те, кто пришел к власти вслед за ним.

После падения Бастилии 14 июля королевство было мгновенно охвачено огнем революции. Крестьяне захватывали замки своих сеньоров, жгли долговые расписки, отказывались выполнять старинные повинности – «третье сословие» брало власть в свои руки, требуя заставить дворян и священников платить налоги. Именно они – крестьяне, предприниматели, ремесленники, работники мануфактур несли непосильное бремя налогов, за счет которых содержались королевская семья, двор, органы власти, армия и флот.

26 августа 1789 г. Учредительное собрание приняло «Декларацию прав человека и гражданина», первая статья которой гласила: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Декретом от 19 июня 1790 г. было отменено наследственное дворянство, титулы и гербы.

Часть «дворянства шпаги», «дворянства мантии» и крупных предпринимателей, именовавших себя «гражданами», были удовлетворены произошедшими изменениями. Наиболее энергичные из них сумели обогатиться, несмотря на кризис, обесценивание денег, голод, конфискацию земельных владений и хотели только одного – прекращения дальнейшего нарастания революции. Но остановить события не смогли ни якобинская диктатура, ни «великий террор», и взоры политиков все чаще обращались к армии в поисках нового диктатора – «сильной шпаги», который смог бы предотвратить и реставрацию монархии, и возвращение к власти сторонников Робеспьера. Такой фигурой стал дивизионный генерал Бонапарт, рожденный не только воевать, но и властвовать, а потому возложивший на себя уже в 1804 году корону императора французов, спустя всего лишь десяток лет после кровопролитных битв за свободу и равенство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.